

Министерство внутренних дел Российской Федерации  
Омская академия

ПРАВО И ПОЛИТИКА:  
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Материалы международной научно-практической конференции*  
(20 ноября 2015 г.)

Омск  
ОМА МВД России  
2016

УДК 342.1/.3(082)  
ББК 67.0  
П 68

П 68      **Право и политика: история и современность** : мат-лы между-  
нар. науч.-практ. конф. (20 ноября 2015 г.) / отв. за вып. Т. Е. Грязно-  
ва, С. С. Киселёв. — Омск : Омская академия МВД России, 2016. —  
212 с.

ISBN 978-5-88651-627-2

В сборнике обсуждаются теоретические и практические проблемы раз-  
вития и функционирования государства и права. Проведен анализ основных  
направлений правовой политики Российской Федерации. Освещены вопро-  
сы взаимодействия российского общества и государства на различных исто-  
рических этапах.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных  
сотрудников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД  
России.

УДК 342.1/.3(082)  
ББК 67.0

ISBN 978-5-88651-627-2

© Омская академия МВД России, 2016

**М. Г. Абрамова**

## **СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ ОБЩЕСТВО ГРАЖДАН?**

Уже более двадцати лет среди отечественных политиков и политологов остается распространенным представление о том, что по мере разрушения социально-политических опор прежней коммунистической системы будет происходить становление новых форм общественного сознания, создающих фундамент альтернативной демократической системы<sup>1</sup>. Считается, что в России именно гражданское общество оказывает действенное сопротивление авторитарным тенденциям и его структуры должны быть важнейшим инструментом непрерывного процесса демократизации.

Однако динамика развития современного политического пространства России не подтверждает этого. Формирующееся российское гражданское общество характеризуется фрагментарностью, криминализацией, нетерпимостью, максимализмом в отстаивании узкогрупповых, эгоистических интересов. Между тем сверхзадачей развития института «гражданское общество» как раз и было формирование нового социума независимых граждан, самостоятельно выражающих и защищающих свои интересы.

Институт «гражданское общество» отличается долгой и сложной историей. Эксперты иных сфер научного знания (историки, философы, политологи, экономисты) в разное время давали свое определение этому феномену. Наиболее объективным нам видится определение, сформулированное Г. В. Чевозеровой, которая обозначила следующие черты гражданского общества: наличие граждан как активных, свободных, универсальных личностей; открытая система структур и институтов, созданных по инициативе граждан для реализации своих и общественных потребностей; необходимый уровень этико-правового сознания и политической культуры граждан, реализуемых в политической активности, возможности участия в принятии значимых для общества решений, что обеспечивается демократической системой отношений<sup>2</sup>.

В свое время В. Новодворская утверждала, что в любом обществе есть граждане — это те, кто выступает против власти, против режима, и те, кто не выступает, кто ведет себя как стадо, — это не граждане<sup>3</sup>. Либералы понимают гражданское общество в узком смысле, как совокупность неправительственных организаций, главная функция которых — противостоять государству в различных сферах общественной жизни. В таком узком смысле оно в России

---

<sup>1</sup> *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством* / под ред. Л. И. Якобсона. М., 2008. 296 с.

<sup>2</sup> *Чевозерова Г. В.* Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества в России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 220 с.

<sup>3</sup> *Новодворская В.* Прощание славянки. М., 2009. С. 71.

и сложилось: зарегистрировано почти 360 тыс. различных общественных организаций (только около 38% из них реально действующие)<sup>4</sup>. Однако выступление против власти само по себе не несет позитивного контента. Гражданское общество в широком смысле — это сами граждане, российский народ. Эффективность гражданской позиции в том и состоит, чтобы не просто выступить «против», а выступить «за» что-то. Российский политический опыт показывает, что в современных условиях не работает либеральная концепция гражданского общества как сферы, противостоящей государству. Понятие «гражданин» несет определенную аксиологическую нагрузку, связанную с особенностями политической и культурной традиций нашей страны. Так, в России были категории: «именитый гражданин» — особое звание богатейших и почетнейших купцов; «почетный гражданин» — звание, которое даровалось купцам и недворянам за заслуги; «степенный гражданин» — отличие, жалуемое за службу по городским выборам. Словарь Даля содержит понятия «гражданские доблести», «гражданский венец». Для российской политической традиции характерна субстантивная идеологическая наполняемость института гражданства, поэтому простое существование гражданского общества как некоей аморфной и толерантной структуры не вписывается в политические реалии нашего государства.

Личность с гражданской позицией в России структурно и содержательно значительно отличается от западной модели. Для отечественного политического менталитета важнее и органичнее институт гражданственности, который обозначает, прежде всего, вклад отдельной личности в «общее дело», его работу на пользу общества в целом, а не в интересах узкой группы или в своих личных интересах. Современное Российское государство провозгласило свое невмешательство в идеологическую сферу: она может и должна находиться в ведении самих граждан, которые обладают гражданственностью, выступают не против, а за нравственные ценности: труд, честность, взаимопомощь, милосердие. И в этом широком смысле гражданское общество как совокупность активных граждан с гражданской позицией, болеющих за «общее дело», у нас пока не сложилось.

Концепцию необходимости воспитания такого активного гражданина разрабатывали теоретики евразийства. В принятой на первом съезде Евразийской организации Декларации, автором которой был Г. В. Вернадский, говорилось, что личность не воспринимается в отрыве от соборного целого. Служению общему делу должны быть посвящены все ее силы. Таким образом, центральным понятием евразийского государства является «общее дело», служение общему благу, коллективизм. Евразийцы утверждали, что важно «гарантийное, “обязательное” государство, имеющее дело с личностями, но

---

<sup>4</sup> Мерсиянова И. В. Тенденции развития гражданского общества. М., 2010. С. 44.

не с индивидуумами, не с атомарными учредителями произвольного коллективного предприятия»<sup>5</sup>. Евразийцы выступали за отмену политических партий. «Мы хотим заменить искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей. Поэтому нам не нужна политическая партия, как она нужна демократии западного стиля»<sup>6</sup>. Особая роль в этом процессе формирования и воспитания активных граждан должна отводиться таким традиционным институтам, как семья и школа. «Мы строим наше государство на суверенитете народа, но не на том дезорганизованном, анархическом суверенитете, на котором строятся западные демократии (где “народный суверенитет” равен механическому агрегату мнений отдельных достигших политической зрелости граждан), а на суверенитете организованном и органическом. Мы считаем “народом” или “нацией” не какой-то случайный отбор граждан, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры»<sup>7</sup>. Современное государственное строительство в России должно опираться на богатое наследие евразийской идеологии, выдвигавшей концепцию «общества граждан», служащих «общему делу», а не механически переносить на российскую почву западную модель либерального гражданского общества, не совмещающуюся с национальными традициями нашей государственности.

### **Р. З. Амиров**

## **ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ И ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**

В Советском государстве, как и в Российской империи, в качестве мер по обеспечению государственной безопасности применялись нормы чрезвычайного законодательства. Военские формирования по-прежнему представляли собой основную силу, применяемую для обеспечения особых правовых режимов. Использование армии наряду с внутренними войсками осуществлялось на основании актов чрезвычайного законодательства, разработанных с учетом дореволюционного законодательства и опыта работы ревкомов по реализации чрезвычайных мер охраны революционного порядка.

Соответствующий опыт нарабатывался в ходе подавления многочисленных крестьянских восстаний. В состав создаваемых в охваченных антисовет-

---

<sup>5</sup> *Петров В.* Евразийское государство правды. URL: [http://rusgeopolit.com/?p=467#\\_ftn1](http://rusgeopolit.com/?p=467#_ftn1) (дата обращения: 12.09.2015).

<sup>6</sup> *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М., 2003. С. 179.

<sup>7</sup> Там же. С. 180.

скими выступлениями местностях районных и волостных ревкомов входили представители комитетов РКП(б), исполкомов Советов и командования Красной Армии. В ходе подавления восстания под предводительством Антонова в начале 1921 г. органами власти Тамбовской губернии и командующим армией была разработана инструкция, определившая задачи ревкомов в освобожденных от повстанцев местностях, в том числе по оказанию полного содействия воинским частям РККА. Они создавались под защитой частей регулярной армии и взаимодействовали с ними. 6 мая 1921 г. в командование более чем 40-тысячной группировкой советских войск, действовавших против повстанцев, вступил М. Н. Тухачевский. Он разработал Инструкцию по искоренению бандитизма, предусматривавшую установление в мятежных районах оккупационного режима.

В соответствии с Положением о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка от 3 апреля 1925 г. закреплялось введение исключительного и военного положения. Исключительное положение вводилось в случаях контрреволюционных выступлений, массовых посягательств на личность и имущество граждан; чрезвычайных стихийных бедствий и как режим, переходный от военного положения. При недостаточности мер исключительного положения вводилось военное положение. В случае введения военного положения для охраны или восстановления революционного порядка (не на театре военных действий) высшая власть передавалась военно-революционным комитетам, в состав которых включались представители военного командования или военные комиссары.

Во время Великой Отечественной войны на отдельных территориях страны вводились такие виды особых правовых режимов, как военное и осадное положение. В местностях на военном положении на военные советы или командование войсковых соединений возлагались функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. В сфере управления в условиях действия режима военного положения полномочия военных властей расширялись посредством предоставления права отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям и организациям, издавать постановления, обязательные для населения. Неподчинение распоряжениям и приказам военных властей влекло уголовную ответственность по законам военного времени. Военные советы округов, фронтов (армий) в районах ведения боевых действий вводили прифронтовой режим, при этом органы внутренних дел переходили в полное подчинение военному командованию. Особый правовой режим устанавливался в отдельных местностях непосредственно после окончания войны.

Вновь прибегнуть к принятию норм чрезвычайного законодательства органы власти вынудили события, связанные с обострением социально-по-

литической обстановки в СССР на рубеже 80–90-х гг. XX в. Причем первоначально чрезвычайное положение устанавливалось на основе подзаконных актов при отсутствии соответствующего закона. К январю 1990 г. на территориях Азербайджана и Армении значительно активизировались действия различных националистических и сепаратистских объединений, организовывавших массовые беспорядки, забастовки, разжигавших межнациональную рознь. Руководство республик оказалось не в состоянии переломить создавшуюся ситуацию, в связи с чем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 г.<sup>1</sup> было объявлено чрезвычайное положение на территориях Нагорно-Карабахской автономной области и отдельных районов Азербайджанской ССР и Армянской ССР. В реализации указанных мер участвовали войска различных ведомств. Внутренние войска МВД СССР привлекались для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, защиты прав граждан, охраны общественного порядка и безопасности объектов жизнедеятельности населения. На воинские части Советской Армии, Военно-морского флота и Комитета государственной безопасности СССР распространялся узкий круг задач: защита граждан, охрана объектов жизнедеятельности населения. На все войска также возлагались задачи по охране железных дорог и других коммуникаций для обеспечения бесперебойной работы транспорта. С 20 января 1990 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР чрезвычайное положение было введено в столице Азербайджанской ССР<sup>2</sup>. В город вошли подразделения войск МВД СССР и Советской Армии, которые заняли ключевые объекты, взяли под контроль государственные учреждения.

В апреле 1990 г. был принят Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения»<sup>3</sup>. Статьей 11 привлечение воинских частей Вооруженных Сил СССР предусматривалось «в исключительных случаях по решению Верховного Совета СССР или Президента СССР для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, охраны общественного порядка и обеспечения безопасности граждан наряду с внутренними войсками Министерства внутренних дел СССР и КГБ СССР». В таких ситуациях воинские части Вооруженных Сил СССР действовали в соответствии с воинскими уставами и законодательством Союза ССР об обязанностях и правах внутренних войск МВД

---

<sup>1</sup> *Об объявлении* чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах : указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 г. № 1060-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 3, ст. 40.

<sup>2</sup> *О введении* чрезвычайного положения в городе Баку : указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1990 г. № 1092-1 // Там же. № 4, ст. 57.

<sup>3</sup> *О правовом* режиме чрезвычайного положения : закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1407-1 // Там же. № 15, ст. 250.

СССР. Однако принятый 17 мая 1991 г. Закон РСФСР «О чрезвычайном положении»<sup>4</sup> допускал привлечение Вооруженных Сил к обеспечению режима чрезвычайного положения только в случаях возникновения угроз природного и техногенного характера, в связи с чем возникала коллизия с нормами союзного законодательства. Так, при введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике 9 ноября 1991 г. «в целях пресечения массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, прекращения деятельности незаконных вооруженных формирований, в интересах обеспечения безопасности граждан и охраны конституционного строя республики» привлекались силы и средства органов МВД и КГБ РСФСР без участия армейских подразделений.

Таким образом, угрозы и вызовы безопасности конца XX – начала XXI вв. (внутренние вооруженные конфликты, деятельность незаконных вооруженных формирований, терроризм, экстремизм и пр.) потребовали от российского законодателя разработать юридические нормы, закрепляющие условия и порядок привлечения Вооруженных Сил РФ для противодействия угрозам социального характера в период действия особых правовых режимов. Таким образом, как показывает исторический опыт, нельзя однозначно утверждать, что полицейские (правоохранительные) функции являются несвойственными вооруженным силам, особенно в периоды обострения угроз для безопасности личности, общества, государства.

## **В. И. Балко**

### **ПЕРИОДЫ И ЭТАПЫ ИСТОРИИ ДАКТИЛОСКОПИИ**

В истории дактилоскопии условно можно выделить 2 периода: прокриминалистический и криминалистический, а также подпериоды и этапы.

В прокриминалистическом периоде 2 подпериода: продактилоскопический и естественнонаучный. Продактилоскопический подпериод включает следующие этапы:

— этап *наскальных изображений*, когда след руки формировался путем наслоения или отслоения на различные твердые поверхности;

— этап *глиняных оттисков*, когда археологи находят отображения пальцев рук на глиняных изделиях в Китае, Японии, Афинах, островах Крит и Кипр, возле рек Тигр и Евфрат и в других местах древней цивилизации. Самые древние глиняные печати с оттисками пальцев рук китайского происхождения, они произведены 3 тыс. лет до н. э.;

---

<sup>4</sup> О чрезвычайном положении : закон РСФСР от 17 мая 1991 г. № 1253-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22, ст. 773.



— этап *иных «неглиняных» носителей*. К иным «неглиняным» носителям относятся предшественники бумаги: папирус, пергамент, свитки и деревянные таблички;

— этап *бумажных носителей*. Данный этап связан с распространением бумаги. В Древнем Китае, Персии, Японии, Индии, Египте, на Тибете пальцевые отпечатки верхней фаланги иногда совместно с ногтем ставились в письменных документах в качестве подписи и носили мистический характер.

В естественнонаучном подпериоде научный подход к рисунку на коже первоначально ограничивался анатомическими, а с изобретением микроскопа — гистологическими описаниями кожной ребристости и углублений между ними. Выделим следующие этапы:

— этап *анатомической*, где первыми европейцами, научно подошедшими к разбору сосочковых линий, были анатом Грей, который их описывал в 1684 г.<sup>1</sup>, и биолог Мальпигий, охарактеризовавший в 1686 г. линии на ладонной поверхности руки;

— этап *первоначальной классификации*. В 1823 г. Пуркинёв первый из европейцев попытался классифицировать отпечатки пальцев. Он установил 9 типов и создал таким образом основание, на котором базируется современный регистрационный метод дактилоскопии.

В криминалистическом периоде выделяются следующие подпериоды: становление (консолидации) дактилоскопии; ведомственный или научно-технический. И добавим подпериод всеобщего дактилоскопирования.

В первом подпериоде становление (консолидации) дактилоскопии связано с именами таких ученых и практиков, как: В. Гершель, Г. Фолдс, Х. Вучетич, Ф. Гальтон, Э. Генри, Э. Локар, Ж. Витковский, В. Лебедев, а также с другими исследователями, которые поставили дактилоскопию на научную основу. Здесь выделяются следующие стадии:

— этап *удостоверительный (простейший сравнительно-идентификационный)*. Англичанин Вильям Гершель с 1858–1878 гг. использовал отпечатки пальцев для удостоверения личности солдат, которым выплачивали жалованье, а впоследствии для регистрации заключенных. Параллельно В. Гершелю идентификационные свойства отпечатков пальцев вновь открыл шотландец Г. Фолдс. Американский железнодорожный инженер Гильберт Томпсон еще в 1882 г. в Нью-Мехико ставил отпечаток своего большого пальца на ведомостях выдачи зарплаты рабочим, чтобы избежать подделок. Тремя годами позже жители Цинциннати предложили ставить отпечаток большого пальца на железнодорожные билеты, а фотограф Тейбор из

---

<sup>1</sup> Стояновский Д. Н. Диагностика заболеваний по кожным рисункам ладони. Практическая дермоглифика. М., 2001. С. 6.

Сан-Франциско стал регистрировать китайских переселенцев при помощи их отпечатков пальцев;

— этап *начального информационного распространения* — начинается при первых упоминаниях о возможности идентификации человека по отображениям его кистей рук. Один из первых источников — книга А. Квачевского «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года», где он писал о возможности идентификации преступника по следам рук<sup>2</sup>. Можно отметить также работы Ф. Гальтона «Отпечатки пальцев», Х. Вучетича «Система идентификации» и Э. Р. Генри «Дактилоскопический справочник»;

— этап *интенсивного изучения кровяных папиллярных следов*. Эбер из Германии почти так же, как доктор Г. Фолдс, открыл криминалистические возможности использования кровавых следов пальцев на месте преступления. Он, как и Г. Фолдс, пришел к выводу, что по отпечаткам рук и пальцев, оставленным на месте преступления, можно было бы уличать преступников, раскрывать убийства по кровавому следу по отображению большого пальца руки (дело Ройас, Аргентина);

— этап *интенсивно-классификационный*. В 1891 г. Ф. Гальтон пальцевые узоры разделил на 60 классов, затем в последнем варианте он их свел к трем основным типам: дугам, петлям и завиткам. Он доказал однозначность и неизменяемость папиллярных узоров и подразделил их по форме на четыре основные группы. Х. Вучетич из Аргентины к 1 сентября 1891 г. разработал первую десятипальцевую систему классификации дактилоскопических отпечатков, которую затем непрерывно улучшал и шлифовал. Совершенно самостоятельно Х. Вучетич пришел к четырем группам, которые соответствовали группам Ф. Гальтона. Параллельно Х. Вучетичу Э. Генри из Бенгалии установил пять видов основных рисунков и точно охарактеризовал каждый из них.

Второй подпериод — ведомственный или научно-технический — целесообразно рассматривать историю дактилоскопии в отдельно взятой стране (например, в России), так как в каждой из них имеются свои особенности. При наличии общих тенденций в мире выделим следующие этапы:

— этап *всемирного информационного распространения*, условно начинается с 1892 г.;

— этап *становления дактилоскопии как метода регистрации и идентификации* с 1920 г. по 1940 г.;

— этап *развития теории и практики дактилоскопии* — с 1940 г. по 1960 г.;

— этап *углубленного развития теории и практики дактилоскопии* — с 1960 г. по 1980 г.;

---

<sup>2</sup> Хазиев Ш. Н. История дактилоскопии в России 1867–1994 гг. М., 2004. С. 8–10.

— этап *начала автоматизации дактилоскопии* — с 1977 г., связан с введением системы «След» приказом МВД СССР;

— этап *локальной и региональной автоматизации дактилоскопии* — с 1993 г.;

— этап *начала многоуровневой автоматизации дактилоскопии* — с 1999 г.;

— этап *комплексного подхода к дактилоскопии* — с 2000 г. Связан с комплексным подходом к криминалистическому исследованию потожировых следов человека методами дерматоглифики, одорологии, биохимии и хроматографии (Т. Ф. Моисеева и др.);

— этап *централизованной автоматизации дактилоскопии*. Связан с внедрением централизованной интегрированной автоматизированной информационной дактилоскопической системы (далее — ЦИАДИС) в МВД России с 2015–2016 гг. Предполагается выделение третьего подпериода всеобщего дактилоскопирования, где: 1 — этап законодательный. Начинается с появлением закона «О государственной дактилоскопической регистрации» в каждой стране; 2 — этап организационно-региональный. Начинается с расширения организации межправительственных соглашений о порядке передаче дактилоскопической информации до его практического применения; 3 — этап всеобщий международно-законодательный. Начало всеобщей межгосударственной ЦИАДИС. При развитии третьего подпериода интеграционные процессы дактилоскопии будут набирать максимальные обороты.

Обобщение и систематизация истории дактилоскопии помогут глубже понять ее роль в социально-политической жизни и в борьбе с преступностью, а также истоки и тенденции дальнейшего развития.

## **А. П. Борт**

### **ТЕОРИЯ ХАРАКТЕРНОГО ИСПОЛНЕНИЯ КАК КОЛЛИЗИОННЫЙ ПРИНЦИП УСТАНОВЛЕНИЯ ДОГОВОРНОГО СТАТУТА**

Особенности осуществления внешнеэкономических сделок состоят из действий по выражению и согласованию субъектами своей воли, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Действительно, стороны, заключая контракт, вправе подчинить регулирование своих прав и обязанностей по ним любому национальному законодательству. В противном случае суд или арбитраж самостоятельно выбирают национальное право на основании коллизионных норм.

Для внешнеэкономических сделок сложным вопросом является определение права, применимого к договорным обязательствам, и это всегда находится в центре внимания субъектов внешнеэкономических отношений. Свя-

зано это с тем, что в разных государствах к одним и тем же операциям применяются собственные (национальные), порой противоречивые требования.

Если стороны не проявили ясности относительно намерения подчинить свои договорные отношения соответствующему праву, положения коллизионного законодательства отсылают к объективным привязкам. При этом принятые коллизионные решения должны иметь гибкий характер. Современное международное частное право отходит от жестких и безусловных привязок в пользу более гибких правил, которые обычно обеспечивают вариативность правил и возможность корректировки. В основе такого подхода, который также используется в ст. 32 Закона Украины «О международном частном праве»<sup>1</sup> (далее — Закон), находится сформулированная еще Савиньи теория наиболее тесной связи, или характерного исполнения.

Коллизионное регулирование закреплено в ст. 32 Закона и устанавливает общий принцип, согласно которому правом, применяемым к договору, выступает право страны, с которой договор тесным образом связан. Конкретизация этого принципа сделана путем введения презумпции наиболее тесной связи с государством, где имеет место характерное исполнение должника (ч. 3 ст. 32 Закона). Презумпция, однако, может быть опровергнута, если из всех обстоятельств следует, что соглашение более тесно связано с другим государством.

Выражение «наиболее тесной связи» само по себе не позволяет прямо обратиться к конкретной правовой системе, но требует установить определенные критерии, указывающие на наличие данной связи. Эти критерии будут отличаться в разных ситуациях.

Существует множество связей, которые должны стать предметом оценки суда, позволяющей определить, какие из них, с учетом количества, качества и интенсивности, свидетельствуют о наиболее тесной связи. Таким образом, формулировка ч. 2 ст. 32 Закона является расплывчатой. Она может привести к надлежащему решению, особенно в развитых юрисдикциях, однако представляет собой риск для правовой определенности. Рядовой участник рынка может иметь проблемы при поиске наиболее тесной связи и должен заботиться о том, совпадет ли его оценка с оценкой суда, рассматривающего дело. Дополнительным элементом, который может придать всей ситуации еще более непредсказуемый характер, является необходимость учета обстоятельств, возникших после заключения договора.

Определение наиболее тесной связи дается в ч. 3 ст. 32 Закона, которая вводит презумпцию того, что наиболее тесно связанным с договором является право государства характерного исполнения должника. Таким образом, происходят перестройка и конкретизация указанного коллизионного принципа.

---

<sup>1</sup> О международном частном праве : закон Украины от 23 июня 2005 г. № 2709-IV. URL: [http://base.spinform.ru/show\\_doc.fwx?rgn=16954](http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16954) (дата обращения: 11.08.2015).

Использование наиболее тесной связи получило развитие в послевоенной доктрине и швейцарской судебной практике. Одним из теоретиков этого подхода является А. Шнитцер<sup>2</sup>. Указанная теория исходит из того, что почти во всех обязательственных отношениях можно выделить положения, которые предоставляют обязательству черты, определяющие его характер. Этот вопрос очевиден в односторонних (односторонне обязывающих) договорах, но данная теория может быть применена и к двусторонним (двусторонне обязывающим) договорам. Традиционно считается, что в договорном отношении, в котором обязательства одной стороны имеют денежное содержание, за характерные следует признавать обязательства другой стороны. Сама по себе уплата денежной суммы не трактуется обычно как решающее исполнение для данного обязательства.

Установление характерного исполнения позволяет найти «местонахождение» договорных отношений, которым в соответствии со ст. 32 Закона является место обычного проживания должника, а в случае юридических лиц — местонахождение их главного офиса (органов управления). Этот принцип определенным образом меняется, когда речь заходит о субъектах, профессионально занимающихся хозяйственной деятельностью и имеющих бизнес в нескольких странах. В таком случае решающий фактор представляет местонахождение головного предприятия, и если исполнение должно быть осуществлено иным, нежели главным, предприятием, — местонахождение этого другого предприятия.

По мнению некоторых авторов, в конструкции наиболее тесной связи определяющим является не столько место характерного исполнения, сколько место, из которого «происходит» должник, обязанный к его исполнению. Такой подход имеет свое обоснование и причины. Как отмечается, гораздо легче определить место постоянного жительства физического лица или нахождения юридического лица, чем заботиться о поиске места исполнения договора. Кроме того, такое решение будет соответствовать ожиданиям сторон. Имея в виду профессиональных участников рынка, которые предоставляют различные услуги за плату, считаем важным, чтобы все их сделки подчинялись единому праву, независимо от того, в чем заключаются конкретные услуги и где они не подлежат исполнению. Это может обеспечить обращение к месту нахождения должника. Клиент, обращаясь к иностранной компании, как правило, готов к тому, что будет применено право его контрагента. Последующее изменение места нахождения или жительства должника не будет влиять на применимость права.

Однако упомянутая выше презумпция может быть опровергнута. Если на основании анализа всех обстоятельств будет обнаружено, что заключен-

---

<sup>2</sup> Schnitzer A. Handbuch des internationalen Privatrechts. Basel, 1957. 494 S.

ный договор имеет более тесную связь с другим государством, ч. 1 ст. 32 Закона не применяется. Это же касается ситуации, когда нельзя определить характерное исполнение. Тогда следует обратиться к исходному положению и опираться на наиболее тесную связь, установленную на других условиях. В данном случае решающее значение будет иметь позиция суда, рассматривающего дело.

По мнению некоторых авторов, подобная система, основанная на указанном количестве оценочных элементов, не заслуживает одобрения, лучшим решением будет подготовить большее количество специальных коллизионных норм, касающихся отдельных видов договорных отношений, не прибегая к теории характерного исполнения. Примером такого регулирования является положение ст. 44 Закона. На первый план выдвинуты подробные коллизионные правила для перечисленных типов контрактов, и лишь в непредусмотренных случаях делается отсылка к общей концепции характерного исполнения. Только когда последнее не может быть установлено, решающим станет установление наиболее тесной связи, которой отводится субсидиарная роль.

В заключение отметим, что Закон, хотя и в ограниченной степени, обеспечивает специальные правила для отдельных видов договорных отношений, но их анализ требует самостоятельного рассмотрения.

**М. А. Бтикеева**

## **ПРЕДПОСЫЛКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВНЕЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Интеграция, по справедливому замечанию большинства аналитиков, уже с 50-х гг. XX в. стала одним из ведущих мировых трендов, одной из главных идей современных международных отношений<sup>1</sup>. Объективно сближая страны, интеграция способствует не только ускоренному экономическому взаимодействию и сотрудничеству, но и обеспечению национальных интересов и региональной безопасности. Процессы политического объединения государств на африканском и южноамериканском континентах развиваются уже достаточно долго, однако их завершению часто препятствует реальная внешнеполитическая конъюнктура. Актуальная политическая действительность в Ал-

---

<sup>1</sup> Байков А. А. Модели интеграционной экспансии в зарубежной Европе и Восточной Азии // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 57 ; Ремезова Н. А. Предпосылки формирования евразийской интеграционной группировки // Право и политика. 2008. № 6. С. 1401 ; Калачян К. К. Международно-правовые проблемы деятельности ЕврАзЭС // Гос-во и право. 2004. № 3. С. 58.

жире, Египте и Ливии, Бразилии и Венесуэле ярко демонстрирует, что «американская демократия», а также «парадигма европейской толерантности» оказываются неприемлемыми для традиционных ценностей и национальных интересов Африки и Латинской Америки. Вместе с тем следует признать, что вектор консолидации близких по духу, языку и традициям народов этих двух континентов усиливается с каждым годом.

Как утверждают эксперты, идея создания единого государства, состоящего из африканских стран, существует давно, а стремление к ассоциации африканских стран берет начало с рубежа 1950–1960 гг., процесса деколонизации, периода получения политической независимости<sup>2</sup>. Новая глава в истории региональной интеграции, по мнению исследователей, открыта в сентябре 1999 г. в Ливии, когда было принято решение о создании Африканского союза<sup>3</sup>. Главный идеолог африканского единства ливийский лидер М. Каддафи выступал инициатором формирования Соединенных Штатов Африки и констатировал, что «Африка сегодня является ничем иным как добычей, которую волки со всего мира хотят съесть, разграбив ее минеральные и рыболовные ресурсы»<sup>4</sup>. Признавая, что ни одна африканская страна не может выжить в одиночку, и чтобы не оказаться снова в рабстве или крепостном положении, ливийский лидер предлагал Африке объединиться, так как «только совместно страны континента могут ответить на вызовы современности, такие как глобализация, бедность населения и необходимость решения конфликтов без вмешательства Запада»<sup>5</sup>.

Создание Соединенных Штатов Африки предполагало совместную борьбу с острыми вооруженными конфликтами, продолжающими разрушать африканский континент и унесшими за последние 20 лет миллионы жизней (Демократическая Республика Конго, Судан и Чад, а также Сомали с гражданской войной и пиратством). Главная причина их возникновения — борьба разных группировок за власть и контроль над сырьем. Это не только печально знаменитые «кровавые алмазы», но и конголезский тантал, суданская нефть и

---

<sup>2</sup> Лебедев В. Появление Соединенных Штатов Африки остается лишь мечтой. URL: <http://www.rg.ru/2008/02/02/afrika.html> (дата обращения: 12.10.2015); Курбанов Р. А., Белялова А. М. Региональная интеграция в Африке: сообщество сахело-сахарских государств (СЕН-САД) // Гос-во и право. 2015. № 7. С. 99–102; Костюнина Г. М. Интеграция в Африке // Международная экономическая интеграция : учеб. пособие / под ред. Н. Н. Ливенцева. М., 2006. С. 297–320.

<sup>3</sup> Курбанов Р. А., Белялова А. М. Указ. соч. С. 99–102.

<sup>4</sup> Каддафи призвал создать объединенную армию Африки. URL: <http://www.vz.ru/news/2010/12/15/454859.html> (дата обращения: 28.09.2015).

<sup>5</sup> Каддафи готов создать соединенные штаты Африки. URL: <http://vlasti.net/news/36361> (дата обращения: 21.09.2015); Бавырин Д. Соединенные Штаты Африки. URL: <http://vz.ru/politics/2007/8/15/101246.html> (дата обращения: 22.09.2015).

чадский уран. К образованию интеграционного объединения африканских лидеров подталкивал и всемирный экономический кризис, который в одиночку преодолеть весьма затруднительно.

Однако многие эксперты уже тогда констатировали, что среди самих африканцев отсутствовало единодушие по вопросу объединения. Местные лидеры, опасаясь потерять власть, будут саботировать создание новых Соединенных Штатов Африки<sup>6</sup>, поскольку создание единого политического пространства с одним правительством может затронуть национальные интересы отдельных государств и станет посягательством на их суверенитет<sup>7</sup>. Не все африканские лидеры готовы расстаться с властью, поскольку многим хочется остаться правителями, пусть маленьких и слабых, но формально независимых стран. Именно это стало одним из главных препятствий на пути к африканскому единству<sup>8</sup>. Сегодня Африка, имея больше региональных организаций и интеграционных объединений, чем любой другой континент, не смогла реализовать программу и планы, заявленные М. Каддафи.

В Латинской Америке интеграция развивается также долго. Объективной основой процесса на континенте, как считает Э. Дабганян, выступают общие исторические судьбы и практически единый язык (точнее, два родственных языка, на которых говорит большинство населения)<sup>9</sup>.

В Латинской Америке появились центры, открыто оспаривающие центральное значение и роль США. На политическую сцену региона вышли такие государства, как Бразилия, Чили, Аргентина, Мексика. В 90-х гг. прошлого столетия политическая интеграция и создание единого и сильного блока стран во главе с США потерпело фиаско. Основной причиной послужило то, что латиноамериканские государства в силу политических и культурных особенностей изначально не воспринимали США как лидера Южной и Центральной Америки, как представителя и выразителя их интересов<sup>10</sup>.

В своем интервью президент Эквадора Р. Корреа отметил, что «интеграция XXI в., которая должна повысить производительность в маленьких странах, например, латиноамериканских, необходима для выживания. Мы не хо-

---

<sup>6</sup> Кошман А. На карте мира появятся новые США. URL: <http://www.utro.ru/articles/2009/02/02/795062.shtml> (дата обращения: 15.10.2015).

<sup>7</sup> Соединенные штаты разделили Африку. URL: <http://www.dni.ru/polit/2007/7/3/110916.html> (дата обращения: 14.10.2015).

<sup>8</sup> Каддафи может стать президентом США — соединенные штаты Африки. URL: <http://www.pravda.ru/world/restofworld/africa/03-02-2009/300715-ash-0/> (дата обращения: 22.10.2015).

<sup>9</sup> Дабганян Э. Интеграция по-латиноамерикански. URL: <http://polit.ru/article/2007/06/08/integracion/> (дата обращения: 10.10.2015).

<sup>10</sup> Орлова А. С. Южноамериканская интеграция: от США к Бразилии // США—Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 1. С. 76.



тим безжалостной неолиберальной глобализации, которая нас сметет. Только вместе мы можем противостоять ей и быть участниками мирового концерта. Именно поэтому я убежден, что интеграция неизбежна и необходима, что она имеет фундаментальное значение; но, повторяю, не неолиберальная интеграция, которая стремится превратить нас в один большой рынок, а интеграция в духе Боливара, как ее видят нынешние президенты региона. Интеграция, которая превратит нас в один большой народ, в граждан Латинской Америки, а не потребителей Латинской Америки»<sup>11</sup>.

Таким образом, основными предпосылками как для африканского, так и для южноамериканского континентов выступают непосредственная географическая и территориальная близость интегрирующихся стран, наличие общей границы, близость государств по уровню экономического развития и ускорению темпов экономического роста (снижение инфляции, рост занятости и другие положительные экономические сдвиги). Вслед за европейской интеграцией сообщества, консолидирующиеся в Африке и Южной Америке, демонстрируют стремление самостоятельно решать свои региональные проблемы.

**М. А. Бучакова**

## **ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ МИГРАЦИИ**

На современном этапе человечество переживает бурные процессы экономической, политической, информационно-коммуникационной, культурной и этнической глобализации, наряду с которыми наблюдаются рост общей численности населения Земли и его миграция. При этом миграционные процессы отличаются сложностью и неоднозначностью, их причисляют к самым острым и трудно разрешимым проблемам современности.

Государственные меры, предпринимаемые Россией в этом направлении, не адекватны сложившейся демографической и экономической ситуации, о чем свидетельствует значительное количество незаконных мигрантов, находящихся на территории РФ. Наша страна в 2014–2015 гг., по данным ООН, занимает второе место в мире (после США (45,8 млн)) по числу мигрантов, что составляет 11 млн человек<sup>1</sup>. При этом оценки незаконной миграции значительно разнятся, иногда на несколько миллионов человек. По сведениям экспертов, число лиц, незаконно находящихся на территории Российской

---

<sup>11</sup> *Дитрих Х.* Латиноамериканская интеграция неизбежна и необходима перед лицом неолиберальной глобализации. URL: [http://left.ru/2007/13/dieterich\\_correa165.phtml](http://left.ru/2007/13/dieterich_correa165.phtml) (дата обращения: 22.10.2015).

<sup>1</sup> *Базы данных* Организации Объединенных Наций. URL: <http://un.org/ru/databases/> (дата обращения: 15.10.2015).

Федерации, составляет от 1,5 до 15,0 млн человек. При этом более 90% этих лиц являются гражданами государств СНГ.

Несовершенство системы учета и контроля за пребыванием иностранных граждан, а также незаконная миграция оказывают дестабилизирующее влияние на политическую и социально-экономическую ситуацию, создают предпосылки к проявлениям экстремизма, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, способствуют вовлечению иностранцев в противоправные деяния, обостряя криминальную обстановку. Численность этнических диаспор постоянно растет за счет незаконно находящихся на территории региона иностранных граждан.

Неоднозначность статистических данных в сфере миграции свидетельствует о необходимости совершенствования системы их учета. Это отмечают и зарубежные ученые. В частности, в аналитическом докладе о трудовой миграции в странах Центральной Азии, подготовленном Программой развития ООН (ПРООН) и Евразийским банком развития (ЕАБР), было обращено внимание на серьезные статистические изъяны в данной области, которые не позволяют определить четкое количество мигрантов, находящихся на территории России.

Обусловленная социально-экономическим, военно-политическим, экологическим и другими факторами, миграция населения активно воздействует на экономическую, политическую, демографическую обстановку в стране. Дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации, вызванный социально-экономическими причинами, приводит к его оттоку из районов Сибири и Дальнего Востока в центральную часть страны, в связи с чем возникает потребность замещения коренного населения мигрантами. Одновременно демографические прогнозы говорят о сокращении численности трудоспособного населения в стране. Приток мигрантов улучшает структуру населения России, сглаживает половые диспропорции и частично компенсирует дефицит предложения рабочей силы в самых востребованных возрастных группах. Подавляющая часть мигрантов (75–80%) находится в трудоспособном возрасте. При этом более половины из них — в самом активном возрасте (от 20 до 39 лет).

Необходимость правового регулирования миграционных процессов в качестве одного из направлений деятельности государства определена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года<sup>2</sup>, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года<sup>3</sup>. На основе этих документов Правительство РФ в

---

<sup>2</sup> *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* : указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537// Рос. газета. 2009. 19 мая.

<sup>3</sup> *Президент* утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/news/15635> (дата обращения: 15.11.2015).

2013 г. разработало план мер по реализации Стратегии национальной политики в России до 2025 года. Особое внимание в документе уделено вопросам адаптации мигрантов и включения их в общественную жизнь страны, что предполагает создание цивилизованных условий для проживания и осуществления трудовой деятельности. Предполагается, что результатом запланированных мероприятий будет предотвращение межэтнических конфликтов и гармонизация межнациональных отношений.

Приоритетным направлением обеспечения безопасности называется осуществление социальных, политических и экономических преобразований в целях создания условий реализации конституционных прав и свобод граждан, устойчивого развития государства, сохранения территориальной целостности и суверенитета России. Стратегическими целями обеспечения безопасности в области повышения качества жизни выступают стабилизация численности населения и в долгосрочной перспективе коренное улучшение демографической ситуации.

Миграционная политика России на современном этапе тесно связана с основными направлениями обеспечения национальной безопасности государства. Основной упор в ее реализации делается на создании такой правовой основы в сфере регулирования миграционных отношений, которая обеспечила бы для страны динамичный приток профессиональных работников, владеющих русским языком, образованных, знакомых с традициями и обычаями населения страны, основами российского законодательства, соблюдающих нормативные предписания. Одновременно ужесточаются требования к тем мигрантам, которые не обладают этими качествами и не готовы выполнять требования российских законов. В целом, принимаемые нормативные акты направлены на усиление противодействия незаконной миграции, ответственности за нарушение миграционного законодательства.

Так, в федеральные законы от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»<sup>4</sup>, от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»<sup>5</sup>, в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены существенные изменения.

Новеллы миграционного законодательства направлены на систематизацию правового режима временного пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, усиления ответственности за нарушение миграционного законодательства. В частности, установлено альтернативное назначение наказания в виде административного выдворения при совершении административных правонарушений, предусмотренных

---

<sup>4</sup> Рос. газета. 2002. 31 июля.

<sup>5</sup> Там же. 1996. 22 авг.

ст. ст. 18.8 и 18.10 КоАП РФ, существенно увеличены размеры административных штрафов за нарушение правил пребывания, проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, а также за нарушение правил привлечения и использования иностранной рабочей силы. Увеличены санкции за организацию незаконной миграции. Предусмотрено увеличение срока ограничения въезда на территорию Российской Федерации иностранным гражданам и лицам без гражданства, в отношении которых ранее уже выносились решения о реадмиссии, депортации либо административном выдворении.

Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>6</sup>, вступившим в силу с 3 января 2014 г., была введена уголовная ответственность за фиктивную регистрацию иностранных граждан или лиц без гражданства — ст. 322<sup>2</sup> УК РФ и за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства — ст. 322<sup>3</sup> УК РФ.

Изменения в миграционном законодательстве затронули и сферу трудовой миграции, так как, по оценкам Федеральной миграционной службы, в нашей стране трудилось 2,7 млн человек незаконно. С января 2015 г. в Российской Федерации отменена система квотирования на привлечение иностранной рабочей силы, ее заменил единый патент. Глава субъекта РФ обладает правом принимать решения по ограничению привлечения трудовой миграции. В принятии решения по привлечению того или иного количества мигрантов в регион учитывается мнение работодателей и профсоюзов. Одновременно решается вопрос о привлечении кадров, имеющих определенную квалификацию, образовательный уровень.

Перечисленные новеллы свидетельствуют о стремлении власти к легализации миграции, о создании правового поля, адекватно реагирующего на изменяющуюся миграционную ситуацию. В целом предпринимаемые государством меры способствуют упорядочению отношений в области миграции, повышению эффективности миграционной политики Российской Федерации.

**А. В. Быков**

## **ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РСФСР В 1920-е ГОДЫ**

Теория исполнения наказаний в виде лишения свободы в Советском государстве в качестве одного из основополагающих элементов исправительного воздействия на заключенных предусматривала учебно-воспитательную

---

<sup>6</sup> Там же. 2013. 27 дек.

работу. Нормативные акты, регламентировавшие организацию учебно-воспитательной деятельности, предъявляли высокие требования к работникам учебно-воспитательных частей.

В частности, Положение об общих местах заключения в РСФСР, утвержденное постановлением НКЮ от 15 ноября 1920 г.<sup>1</sup>, устанавливало в числе требований к кандидату на должность заведующего учебно-воспитательной частью наличие педагогического стажа не менее трех лет и специальной пенитенциарной подготовки. Для назначения на должность преподавателя, воспитателя необходимо было, чтобы лица, изъявившие желание работать в указанной должности, отвечали следующим требованиям: имели образование не ниже среднего, пенитенциарную подготовку и были знакомы на практике с режимом мест заключения. Аналогичные требования предъявлялись Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1924 г.

На практике места заключения постоянно сталкивались с отсутствием квалифицированных, подготовленных кадров. Одна из причин — низкая оплата труда. Жалование служащих было невелико, но и оно часто выплачивалось нерегулярно и не полностью. Из-за низкой зарплаты лучшие работники уходили в хозяйственные и иные органы<sup>2</sup>. Сказывалась и специфика работы со спецконтингентом. Например, в марте 1923 г. не могли найти заведующего учебно-воспитательной частью Тюкалинского дома лишения свободы (далее — ДЛС) еще и по той причине, что «по характеру работы требовался мужчина, а женщине тяжело было иметь частое общение с людьми, не стесняющимися в выражениях»<sup>3</sup>. Положение усугублялось практически полным отсутствием учебных заведений, которые могли бы дать пенитенциарную подготовку. В результате должности заведующих учебно-воспитательными частями замещались лицами, имеющими хотя бы минимальный уровень знаний и навыков для организации работы. Так, в октябре 1926 г. учебно-воспитательная часть (далее — УВЧ) Новосибирского Исправительно-трудового дома (далее — ИТД) № 1 «состояла из 4 человек. Заведующий — член ВКП(б) из армейского состава, старший политрук. Воспитатель — лектор партсети, 2 учителя — из них первый госслужащий, с 1919 г. проводил культработу в госучреждениях; второй — профессиональный учитель-методист с 1910 года»<sup>4</sup>. Никто не имел теоретической подготовки и практических навыков ведения

---

<sup>1</sup> *Положение об общих местах заключения РСФСР* : постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959). История законодательства / сост. П. М. Лосев, Г. И. Рагулин. М., 1959. С. 77–79.

<sup>2</sup> *Государственный архив Омской области* (далее — ГАОО). Ф. Р-1063. Оп. 1. Д. 10. Л. 52.

<sup>3</sup> Там же. Д. 5. Л. 70.

<sup>4</sup> *Государственный архив Новосибирской области*. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 89. Л. 12.

культурно-просветительной работы в такой специфической сфере, как места лишения свободы.

Но и таких работников не всегда удавалось подобрать, особенно в уездных местах заключения. Нередко на должность попадали люди, не способные выполнять возложенных на них обязанностей. Так, в 1924 г. в Славгородском месте заключения заведующий учебно-воспитательной частью в результате аттестации характеризовался следующим образом: «Интеллектуально развит слабо, не имеет практики и для учебно-воспитательной части мало-пригоден»<sup>5</sup>.

В докладе Омского губернского управления местами заключения Главного управления местами заключения за 1922 г. отмечено, что «вся работа во всех домах лишения свободы проводится исключительно заключенными»<sup>6</sup>. Требования § 134 и 135 Положения об общих местах заключения РСФСР от 1920 г. и ст. 87 Исправительно-трудового кодекса РСФСР, устанавливавших, что заведующие учебно-воспитательной частью, преподаватели, воспитатели должны были назначаться из лиц с достаточным педагогическим стажем и иметь подготовку по исправительно-трудовому праву, фактически повсеместно не реализовывались. Все это снижало эффективность культурно-просветительной и учебной работы, а воспитательное начало вовсе оказывалось под большим вопросом.

Таким образом, несмотря на значительные трудности, культурно-просветительная работа в местах заключения проводилась усилиями инициативных работников и грамотных заключенных.

## **В. С. Бялт**

### **ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ**

Одной из первостепенных задач каждого государства является закрепление правового статуса личности в системе национального законодательства. Оттого, насколько четко определен правовой статус личности, насколько эффективно функционирует система гарантий его обеспечения, можно судить об уровне развития государства и его правовой системы<sup>1</sup>. На необходимость

---

<sup>5</sup> ГАОО. Ф. Р-920. Оп. 1. Д. 54а. Л. 19.

<sup>6</sup> Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 76. Л. 8.

<sup>1</sup> Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции Российского государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(36). С. 62–63.

строгого соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и дальнейшего укрепления гарантий их обеспечения обращает особое внимание Президент России В. В. Путин<sup>2</sup>. Сообразно с этим можно утверждать, что актуальность рассмотрения вопросов правового статуса личности не вызывает сомнений.

В научных кругах выделяют два основных подхода к определению правового статуса личности — широкий и узкий. Широкий — определяет правовой статус личности как юридически закрепленное положение человека в обществе, его права и свободы, обязанности и ответственность, установленные законодательством и гарантируемые государством. Согласно узкому подходу правовой статус личности — это права и свободы, которыми обладает человек — субъект права.

По мнению В. К. Бабаева, правовой статус личности — это совокупность всех принадлежащих гражданину прав, свобод и обязанностей, определяющих и юридически закрепляющих его правовое положение в обществе. Н. И. Матузов считает, что правовой статус представляет собой совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемых государством<sup>3</sup>. А. В. Малько трактует правовой статус личности как юридически закрепленное положение субъекта в обществе<sup>4</sup>.

На наш взгляд, подходить к определению понятия «правовой статус личности» следует с точки зрения широкого подхода: таким образом мы сможем учесть важный элемент структуры правового статуса личности — ее обязанности. Правовой статус личности можно определить как систему признанных и гарантированных государством прав, свобод, обязанностей и качеств личности, персонифицирующих индивида как субъекта права. В соответствии с этим основными элементами структуры правового статуса личности будут:

- права, свободы, обязанности (как мера возможного или должного поведения);

- правовые качества личности, позволяющие судить о реальности прав и обязанностей (дееспособность и гражданство);

- элементы, прямо не связанные с конкретной личностью, но оказывающие существенное влияние на законодательное закрепление правового статуса и его изменение (правовая норма и юридическая ответственность).

---

<sup>2</sup> *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 года // Рос. газета. 2014. 5 дек.

<sup>3</sup> Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 181.

<sup>4</sup> Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб.-метод. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 116.

Основные права, свободы и обязанности российских граждан установлены главой 2 Конституции РФ. Следует отметить два существенных момента, прописанных в Основном Законе и касающихся прав и свобод российских граждан:

1) четкое нормативное закрепление оснований и целей ограничения прав и свобод человека и гражданина;

2) перечень прав, не подлежащих ограничению ни при каких обстоятельствах.

Все вышесказанное позволяет сформулировать следующие выводы:

— совершенствование института правового статуса личности является одним из важнейших условий становления и развития правового государства и функционирования в нем гражданского общества<sup>5</sup>;

— в теоретико-правовой науке выделяют два основных подхода к определению правового статуса личности — широкий и узкий;

— в российском законодательстве установлен четкий порядок возможности ограничения некоторых конституционных прав и свобод граждан, который обусловлен соответствующими целями.

Таким образом, институт правового статуса личности в государстве, с нашей точки зрения, нуждается в дальнейшем исследовании.

## **В. А. Ващенко**

### **ОТГРАНИЧЕНИЕ ДЕНОНСАЦИИ ОТ ДРУГИХ ВИДОВ ПРЕКРАЩЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ**

В ходе кодификационной работы, которую провела Комиссия международного права, начиная с 1950 г. до Венской конференции 1968 г. и вплоть до принятия в 1969 г. Венской конвенции о праве международных договоров, неоднократно обсуждался вопрос о прекращении международных договоров. Однако, несмотря на значительное внимание, оказанное государствами и учеными данному вопросу, наблюдается отсутствие единства в терминологии, используемой как в тексте Конвенции, так и в литературе.

Обращаясь к тексту Конвенции, в частности к ст. ст. 54 и 56, которые должны регламентировать денонсацию, можно столкнуться с различными терминами, а также с их синонимами, что не только не вносит ясности в текст Конвенции, но и затрудняет последующее применение ее положений. Например, в нормативном материале часто используются такие понятия, как «пре-

---

<sup>5</sup> Бялт В. С. Гражданское общество как признак правового государства // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы : мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. (20–21 сентября 2014 г.). Прага, 2014. С. 114–117.



крашение», «денонсация» и «выход». Об этом еще на первой сессии Венской конференции сказал представитель Норвегии Солхайм<sup>1</sup>. Он отмечал, что норвежская делегация не может понять, каким образом Комиссия применяла или опускала термин «денонсация». В ряде статей используется термин «денонсация» наряду с «прекращением» и «выходом» (ст. ст. 42, 43, 44 Венской конвенции), а в ст. 54 закреплены термины «прекращение», «выход», хотя сама статья по смыслу предполагает право на денонсацию. Вдобавок к этому в договорной практике находят употребление и такие термины, как «аннулирование», «расторжение», «отмена», «отказ», что свидетельствует о необходимости проведения, насколько это возможно, дифференциации указанных понятий.

В теории международного права принято считать, что «выход» из договора употребляется для обозначения «выхода участника» из договора или «выход одного из участников»<sup>2</sup>. Комиссия международного права, возможно, хотела указать в данном случае на особенность многостороннего договора, что в случае утраты им юридической силы по отношению к одному участнику он остается в силе для всех остальных, следовательно, данный участник совершает «выход». В случае двусторонних договоров применяется термин «отказ» от договора.

Термин «прекращение» призван быть более объемным и обозначать окончание действия договора. О. И. Ильинская пишет, что, во-первых, договор теряет силу для всех участников (так как он прекращается, утрачивает юридическую силу), во-вторых, прекращение может состояться по любой причине, т. е. это может произойти как по согласию сторон, так и в результате определенного события, условия или факта. Это можно наблюдать в классификации, предложенной профессорами Д. Харасты, Ф. Капоторти и Е. Жиро. В качестве критерия они используют характер правовых норм, в которых предусмотрено прекращение на основе:

1) совместной воли сторон: истечение срока, наступление отменительного условия, денонсация, отмена соглашением сторон;

2) норм общего международного права: исполнение договора, коренное изменение обстоятельств, нарушение условий договора, невозможность исполнения.

В советской доктрине профессор А. Н. Талалаев классификацию основывает на критерии воли сторон, соответственно, он выделяет неволевые и волевые способы.

---

<sup>1</sup> *United Nations Conference on the Law of Treaties First session Vienna, 26 March – 24 May 1968 Official Records Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole. United Nations. N.-Y., 1969. P. 335.*

<sup>2</sup> *Ильинская О. И. К вопросу о разграничении понятий, касающихся прекращения действия международных договоров // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 469.*

Классификация, предлагаемая В. М. Шуршаловым, систематизирует все виды прекращения договора в три группы:

- 1) прекращение договора по согласованному решению сторон;
- 2) прекращение договора в результате одностороннего заявления одной из сторон;
- 3) прекращение договора по причинам, не зависящим от воли сторон.

В данном контексте понятие «денонсация» вызывает особый интерес, являясь наиболее распространенным способом прекращения договора. В широком смысле денонсация понимается как одностороннее заявление государства об отказе от договора. В узком смысле денонсация — это заявление участника об отказе от договора, сделанное на основании права на денонсацию<sup>3</sup>.

В Венской конвенции термин «денонсация» употребляется как по отношению к двусторонним договорам, так и к многосторонним договорам. Однако денонсация двустороннего договора означает его прекращение, а многостороннего — частичное прекращение, т. е. утрату юридической силы только для государства, которое осуществляет денонсацию.

Как отмечал на Венской конференции А. Н. Талалаев, денонсацию можно осуществить, только если в договоре имеется положение о ней. Если же договор не содержит таких положений, следовательно, это уже необходимо отнести к другим способам одностороннего прекращения договора, а именно — к отмене и аннулированию<sup>4</sup>.

О. И. Ильинская считает, что причислять денонсацию к расторжению однозначно нельзя, так как, во-первых, денонсация — это волеизъявление одной стороны договора, во-вторых, она является самостоятельным способом прекращения договора, не требует согласия остальных участников, поскольку право на денонсацию содержится в положениях договора или характер договора позволяет ее осуществить.

Наряду с перечисленными терминами употребляется такой термин, как «аннулирование». Особенность данного вида прекращения договора состоит в том, что это односторонний отказ государства от договора вследствие обстоятельств, из-за которых договор стал недействительным и которые дают право государству в одностороннем порядке аннулировать договор. Это относится к таким договорам, как неравноправные, колониалистские. Особенность аннулирования состоит в том, что стороны не сохраняют никаких прав и обязанностей по данному договору. П. Н. Бирюков расценивает аннулирование договора как «признание его недействующим, ничтожным с момента заключения»<sup>5</sup>.

---

<sup>3</sup> Там же. С. 472.

<sup>4</sup> Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 168.

<sup>5</sup> Бирюков П. Н. Международное право : учеб. пособие. М., 1998. С. 68.

Таким образом, несмотря на многогранность и разнообразие терминологии, которая употребляется в доктрине и практике международного права, можно сделать вывод о том, что денонсация является вполне самостоятельным способом прекращения договоров, которому присущи свои уникальные признаки.

**В. А. Воропанов**

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ И КОМПЛЕКТОВАНИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ ВОЕННО-НАДЗОРНОЙ СЛУЖБЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Вопросы организации и деятельности военно-надзорных органов относятся к числу малоизученных в историко-правовой науке. Целью данной публикации является установление основных этапов правового регулирования подготовки лиц и комплектования аудиторских должностей в законодательстве России в дореформенный период функционирования системы военно-судебных органов.

К концу XVIII в., когда верховная власть пересмотрела подходы к вопросам комплектования должностей аудиторов, история военно-надзорной службы в русской армии и на флоте насчитывала столетие. Император Павел I сосредоточил управление ее кадрами в Генерал-аудиториате, учрежденном в 1797 г.<sup>1</sup> Именным указом от 28 января 1808 г. Александр I подтвердил полномочия центрального военно-судебного органа назначать, увольнять, перемещать и представлять к награждению лиц, служивших аудиторами<sup>2</sup>. В 1810–1830-х гг. центральный аппарат военного и военно-морского управления подвергся реорганизации, а полномочия и функции Генерал-аудиториата в отношении армии наследовали Аудиториатский департамент Военного министерства (с 1812 г.), Аудиториатский департамент Главного штаба Его Императорского Величества (с 1815 г.) и Генерал-аудиториат Военного министерства (с 1832 г.); в отношении флота — Аудиториатский департамент Морского министерства (с 1832 г.) и Аудиториатский департамент Главного морского штаба Его Императорского Величества (с 1828 г.)<sup>3</sup>.

Текущая надобность армии и флота в аудиторах удовлетворялась путем назначения в должности прапорщиков и унтер-офицеров, пользовавшихся

---

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. I. Т. XXIII. № 17757, 17775.

<sup>2</sup> Там же. Т. XXV. № 19023 ; Т. XXX. № 22789.

<sup>3</sup> Там же. Т. XXXII. № 24971. Гл. V, № 25124 ; Т. XXXII. № 26021. § 20, № 26129. Гл. I, III ; Собр. II. Т. III. № 1895 ; Т. VII. № 5318. § 136–158.

авторитетом и обладавших юридическими знаниями. Именной указ от 5 июля 1809 г. впервые установил для унтер-офицеров обязательный срок выслуги в чинах для замещения должности аудитора, соотнесенной с XIII классом<sup>4</sup>. С 1797 г. лица, служившие аудиторами, производились в статские чины, по именному указу от 4 июня 1804 г. — до VIII класса включительно<sup>5</sup>.

Правила к образованию Генерал-аудиториата, утвержденные 8 сентября 1805 г., подтвердили квалификационные требования для кандидатов на специальные должности в 1716 г.: «Генерал-аудитор-лейтенант должен быть определен из чиновников наипаче искусных в правоведении и в знании государственных узаконений; таковое же знание требуется и от определяемых в помощь ему обер-аудиторов и аудиторов, как то в 7 пункте 1 главы Воинских процессов узаконено сими словами: от генерал, обер и полковых аудиторов требуется доброе искусство в правах и надлежит оным добрым юристам быть». Законодатель учредил при Генерал-аудиториате школу на 15 мест для подготовки лиц недворянского происхождения («из вольно определяющихся и разnochинцев») к работе как в центральном органе, так и в полках («по мере успехов в познании дел»)<sup>6</sup>.

Именной указ от 20 сентября 1809 г. санкционировал финансирование 50 вакансий при уголовных департаментах Сената для подготовки кандидатов на аудиторские должности. В 1810–1812 гг. выпуск аудиторов составил менее 30 человек. Удовлетворить запросы Военного министерства не удалось: к 1817 г. 208 аудиторских должностей в армии оставались незамещенными. Именной указ от 27 сентября 1816 г. увеличил число обучавшихся в канцеляриях Сената до 100, предписав рекрутировать служителей из духовных семинарий, установить правила и сроки обучения, меры материальных компенсаций как учащимся, так и учителям, наконец, виды поощрений выпускникам<sup>7</sup>.

В соответствии с Положением от 4 апреля 1817 г. учеников на 100 мест при Аудиториатском департаменте Военного министерства и 18 ординар-гаузах стали отбирать в военно-сиротских отделениях среди юношей старше 15 лет, грамотных и наиболее способных. Через 2 года число вакансий увеличилось до 180. Учащиеся получали казенные квартиры, жалованье и поступали писарями под руководство и ответственность начальников отделений Аудиториатского департамента, обер-аудиторов и аудиторов. Аттестация проводилась дважды в год. По окончании срока обучения аудиторские писари направлялись к корпусным обер-аудиторам для стажирования. Молодые люди, успешно завершившие обучение, утверждались в чине, получали вместе с

---

<sup>4</sup> Там же. Т. XXV. № 18994 ; Т. XXX. № 23739.

<sup>5</sup> Там же. Т. XXVIII. № 21134. П. 3–4, № 21341 ; Т. XXX. № 22939.

<sup>6</sup> Там же. Т. XXVIII. № 21904.

<sup>7</sup> Там же. Т. XXX. № 23850 ; Т. XXXIII. № 26445.

назначением на должность выплаты на проезд, а также 200 рублей «в поощрение к дальнейшим трудам», обязуясь прослужить по «специальности» не менее 10 лет.

Свидетельством успешного развития системы подготовки кадров для работы в органах военной юстиции стало открытие в столице в 1832 г. специального учебного заведения — Аудиторской школы при батальоне военных кантонистов (с 1846 г. — училище). Отбор 100 юношей 14–16 лет проводился в батальонах военных кантонистов. Их обучение завершалось экзаменом при участии генерал-аудиторов и членов Генерал-аудиториата Военного министерства и Аудиториатского департамента Главного Морского штаба Его Императорского Величества. Выпускники именовались аудиторскими помощниками и направлялись для стажирования в распоряжение Аудиториатских департаментов. Обязательный срок их дальнейшей службы составлял 15 лет<sup>8</sup>. С 1840 г. срок обязательной 10-летней службы был распространен на всех аудиторов недворянского происхождения<sup>9</sup>. Наконец, Указом от 6 июля 1841 г. император Николай I остановил назначение в аудитеры унтер-офицеров полевых войск, артиллерии и внутренней стражи как не получивших специальной подготовки<sup>10</sup>.

Порядок комплектования военно-прокурорских кадров обновило Положение о чинах аудиториатского ведомства, утвержденное 1 апреля 1843 г., вновь допускавшее в должности отставных обер-аудиторов и аудиторов выпускников Аудиторской школы, писарей, служивших в армии, и учителей батальонов военных кантонистов, а также гражданских чиновников и, наконец, лиц с высшим юридическим образованием. Аудиторы, назначенные из писарей и учителей, обязались служить 10 лет, сыновья дворян — 5 лет<sup>11</sup>.

К концу 1850-х гг. Аудиторское училище превратилось в элитное заведение. Положение от 2 августа 1860 г. подтвердило цель его деятельности — «образование аудиторов для военно-сухопутного и морского ведомств». В обучение принимались юноши от 13 до 17 лет включительно. Число воспитанников, получивших казенное содержание, увеличилось до 150.

Итак, в первой половине XIX в. численность аудиторов в армии и на флоте постоянно росла, обусловив повышение внимания законодателя к правовому регулированию не только отбора, но и подготовки кандидатов на специальные должности. С 1797 г. управление кадрами военно-надзорной службы осуществлялось централизованно. Законодатель упорядочил производство аудиторов в чины с XIII по VIII класс включительно, создав условия для карьер-

---

<sup>8</sup> Там же. Собр. II. Т. VII. № 5253.

<sup>9</sup> Там же. Т. XV. № 13575, 13709.

<sup>10</sup> Там же. Т. XVI. № 14717.

<sup>11</sup> Там же. Т. XVIII. № 16685. § 4–19.

ного роста военно-прокурорских работников, и обеспечил становление системы профессиональной подготовки кадров военно-надзорной службы. Опыт апробации учебных планов и практики преподавания в 1805–1831 гг. позволил верховной власти учредить в Санкт-Петербурге специальную школу, обязательный срок службы выпускников которой был увеличен до 15 лет.

Новый порядок назначения на должности военно-надзорной службы не только предусматривал особые требования к стажу и опыту профессиональной деятельности военных писарей и учителей школ военных кантонистов, проведение экзаменационных испытаний для учителей и гражданских чиновников, а также необходимость стажирования в органах военного управления лиц с высшим юридическим образованием, но и усиление подготовки выпускников школ при Аудиториатском департаменте Военного министерства и ордонанс-гаузах — аудиторских писарей. Таким образом, расширяя подсудность военных судов во второй четверти XIX в.<sup>12</sup>, российская верховная власть сумела обеспечить эффективную подготовку кадров военно-надзорной службы, продекларированную создателем аудиториата в 1716 г.<sup>13</sup>

**Т. Е. Грязнова**

## **ИНСТИТУТ РЕФЕРЕНДУМА В РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Референдум, как и иные виды правотворчества, в силу профессиональных интересов привлекал пристальное внимание либеральных представителей отечественной юриспруденции. Будучи специалистами в области государственного права зарубежных стран, в качестве основных тенденций современных конституционных государств российские юристы отмечают: утверждение ценностей и институтов либеральной демократии, принципов и учреждений конституционализма; сосредоточение власти в руках избранного круга профессионально подготовленных политиков (в Англии — кабинет министров, в США — парламентские комитеты, во Франции — парламентские комиссии); усиление зависимости исполнительной власти от общественного мнения и востребованность институтов прямой демократии, в частности референдума.

---

<sup>12</sup> Подробнее см.: *Воропанов В. А.* Территориальный аспект развития юрисдикции военно-судебных органов Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на примере губерний Урала и Западной Сибири) // *Правовая система России: традиции и инновации* : мат-лы X всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2013. Ч. II. С. 68–74.

<sup>13</sup> *ПСЗ РИ.* Собр. I. Т. V. № 3006. Краткое изображение процессов или судебных тяжб. Гл. I : О суде и судиях. Ст. 7.

Под референдумом правоведы понимают всеобщее голосование граждан по установлению законов и иным наиболее важным вопросам государственной жизни<sup>1</sup>. Общеобязательный характер принятых на референдуме решений позволяет, по мнению отечественных мыслителей, говорить о практической реализации идеи народного суверенитета, непосредственном участии народа в осуществлении государственной власти.

Родиной референдума отечественные юристы считают Швейцарию, где первый общенациональный референдум состоялся в 1802 г. В 20-х гг. XIX в. институт референдума, в силу массовой неудовлетворенности результатами деятельности народного представительства и демагогией государственных деятелей, стал востребован многими штатами Североамериканского государства<sup>2</sup>.

На основе изучения конституционного права Швейцарии и США российские либеральные мыслители различают референдумы общегосударственные (Швейцария) и местные (кантоны Швейцарии, западные штаты Североамериканской федерации), общеобязательные и факультативные.

На федеральном уровне институт референдума был закреплен в Конституции Швейцарии 1848 г., согласно нормам которой граждане получили право утверждать Основной Закон. Конституция 1874 г. предоставила гражданам право выносить окончательное решение по поводу поправок Конституции, предлагаемых Федеральным собранием, либо самим инициировать вопрос о полном или частичном пересмотре конституционных норм.

Референдум имеет обязательный характер для конституционных законов (изменение признается принятым, если за него проголосовало большинство граждан и большинство кантонов) и факультативный для остальных. Институт факультативного референдума интерпретируется российскими юристами как право граждан (численность колеблется в различных кантонах от 500 до

---

<sup>1</sup> Ковалевский М. М. Общее конституционное право : лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. 1907–1908. СПб., 1908. Ч. I. С. 13 ; *Его же*. Государство на Западе в начале XX века // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы) / под ред. М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. СПб., 1910–1911. Т. I. С. 25 ; Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 220–221 ; Градовский А. Д. Государственное право : лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. СПб., 1882. С. 346 ; *Его же*. Государственное право важнейших европейских держав : лекции, читанные в 1885 г. / под ред. Н. М. Коркунова. СПб., 1895. С. 96–97.

<sup>2</sup> Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 40–41 ; *Его же*. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 1915. С. 250 ; Ковалевский М. М. Общее конституционное право : лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. 1907–1908. Ч. I. С. 15 ; *Его же*. Государство на Западе в начале XX века // История нашего времени. Т. I. С. 10 ; Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 175.

6 тыс. человек, на федеральном уровне — от 30 тыс. граждан или 8 кантонов) требовать народного голосования о принятии законопроектов или постановлений, разработанных представительным учреждением<sup>3</sup>.

Большое внимание в творчестве либеральных ученых уделяется проблеме эффективности и жизнеспособности референдума. Изучение отзывов непосредственных наблюдателей функционирования этого института в Швейцарии позволяет говорить о далеко не однозначном отношении современников к данному вопросу. Тщательное изучение аргументов как сторонников (А. Дайси, Г. Еллинек и др.), так и противников (Д. Лоуэлль, А. Эсмен и др.) референдума позволило отечественным исследователям составить собственное видение проблемы. «Референдум и инициатива, в общем, обнаружили довольно консервативное настроение швейцарских граждан: в них часто сказывалось недоверие к крупным социальным новшествам и в особенности нерасположение к крупным затратам. Всенародное голосование отвергло право на труд, оно отвергло организацию даровой медицинской помощи... отвергло параграф союзной конституции относительно школ»<sup>4</sup>, — признает С. А. Котляревский.

«Законодательная практика последних лет... показывает, что самодержавный народ обнаруживает несравненно больше консерватизма по отношению к существующим законам, нежели его представители»<sup>5</sup>, — констатирует М. М. Ковалевский. «Утверждения, будто референдум является стимулом прогресса, что референдум облегчает развитие законодательства в демократическом духе, что при референдуме интересы широких народных масс... лучше будут удовлетворены законодательством... совершенно не оправдались. Но с другой стороны, не подлежит сомнению, что критика референдума, те нападки, которые делались и делаются на этот институт, являются в высокой мере преувеличенными»<sup>6</sup>, — пишет В. М. Гессен.

Рассматривая аргументы, свидетельствующие о консервативности института референдума, проявившейся в отклонении народным голосованием ряда прогрессивных законов и социальных реформ, российские либеральные ученые считают их преувеличенными, ссылаясь на объективные факторы: чрезвычай-

---

<sup>3</sup> Гессен В. М. Теория конституционного государства : лекции, читанные студентам экономического отделения СПб. политехнического института императора Петра Великого. СПб., 1914. С. 63–64 ; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34–35 ; Градовский А. Д. Государственное право : лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 346.

<sup>4</sup> Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 38.

<sup>5</sup> Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 186.

<sup>6</sup> Гессен В. М. Указ. соч. С. 69.



чайную сложность законопроектов, недостаточно высокую правовую культуру граждан и особенность их национального характера — феноменальную бережливость.

Беспристрастный анализ развития института референдума в США и Швейцарии позволил российским юристам, в частности П. И. Новгородцеву, заключить, что «это есть именно та форма выражения народной воли, которой принадлежит будущее и которая идет если не на смену, то в подкрепление существующим формам»<sup>7</sup>.

И достоинства, и недостатки референдума, по мнению российских либеральных юристов, вполне закономерны, поскольку обусловлены уровнем политической и правовой культуры как отдельных индивидов, так и общества в целом. Само появление данного института стало возможным в связи со вступлением общества в качественно новый этап своего развития — этап формирования общества гражданского.

Становление и развитие саморегулирующегося гражданского общества, обеспечивающего каждому гражданину оптимальные условия для реализации его интересов, прав и свобод, способствует укреплению и развитию демократических институтов, разумному сочетанию начал народного представительства и прямого участия народа в правотворческой деятельности, обеспечивая тем самым стабильность политических и правовых систем. Не случайно стремление заручиться прямой поддержкой народа при решении тех или иных государственных вопросов наблюдается в странах, где референдум не имеет законодательного закрепления, — Англии, Франции, Бельгии, Швеции, Норвегии<sup>8</sup>.

Эффективность личного участия граждан в принятии публично-властных решений российские либеральные юристы напрямую связывают с уровнем их образованности, политической сознательности и правовой культуры. Невысокий уровень последних как раз и объясняет как консерватизм, так и равнодушие многих граждан при проведении обязательных референдумов, поскольку их обычно мало волнует то, что непосредственно не затрагивает их интересов. Справедливо подчеркивая опасность для современных демократических государств со стороны низкого уровня правовой культуры населения, отечественные исследователи обозначили главную проблему своей эпохи — проблему правового воспитания нового субъекта политической системы и правотворческой деятельности.

Российские юристы предлагали различные пути ее решения. П. И. Новгородцев в традиции английского либерализма вслед за Б. Н. Чичериным и

---

<sup>7</sup> Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 175.

<sup>8</sup> Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 220–221 ; Ковалевский М. М. Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб., 1905. С. 27 ; Его же. Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 251–252.

М. М. Ковалевским решение проблемы видит в искоренении невежества, распространении знания и в приобщении широких масс населения к достижениям современной культуры<sup>9</sup>. Л. И. Петражицкий важнейшим средством воспитания народа считал право. Рассматривая право как психический фактор общественной жизни, ученый акцентирует внимание на его педагогической функции, заключающейся в воспитании народной психики: «...действующая в каждый данный момент система правовых норм является преходящей ступенью социального воспитания и должна быть по мере выполнения своей воспитательной функции заменена другой системой правового... педагогического воздействия, приспособленной к уже достигнутому уровню народной психики»<sup>10</sup>. С. А. Котляревский делал акцент на воспитательной силе государственных учреждений: «Воспитание, оформляя души, кристаллизуется в общественном быте и через него в учреждениях»<sup>11</sup>. А. Д. Градовский повышение правовой культуры граждан ставил в прямую зависимость от развития социальной функции государства и местного самоуправления.

Реализация предложенных мер, по мнению российских либеральных юристов, сможет минимизировать манипулирование общественным мнением и существенно улучшить качественное состояние правовой жизни общества. Показателем зрелой правовой культуры гражданского общества будет служить появление устойчивого интереса народа к вопросам государственной и общественной жизни, стремление в полной мере реализовать свое право на участие в непосредственной правотворческой деятельности. Поэтому референдум рассматривается отечественными правоведами как жизненный и перспективный институт, органично дополняющий народное представительство.

## **С. А. Денисов**

### **ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА, НАПРАВЛЕННАЯ НА ПОДДЕРЖАНИЕ МЯГКОГО АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА**

Классический авторитарный режим, как пишут в словарях, основан на насилии (репрессиях). В последние годы во многих странах мира, декларирующих переход к демократии, сложились авторитарные режимы, основанные на применении мягкой силы (*soft power*). Несменяемая правящая группа (правитель) не допускает появления сильной оппозиции, удерживает под своей властью население с помощью идеологических, административных, экономических и правовых мер. Такая группа не отменяет действия конституцион-

---

<sup>9</sup> Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 370.

<sup>10</sup> Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908. С. 3.

<sup>11</sup> Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. С. 408.

ного акта, но упрощает его содержание. Реализация его демократических норм превращается в совершение ритуальных действий, за которыми нет конституционного содержания. Они лишь имитируют осуществление демократических процедур. Насилие применяется в редких случаях против представителей оппозиции, переходящих рамки дозволенного. Эти режимы иногда называют полуавторитарными<sup>1</sup>, гибридными<sup>2</sup> или мнимыми демократиями<sup>3</sup>.

Приведем ряд отличительных признаков.

1. При мягком авторитарном режиме правящая группа не может игнорировать общественное мнение. Она успешно манипулирует им. Для решения этой задачи государство поддерживает контроль над информационным полем. Конституция декларирует свободу слова и массовой информации, но не запрещает создание контролируемых государством средств массовой пропаганды. Государство как важнейший субъект экономической жизни может скупить основные средства, производящие информацию. Частные производящие информацию компании можно заставить действовать в интересах правящей группы с помощью норм административного права. Необходимо просто принять большое количество запрещающих норм. Они превращаются в «минное поле». Не устраивающая правящую группу информационная компания может нарушить какой-либо запрет, что можно использовать для ее ликвидации. Примером может служить отзыв по иску Роскомнадзора свидетельства о регистрации средства массовой информации у информационного агентства «Росбалт» в 2013 г.<sup>4</sup>

Важнейшей задачей в борьбе за сохранение власти является установление контроля за потоком информации из-за границы. С помощью закона можно запретить иностранцам приобретать средства массовой информации (ст. ст. 7 и 19.1 Закона РФ «О средствах массовой информации»<sup>5</sup>), запретить телевизионное вещание в стране из-за рубежа, ограничить получение информации через Интернет.

2. Вторая задача правящей группы состоит в недопущении появления сильной оппозиции. Эта задача обеспечивается с помощью законодательства о порядке создания и деятельности общественных объединений, в том числе партий. Государство превращает регистрацию объединений в процесс

---

<sup>1</sup> *Kapoteц T.* Помощь Запада становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе // Конституционное право : Восточноевропейское обозрение. 2000. № 1. С. 8–9.

<sup>2</sup> *Ngok Ma.* Hong Kong's democrats divide // *Journal of Democracy.* 2011. Vol. 22, iss. 1. January. P. 54–55.

<sup>3</sup> *Krasteв I.* Democracy's "Doubles" // *Ibid.* 2006. Vol. 17. № 2. P. 52–54.

<sup>4</sup> *Отзыв* лицензии у «Росбалта» сочли опасным прецедентом. URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/10/31/1153833.shtml> (дата обращения: 26.09.2015).

<sup>5</sup> *Рос. газета.* 1992. 8 февр.

разрешения деятельности тех или иных объединений. Подробная регламентация деятельности объединений позволяет ликвидировать те из них, которые не устраивают правящую группу, под предлогом того, что они нарушают те или иные запреты, закрепленные в нормативных актах. В законодательстве создается достаточное количество неопределенных оснований для запрета деятельности отдельных общественных объединений или осложнения их работы.

Законы о выборах в органы власти формируются так, что без согласования с правящей группой ни одна оппозиционная партия не может в них участвовать. Выборы в органы власти превращаются в подобие «договорных футбольных матчей». Правящая группа до выборов согласует с отдельными оппозиционными группами количество мест в представительном органе, которое те могут занять.

Правящая группа устраняет сам механизм появления и роста сильных, не подконтрольных ей политиков. Например, в России устраняется институт выборных глав муниципалитетов и вводятся двухступенчатые выборы в районные (на селе) и городские представительные органы. Ранее мэры больших городов постоянно составляли конкуренцию номенклатурным кандидатам в губернаторы.

В демократических странах политики вырастают на местах. Поэтому авторитарный режим принимает законы, позволяющие устранить децентрализацию управления страной (федерализм и местное самоуправление). Регионы управляются с помощью наместников центральной власти, которая может создавать видимость их выборности населением.

3. Мягкие авторитарные режимы не устраняют избирательные процедуры при формировании представительных органов власти, но выборы здесь превращаются в плебисциты доверия представителям правящей группы и правителю. Законодательство устраняет свободу выборов и подробно регулирует процедуру их проведения. Это позволяет под разными формальными предложениями отстранить от участия в выборах неудобных для правящей группы кандидатов.

Кроме того, сохранить власть правящей группе (правителю) помогает форма правления, при которой парламент не имеет значительных властных полномочий. Бороться за большинство в парламенте не имеет смысла. Вся жизнь страны зависит от правителя (главы государства). Законные средства смещения его с должности отсутствуют. Нормы конституционного акта и законов устроены так, что правитель (какую бы должность он не занимал) фактически ликвидирует разделение властей и ставит весь государственный аппарат себе на службу. Он не несет ответственности за свою политику. За все негативные ее последствия отвечают нижестоящие чиновники (например, правительство, чиновники на местах).

4. Со времен «революции гвоздик» в Португалии (1974 г.) общество освоило практику свержения мягких авторитарных режимов с помощью так называемых цветных революций, когда население больших городов без оружия выходит на улицу и требует от диктатора ухода в отставку. Авторитарные режимы выработали свои механизмы противодействия таким приемам борьбы за демократию. Принимаются законы, в соответствии с которыми проведение публичных акций на улицах возможно только с разрешения правящей группы. Чиновники определяют, где и когда можно провести массовое мероприятие. Запрещается проведение бессрочных публичных мероприятий (ст. ст. 7–9 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании»<sup>6</sup>).

5. Слабость оппозиции и гражданского общества не требует от правящей группы применять жестокие меры уголовного преследования. Достаточно штрафных санкций административного права или применения небольших сроков лишения свободы. Часто в целях запугивания необходимо лишь возбудить уголовное дело, поддержать человека в «подвешенном состоянии» год-полтора, а затем уголовное преследование прекратить или назначить условный срок лишения свободы. Такая практика послужила основанием для того, чтобы считать режим в современной России умеренно репрессивным<sup>7</sup>.

6. Удерживать предпринимателей от помощи оппозиции позволяют нормы хозяйственного права, которые вводят большое количество запретов. Их допускается нарушать всем, кроме тех, кто вызывает недовольство правящей группы. Осуществляя выборочное правоприменение, административный класс держит предпринимателей в страхе. Они воздерживаются от финансирования оппозиции и всегда готовы поделиться частью своих прибылей с правящей группой.

7. Привлечение части населения на сторону правящей группы (правителя) осуществляется с помощью налогового и социального законодательства. Правящая группа присваивает себе через сбор налогов значительную часть общественного богатства, а затем с помощью социального законодательства производит раздачу благ населению. Этот прием поддержания своей власти известен с древних времен и получил название «редистрибуция».

8. Давно выработаны приемы создания видимости сопричастности населения к принятию правящей группой важнейших политических решений. Уже в XIX в. наиболее хитрые диктаторы научились проводить референдумы, легитимирующие выгодные им решения (референдумы, проводимые

---

<sup>6</sup> *О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании* : федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25, ст. 2485.

<sup>7</sup> *Krastev I. Paradoxes of the new authoritarianism // Journal of Democracy. 2011. Vol. 22, iss. 2. April. P. 7–8.*

Наполеоном Бонапартом и Наполеоном III во Франции). В СССР появилась практика участия населения в обсуждении проектов законов<sup>8</sup>. Законодательство дает возможность населению высказывать любые мнения, но окончательные решения принимает государственный аппарат.

При этом власть является высочайшей ценностью для тех, кто ею обладает. Они ищут разные способы ее сохранения, приспособляются к вызовам времени. Юридическая наука и политология должны изучать эти новые формы удержания власти.

## **С. Ю. Дергилева**

### **РАЗВИТИЕ НАУКИ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

В XVIII–XIX вв. в Западной Европе сложилась система научных взглядов о сущности управления, о задачах, целях и организации управленческой деятельности государства<sup>1</sup>. Представления об общественном благополучии и деятельности государства, направленной на его обеспечение, нашли закрепление в термине «полиция»<sup>2</sup>, который в то время использовался и в научной литературе<sup>3</sup>.

Наука о полиции долгое время оставалась комплексной наукой, предмет и система которой точно определены не были и которая разрабатывала разнообразные вопросы, касающиеся государственного устройства, управления, финансов и экономики<sup>4</sup>. В Новое время была создана система специализированных полицейских органов, компетенция которых охватывала практически все сферы внутригосударственной общественной жизни. В связи с тем что деятельность полиции являлась практическим воплощением идеи тотального регулирования государством всех сторон жиз-

---

<sup>8</sup> Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерки истории советской конституции. М., 1987. С. 146–148, 193–195.

<sup>1</sup> Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(63). С. 37–43.

<sup>2</sup> Нижник Н. С. Российская полицистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (17–18 сентября 2015 г.) / под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар, 2015. С. 42.

<sup>3</sup> Дерюжинский В. Ф. Полицейское право : пособие для студентов. 4-е изд. Пг., 1917. С. 4.

<sup>4</sup> Нижник Н. С. Российская полицистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786.

ни общества<sup>5</sup>, государство получило наименование полицейского, а предметом полицейского права была совокупность «государственных и общественных мер, направленных к споспешествованию интересам (материальным и духовным) народа»<sup>6</sup>.

Выделению полицейского права в самостоятельную науку во многом способствовали работы Н. Деламара<sup>7</sup>, И. Г. Г. фон Юсти<sup>8</sup> и Й. фон Зонненфельса<sup>9</sup>, Л. фон Штейна<sup>10</sup>, в которых были предприняты попытки выделить учение о полиции из общих воззрений на общество и камералистику, исследовать сферы полицейской деятельности и определить предмет полицейского права, ограничив его созданием и поддержанием внутренней безопасности.

На основе научных разработок, направленных на создание полной системы науки права внутреннего управления, проведенных Л. фон Штейном, дальнейшие исследования в этой области были ориентированы на детальную разработку отдельных вопросов науки (Г. Мейер, Э. Ленинг, В. Лексис, К. Ф. фон Штенгель, М. Зейдель, Л. фон Иолли, П. Лабанд, Л. Эльстер и др.). Закрепился новый подход — на основе признания принципа правомерности административной или полицейской деятельности<sup>11</sup>.

Наука полицейского права стала рассматриваться как юридическая<sup>12</sup>, получила наименование государственно-правовой (науки государственного

---

<sup>5</sup> *Нижник Н. С.* Российская полиеистика — наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар, 2015. С. 3–21.

<sup>6</sup> *Шеймин П. Н.* Полиция // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). СПб., 1898. Т. XXIV. С. 322.

<sup>7</sup> *Delamare N.* Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent: On y a joint une description historique et topographique de Paris, & huit Plans gravés, qui représentent son ancien Etat, & ses divers accroissements, avec un recueil de tous les statuts et règlements des six corps des marchands, & de toutes les Communautés des Arts & Métiers. Par M. Delamare, Conseiller-Commiaaire du Roy au Châtelet de Paris. Paris, 1705–1710 Vol. 1–2. ; 2-eme éd. Paris, 1719–1738. Vol. 1–4.

<sup>8</sup> *Юсти И. Г. Г.* Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния : в 4 ч. / пер. И. Богаевского. СПб., 1772.

<sup>9</sup> *Зонненфельс Й., фон.* Начальные основания полиции или благочиния / пер. М. Гаврилова. М., 1787.

<sup>10</sup> *Штейн Л., фон.* Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / пер. с нем. ; под ред. и с предисл. И. Е. Андреевского. СПб., 1874.

<sup>11</sup> *Старилов Ю. Н.* Курс общего административного права : в 3 т. М., 2002. Т. I : История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. С. 17.

<sup>12</sup> *Шпилевский М. М.* Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875. С. 103.

права с предметом — проблемами регламентации деятельности органов государственного управления и государственной службы) и оказалась тесно связанной с государственным и публичным правом. Л. фон Штейн и О. Майер во второй половине XIX в. перенесли изучение административно-правовых институтов из государственного права в новую отрасль права — право управления, или административное право<sup>13</sup>.

Одним из выдающихся представителей административного права в Германии конца XIX — начала XX вв. стал Отто Майер (Otto Mayer (1846–1924))<sup>14</sup>, основатель классической юридической догматики<sup>15</sup>. Он изложил свое видение принципа правовой государственности в вышедшем впервые в 1895 г. произведении „*Deutsches Verwaltungsrecht*“<sup>16</sup>. В двухтомном монографическом исследовании О. Майер поставил задачу определения самостоятельного предмета германской науки административного права<sup>17</sup>. Он дифференцировал государственную деятельность на несколько видов: в области законодательства, юстиции и управления, но ветвей власти выделял две: законодательную и исполнительную, которая включала в себя управление и юстицию<sup>18</sup>. Требование установить власть закона над управлением нашло в идеях О. Майера о правовом государстве<sup>19</sup>.

По определению О. Майера, управление — «деятельность государства по осуществлению своих целей в рамках установленного правопорядка»<sup>20</sup>.

---

<sup>13</sup> *Старилов Ю. Н.* История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) право: Конец XIX — начало XX в. : хрестоматия / сост., авт. вступ. ст. Ю. Н. Старилов. Воронеж, 1999. С. 14 ; *Бельский К. С.* Полицейское право : лекционный курс / под ред. А. В. Куракина. М., 2004. С. 148.

<sup>14</sup> Отто Майер родился в г. Фюрте (Бавария) 29 марта 1846 г. В 1882 г. — профессор гражданского права, межгосударственного частного права и административного права в Страсбурге. В 1887 г. — ординарный профессор. В 1893 г. — член Ober-консistorии церкви Аугсбургского вероисповедания. В 1903 г. — ординарный профессор в Лейпциге. Умер 8 августа 1924 г. в г. Гейдельберг (*Der Große Brockhaus. Handbuch des Wissens in zwanzig Bänden. 12. Bd. Leipzig, 1932. S. 291*).

<sup>15</sup> *Старилов Ю. Н.* Административное право : в 2 ч. Воронеж, 1998. Ч. I : История, наука, предмет, нормы. С. 29.

<sup>16</sup> *Mayer O.* *Deutsches Verwaltungsrecht. Bd. 1–2. Leipzig, 1895–1896.* О работе О. Майера см.: *Майер Отто* // Большая советская энциклопедия : в 65 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М., 1938. Т. 37. С. 700 ; *Старилов Ю. Н.* История развития административно-правовой науки (вступительная статья). С. 22.

<sup>17</sup> *Mayer O.* *Op. cit. Bd. 1. S. VII.*

<sup>18</sup> *Старилов Ю. Н.* Административное право : в 2 ч. Ч. 1. С. 29.

<sup>19</sup> *Старилов Ю. Н.* История развития административно-правовой науки (вступительная статья). С. 23.

<sup>20</sup> Там же.



Ученый отмечал роль властного акта, регулирующего властные отношения в каждом случае совершения управленческого действия и подлежащего судебному контролю<sup>21</sup>. Учение О. Майера оказало серьезное влияние на формирование научных взглядов российского ученого-административиста первой трети XX в. А. И. Елистратова (1872–1955)<sup>22</sup>, использовавшего в своих работах учение немецкого мыслителя<sup>23</sup>. На основе трудов О. Майера А. И. Елистратов изложил идеи о взаимообусловленности развития правового государства и административного права, содержащего нормы-регуляторы отношений между властью и гражданами<sup>24</sup>.

Анализируя подходы немецкого исследователя к определению предмета и задач науки административного права, А. И. Елистратов обращал внимание на использование О. Майером мысли П. Лабанда<sup>25</sup> о том, что наука управления должна изучать государственную деятельность и при этом «довольствоваться анализом и синтезом проявляющихся в деятельности государства правовых отношений и созданных для их регулирования правовых институтов»<sup>26</sup>. «Об административном праве можно говорить, лишь поскольку дело идет об отношениях между государством и подданными, — утверждал О. Майер, — все равно будут ли это отдельные подданные или объединенные определенным образом группы»<sup>27</sup>. Ученый полагал, что основу административного права составляет система отношений между властью и гражданином, поэтому теорию административного права он строил на идее субъективно-публичных прав граждан, которые противостоят государственной власти<sup>28</sup>.

Рассмотрение проблем административного права О. Майер производил с учетом институционных основ частного права и особенностей права публичного. Он сформулировал понятия «субъективное публичное право», «публичная собственность», «публичное предприятие»<sup>29</sup>. Характеризуя терминологию административно-правовой науки, ученый отмечал, что «германский правовой язык для исследования еще достаточным образом не подготовлен и

---

<sup>21</sup> Там же. С. 29–30.

<sup>22</sup> *Дергилева С. Ю.* Российская полицистика в лицах: Аркадий Иванович Елистратов // *Genesis: исторические исследования.* 2015. № 6. С. 844–859.

<sup>23</sup> *Елистратов А. И.* Учебник русского административного права : пособие к лекциям. М., 1910. Вып. 1. С. 2 ; 2-е изд., испр. М., 1911. Вып. I. С. 2.

<sup>24</sup> *Елистратов А. И.* Государственное право : пособие к лекциям. М., 1912. С. 53.

<sup>25</sup> *Laband P.* Das Staatsrecht des Deutschen Rechts. Tübingen, 1876–1882. Bd. 1–3.

<sup>26</sup> Цит. по: *Елистратов А. И.* Учебник русского административного права : пособие к лекциям. Вып. 1. С. 2.

<sup>27</sup> Там же. С. 3.

<sup>28</sup> Цит. по: *Бельский К. С.* Феноменология административного права. Смоленск, 1995. С. 16.

<sup>29</sup> *Старилов Ю. Н.* История развития административно-правовой науки (вступительная статья). С. 23.

недостаточен»<sup>30</sup>, поэтому, осознавая принципиальные различия между публичным и частным правом, при создании понятийно-категориального аппарата административного права необходимо «брать ссуду у гражданского права»<sup>31</sup>. Опираясь на цивилистическую догматику, используя юридические методы, О. Майер впервые создал законченную систему общего административно-правового учения<sup>32</sup>.

Мысль О. Майера о том, что в основу определения понятия «административное право» следует положить отношения, связанные с государственным управлением, в работах А. И. Елистратова получила комплексное развитие и нашла свое отражение в трудах ученых-административистов XXI в.

## **Г. С. Джумагазиева**

### **ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ**

В настоящее время между отраслями российского законодательства существует постоянное взаимодействие, проникновение норм, принципов, способов регулирования, обусловленное потребностями развития института недвижимости.

Необходим глубокий анализ отдельных видов недвижимого имущества, как традиционно относимых юридической наукой и законодательством РФ к недвижимым, так и производных объектов недвижимости. Ежегодное увеличение судебно-арбитражных споров, предметом которых выступают те или иные правоотношения, связанные с недвижимым имуществом, также свидетельствует о важности исследования данной темы.

Институт недвижимости как объект гражданских прав появился в России сравнительно недавно и начал упоминаться учеными-цивилистами России в середине XIX в. (О. С. Иоффе, Д. И. Мейер, К. П. Победоносцев, Г. Ф. Шершеневич и др.). Они не давали полного определения недвижимого имущества, а лишь останавливались на выделении его существенных признаков или определении перечня его объектов<sup>1</sup>.

---

<sup>30</sup> Mayer O. Op. cit. Bd. 1. S. VIII.

<sup>31</sup> Ibid. S. IX.

<sup>32</sup> Цит. по: *Старилов Ю. Н.* История развития административно-правовой науки (вступительная статья). С. 24.

<sup>1</sup> *Иоффе О. С.* Цивилистическая доктрина феодализма : избранные работы по гражданскому праву. М., 2000. С. 51 ; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права : в 3 ч. М., 2002. Ч. 1 : Вотчинные права. С. 89–90 ; *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 132.

В науке гражданского права уже в течение долгого времени ведутся споры о понятии «недвижимое имущество». Несмотря на то что Гражданский кодекс РФ содержит развернутое определение недвижимого имущества, не все его положения понимаются однозначно, что порождает научные споры. Большинство ученых-цивилистов полагает, что ст. 130 ГК РФ, закрепляя понятие недвижимости, одновременно в качестве синонимов использует три правовых понятия: 1) недвижимая вещь; 2) недвижимое имущество; 3) недвижимость. Но в теории гражданского права они несут различную смысловую нагрузку, и было бы не совсем правильно их отождествлять.

Использование в определении термина «недвижимая вещь» вполне закономерно, поскольку, по мнению большинства цивилистов, лишь вещь может быть объектом права собственности. Профессор Е. А. Суханов указывает, что объектами вещных прав в российском праве не могут выступать имущественные права — права требования, права пользования и т. п.<sup>2</sup>

Л. В. Щенникова предлагает понимать вещь в широком и узком смысле, причем отношения по поводу вещей в узком смысле регулируются гражданским правом<sup>3</sup>.

И. Е. Гумаров утверждает, что общеупотребительное значение слова «вещь» не совпадает с ее юридическим, более широким пониманием. Он приводит определение, где под вещью понимается «предмет внешнего (материального) мира, находящийся в естественном состоянии в природе или созданный трудом человека, являющийся основным объектом в имущественных отношениях»<sup>4</sup>. Трудно согласиться с позицией автора, что закон, помимо вещей как предметов материального мира, параллельно допускает существование нематериальных вещей<sup>5</sup>, поскольку в законе не содержится четких критериев, позволяющих выделить те вещные права, которые при определенных условиях могут приобретать вещную оболочку, т. е. стать «вещью». Считаем логичной позицию законодателя, который характеризует недвижимость не только как объект, имеющий материальную оболочку (вещь), но и как совокупность соответствующих прав. Поэтому в ст. 132 ГК РФ «предприятие» обозначено как имущественный комплекс, а не совокупность вещей.

Одновременно возникает вопрос о необходимости использования понятия «имущество» в легитимном определении недвижимости. О. М. Козырь отмечает, что российский законодатель использует термин «недвижимое имущество» в качестве синонима «недвижимых вещей» лишь чисто условно, в действительности ограничивая категорию недвижимости

---

<sup>2</sup> Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 334.

<sup>3</sup> Щенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России. М., 1986. С. 20.

<sup>4</sup> Гумаров И. Е. Понятие вещи в современном гражданском праве России // *Хозяйство и право*. 2000. № 3. С. 79.

<sup>5</sup> Там же. С. 78.

только вещами<sup>6</sup>. Употребление в ст. 132 ГК РФ третьего термина — «недвижимость» — совершенно излишне, поскольку и «вещь», и «имущество» охватывают названное явление целиком. Этим подчеркивается особое отношение российского законодателя к тем видам объектов, которые перечислены в ст. 130 ГК РФ, выражающееся в установлении более жесткого правового режима, в частности, государственной регистрации.

Таким образом, в доктрине нет однозначного понимания исследуемого вопроса. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой следовало бы исключить из ст. 130 ГК РФ упоминание о «недвижимом имуществе» и «недвижимости», усложняющее определение недвижимости, и акцентировать внимание на категории «недвижимая вещь», подчеркивая тем самым, что объектом права на недвижимость являются лишь предметы, имеющие материальную форму<sup>7</sup>.

Анализ любого понятия производится путем выделения его существенных признаков. Из определения, данного в ст. 130 ГК РФ, усматривается, что понятие «недвижимость» включает в себя определенную группу вещей. Недвижимое имущество составляют вещи, т. е. «предметы материального мира, способные к удовлетворению потребностей и могущие быть в обладании человека»<sup>8</sup>.

Содержание определения и основные подходы к правовому анализу понятия «вещь», в том числе и «вещь недвижимая», таковы. Во-первых, это материальный субстрат. Профессор Е. А. Суханов раскрывает материальность через способность к физическому осязанию вещи<sup>9</sup>.

Во-вторых, вещь является предметом. Это значит, что в течение определенного продолжительного промежутка вещь способна иметь свои пространственные рамки и устойчивую структуру. В отношении недвижимости пространственная ограниченность проявляется в том, что к недвижимому имуществу относятся не земля, недра или воды в целом, а земельные участки, участки недр и обособленные водные объекты.

В-третьих, применительно к юридическому понятию — способность находиться в обладании человека. Исключением являются, например, космические тела, владение которыми пока невозможно, не могут как таковые быть пред-

---

<sup>6</sup> Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России / под ред. А. Л. Маковского // Гражданский кодекс России. Проблемы, теория, практика. М., 1998. С. 15.

<sup>7</sup> Тужилова-Орданская Е. М. Понятие и особенности недвижимости как объекта прав по Гражданскому кодексу РФ // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 90.

<sup>8</sup> Петров Е. Ю. Понятие, признаки и виды недвижимости // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. М., 2002. Вып. 2. С. 179.

<sup>9</sup> Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. Т. I. С. 352.

метом господства (отношение статики), следовательно, и предметом оборота (отношение динамики) и потому не нуждаются в правовом опосредовании.

В-четвертых, объект должен иметь свойства, удовлетворяющие какие-либо человеческие потребности. В экономической плоскости данный объект трансформируется в товар, по поводу которого и складываются имущественные отношения. В противном случае объект исключается из сферы действия имущественных отношений и рассматриваться в качестве вещи в юридическом смысле не может.

Е. С. Болтанова необходимыми признаками недвижимого имущества называет индивидуальный характер (или неповторимость), неподвижность (или стационарность); побочными — многократное использование в процессе производства, сохранение первоначального вида (формы) в течение длительного периода, полезность, фундаментальность, тенденцию к росту стоимости, необходимость постоянного управления, низкий уровень ликвидности, значительную ценность (существенную значимость)<sup>10</sup>.

При рассмотрении легального определения недвижимости обращают на себя внимание такие признаки, как прочная связь с землей и неделимость недвижимого имущества.

Мы полагаем, что «недвижимое имущество» включает в себя понятия «недвижимость», «недвижимые вещи». При анализе гражданского законодательства можно сформулировать, что «недвижимое имущество» — это материальные блага, непосредственно связанные с землей, неделимые и требующие государственной регистрации.

Таким образом, обоснована правовая позиция, в соответствии с которой представляется более правильным считать, что государственная регистрация права на недвижимое имущество — это следствие отнесения имущества к недвижимости. Исходя из проведенного анализа, полагаем, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, что позволит более точно трактовать понятие «недвижимое имущество».

**О. А. Дизер**

## **ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БРОДЯЖНИЧЕСТВУ И ПОПРОШАЙНИЧЕСТВУ**

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Фе-

---

<sup>10</sup> Болтанова Е. С. Операции с недвижимостью: купля-продажа, дарение, наследование, налогообложение. Ростов н/Д, 2002. С. 40.

дерации от 12 мая 2009 г. № 537<sup>1</sup>, одними из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются возникновение масштабных эпидемий и пандемий, массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ.

По данным Всемирной организации здравоохранения, постоянному риску заражения педикулезом подвержены несколько миллиардов людей во всем мире. Педикулез представляет самое распространенное паразитарное заболевание независимо от уровня экономического развития страны.

Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека проанализирована ситуация по педикулезу, эпидемическому сыпному тифу и болезни Брилля в 2014 г. При этом отмечается, что динамика заболеваемости педикулезом в Российской Федерации за последнее десятилетие не имеет тенденции к снижению. Ежегодно в стране регистрируется до 300 тыс. случаев педикулеза. В 2014 г. зарегистрировано 277 983 случая педикулеза, показатель заболеваемости составил 190,59 на 100 тыс. населения, что на 5,8% выше, чем в 2013 г.<sup>2</sup>

Серьезную проблему для территорий по-прежнему представляют лица без определенного места жительства («бомж»), среди которых отмечается высокий уровень пораженности педикулезом, в том числе платяным. Так, в Москве в общей структуре ежегодно регистрируемых случаев педикулеза лица «бомж» составляют 98%. Ежегодно в Российской Федерации подвергаются осмотру свыше 500 тыс. лиц «бомж», при этом выявляется около 200 тыс. пораженных различными видами педикулеза (головным и платяным). Пораженность головным педикулезом колеблется от 1,31% в 2011 г. до 0,24% в 2014 г., платяным педикулезом — от 0,66% в 2011 г. до 0,09% в 2014 г., смешанным педикулезом — от 41,23% в 2011 г. до 22,2% в 2014 г.<sup>3</sup>

В ряде субъектов Российской Федерации проведена определенная работа в целях улучшения ситуации по педикулезу. Так, в Кемеровской области 25 апреля 2013 г. издано постановление Главного государственного санитарного врача № 6 «Об организации государственного санитарно-эпидемиологического надзора и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения по вопросу профилактики сыпного тифа и заболеваемости населения педикулезом».

---

<sup>1</sup> *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* : указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20, ст. 2444.

<sup>2</sup> *О ситуации по эпидемическому сыпному тифу, педикулезу и мерах профилактики* : письмо Роспотребнадзора от 31 марта 2015 г. № 01/3310-15-27. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Там же.

В Тульской области в целях социальной защищенности малоимущих слоев населения в банях выделены дни для помывки этой категории граждан по льготной системе оплаты.

В Москве для обеспечения комплекса мероприятий по работе с лицами «бомж» и профилактики инфекционных заболеваний была подготовлена и утверждена постановлением Правительства Москвы от 23 января 2001 г. № 70-ПП Городская комплексная программа мер по профилактике бродяжничества и попрошайничества в городе Москве<sup>4</sup>. Программой предусматривались активное выявление и бесплатная санитарная обработка лиц без определенного места жительства, пораженных педикулезом, в санитарных пропускниках.

Таким образом, на территории Российской Федерации сохраняются реальные предпосылки ухудшения эпидемической обстановки по сыпному тифу, что обусловлено высоким уровнем пораженности населения педикулезом, в том числе платяным, и недостаточной эффективностью проводимых профилактических мероприятий. При этом следует отметить, что эффективным средством охраны здоровья населения могут стать нормы административного законодательства, направленные на его защиту.

Анализ отечественного законодательства показывает, что в настоящее время в нем закреплены лишь отдельные нормы, направленные на противодействие бродяжничеству и попрошайничеству. Так, Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 237-ФЗ)<sup>5</sup> к числу антиобщественных действий несовершеннолетних относятся бродяжничество и попрошайничество. В данном нормативном правовом акте также закреплено, что в отношении несовершеннолетних, ведущих подобный образ жизни, органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 237-ФЗ)<sup>6</sup> в ч. 2 ст. 5 к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, способная вызвать у детей желание заниматься бродяжничеством или попрошайничеством.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Фе-

---

<sup>4</sup> Вестник Мэрии Москвы. 2001. № 8.

<sup>5</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

<sup>6</sup> Там же. 2011. № 1, ст. 48.

дерации» (в ред. Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 256-ФЗ)<sup>7</sup> социальное обслуживание предоставляется при таких обстоятельствах, как:

- наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, наличие насилия в семье;

- отсутствие определенного места жительства, в том числе у лица, не достигшего возраста двадцати трех лет и завершившего пребывание в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

- отсутствие работы и средств к существованию.

Нормы, направленные на противодействие бродяжничеству и попрошайничеству, не решают в полной мере задач охраны общественной нравственности и здоровья населения и защиты несовершеннолетних от несвоевременного знакомства с подобного рода материалами. Одним из главных негативных последствий бродяжничества и попрошайничества является распространение эпидемических заболеваний, поскольку лица, ведущие подобный образ жизни, пренебрегают правилами личной гигиены, не обращаются за медицинской помощью.

Под бродяжничеством следует понимать систематическое перемещение лица в течение длительного времени из одной местности в другую либо в пределах одной местности (например, города) без постоянного места жительства с существованием на нетрудовые доходы. Под попрошайничеством понимается систематическое выпрашивание у посторонних лиц (под различными предлогами и без них) денег, продуктов питания, одежды, других материальных ценностей<sup>8</sup>.

Вред бродяжничества и попрошайничества состоит в том, что лица, ведущие подобный образ жизни, совершают правонарушения, посягающие на общественный порядок. Часто и сами они становятся жертвами противоправного поведения. Бродяжничество для многих людей ассоциируется не только с отсутствием жилья у конкретного человека, но и с особенностями проживания такого лица, определяющими его социальное положение.

Полагаем, что государственная политика в области противодействия бродяжничеству и попрошайничеству должна исходить из гуманистических позиций. Для противодействия бродяжничеству и попрошайничеству, по нашему мнению, необходимо закрепление в специальном федеральном законе общих и обязательных норм и ограничений. Их положения должны касаться: понятий бродяжничества и попрошайничества; органов, осуществляющих профилактику бродяжничества и попрошайничества, и их полномочий; осно-

---

<sup>7</sup> Там же. 2013. № 52, ч. 1, ст. 7007.

<sup>8</sup> *Социальные отклонения*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 259.



ваний доставления граждан в организации социального обслуживания лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество; оснований и порядка применения мер медицинского характера (в том числе и принудительных) к лицам, задержанным за бродяжничество и попрошайничество.

**Е. В. Дубровин**

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДЕЙ В ПРОЕКТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О СУДОУСТРОЙСТВЕ И СТАТУСЕ СУДЕЙ**

Логическим завершением последнего этапа судебно-правовой реформы, начавшегося в Республике Беларусь в 2011 г., станет принятие новой редакции Кодекса о судоустройстве и статусе судей. Соответствующий проект закона (далее — Проект) был представлен на рассмотрение депутатам Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 30 июня 2015 г. и уже принят в первом чтении. При этом он еще может быть усовершенствован, в том числе в части, касающейся порядка формирования и компетенции квалификационных коллегий судей.

Система данных органов в Республике Беларусь состоит из двух звеньев и включает в себя Высшую квалификационную коллессию судей Верховного Суда Республики Беларусь и квалификационные коллессии судей областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска). Высшая квалификационная коллессия судей Верховного Суда Республики Беларусь избирается Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь из числа судей Верховного Суда Республики Беларусь, представителей государственных органов, ученых-юристов, иных специалистов в области права сроком на четыре года в количестве одиннадцати человек (ч. 1 ст. 152 Проекта).

Квалификационные коллессии судей областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска) избираются соответствующими конференциями судей областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска) из числа судей указанных судов, представителей государственных органов, ученых-юристов, иных специалистов в области права сроком на четыре года в количестве одиннадцати человек (ч. 1 ст. 154 Проекта).

В приведенных выше нормах не указано конкретное количество судей, представителей государственных органов и ученых-юристов, иных специалистов в области права, входящих в состав квалификационных коллегий. Кроме того, в ст. ст. 152 и 154 Проекта закреплён порядок избрания судей в их состав, но не определён соответствующий порядок в отношении представите-

лей государственных органов и ученых-юристов, иных специалистов в области права.

Согласно ч. 4 ст. 95 Проекта дисциплинарное производство в отношении судей судов общей юрисдикции за несоблюдение правил внутреннего трудового распорядка осуществляется председателями соответствующих судов в соответствии с законодательством о труде, т. е. в данном случае дисциплинарное производство происходит без участия квалификационных коллегий судей. Исключение квалификационных коллегий из дисциплинарного производства в отношении судей за несоблюдение правил внутреннего трудового распорядка означает определенное нарушение европейских стандартов (п. 1.3 Европейской хартии судей), которое следовало бы устранить.

В соответствии с ч. 1 ст. 95 Проекта дисциплинарное производство в отношении судей судов общей юрисдикции за совершение ими дисциплинарных проступков, за исключением проступков, выразившихся в несоблюдении судьями правил внутреннего трудового распорядка, осуществляется квалификационными коллегиями судей.

Глава 9 Проекта, посвященная дисциплинарной ответственности судей судов общей юрисдикции, не предусматривает возможность обжалования заключений квалификационных коллегий судей, принятых по результатам дисциплинарного производства. При этом ст. 102 Проекта в данной главе устанавливает порядок обжалования решений о наложении дисциплинарных взысканий, принятых председателями судов.

В части 1 ст. 160 Проекта (содержащейся в главе 18 «Квалификационные коллегии судей») закреплено, что заключения квалификационных коллегий судей областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска) (кроме заключений об отказе в рекомендации лиц, претендующих на должность судьи, и по вопросам представления судей к государственным наградам Республики Беларусь) могут быть обжалованы лицом, в отношении которого они приняты, или лицом, возбудившим производство, в десятидневный срок со дня их принятия в Высшую квалификационную коллегию судей Верховного Суда Республики Беларусь, после чего могут быть обжалованы в Верховный Суд Республики Беларусь, а заключения Высшей квалификационной коллегии судей Верховного Суда Республики Беларусь обжалуются в Верховный Суд Республики Беларусь.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 160 Проекта, можно сделать вывод, что в установленном ею порядке подлежат обжалованию и заключения по результатам дисциплинарного производства. Проектом предусмотрены существующие отдельно друг от друга и не связанные между собой путь обжалования решений о наложении дисциплинарных взысканий и путь обжалования заключений по результатам дисциплинарного производства. На практике эти

два пути соотнесены между собой следующим образом. Вначале имеет место обжалование заключений квалификационных коллегий, а затем, после окончания данной процедуры, соответствующий вопрос передается на рассмотрение председателю суда.

При таком положении дел можно говорить о существовании следующих слабых мест. Во-первых, если заключения квалификационных коллегий носят рекомендательный характер, то их обжалование не имеет смысла. Председатель суда, принимающий окончательное решение, не связан ни первоначальным заключением, ни решением, принятым по результатам его обжалования. Во-вторых, процедура, при которой сначала обжалуется заключение квалификационной коллегии, а затем решение председателя суда, представляется излишне сложной и многоступенчатой. В-третьих, обжалование решения председателя суда на практике выглядит затруднительным в связи с тем, что привлеченные к дисциплинарной ответственности судьи могут воздерживаться от соответствующих действий из-за боязни испортить отношения с непосредственным начальником или руководителем суда, являющимся вышестоящим по отношению к тому суду, в котором они работают.

Отмеченные недостатки могут быть устранены следующим образом. Квалификационным коллегиям судей нужно предоставить право принятия окончательного решения по вопросу о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, за исключением тех случаев, когда речь идет о понижении в квалификационном классе на срок до шести месяцев или освобождении от должности и решение принимается Президентом Республики Беларусь.

Соответствующие полномочия у председателей судов изымаются, но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в работе Высшей квалификационной коллегии судей Верховного Суда Республики Беларусь могут участвовать и высказывать свое мнение по обсуждаемому вопросу члены Республиканского совета судей. А в работе квалификационных коллегий судей областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска) могут участвовать и высказывать свое мнение по обсуждаемому вопросу члены Республиканского совета судей, председатели областных (Минского городского) судов, экономических судов областей (города Минска) (чч. 4, 5 ст. 157 Проекта). Таким образом, в процессе осуществления дисциплинарного производства у председателя суда сохраняется возможность высказать свое мнение, которое, безусловно, будет принято во внимание.

Подводя итог, отметим, что учет законодателем внесенных предложений улучшил бы качество правового регулирования организации и деятельности квалификационных коллегий судей, упростил бы правоприменение, а также предотвратил бы возникновение на практике спорных ситуаций.

**И. В. Евдошенко**

## **О РЕФОРМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО НАРОДОВЛАСТИЯ**

Сегодня, когда в России происходят кардинальные изменения, не может не вызывать интерес период с февраля по октябрь 1917 г., который также характеризуется системным кризисом и сломом устоявшихся форм общественной жизни. Как и в 1917 г., руководство страны стратегической целью объявило построение демократического правового государства. Так же, как и почти сто лет назад, признается необходимым обеспечить управляемость происходящими в обществе процессами, последовательное оформление адекватной системы правовых норм и институтов.

Реформе милиции 1917 г. уделялось много внимания в научной и публицистической литературе. Не забывают о ней и авторы современных учебников по истории государства и права России. Однако текст этого нормативного источника содержится лишь в Собрании узаконений и распоряжений Правительства и Вестнике Временного правительства. Правовая основа организации и деятельности милиции закреплялась в постановлении Временного правительства «Об учреждении милиции», утвержденном 17 апреля 1917 г.<sup>1</sup> В соответствии с этим актом милиция рассматривалась как неотъемлемая часть государственного аппарата. Структурно Положение состояло из 52 статей, размещенных в семи разделах: 1. О составе уездной и городской милиции. 2. О порядке определения и увольнении чинов уездной и городской милиции. 3. О временном замещении должностей. 4. О предметах ведения и степени власти милиции. 5. О порядке подчинения и деятельности сотрудников милиции. 6. О порядке действия и делопроизводстве сотрудников милиции. 7. Об отчетах и ответственности сотрудников милиции.

В самом Положении в п. 1 излагалось принципиальное предназначение милиции, которая рассматривалась как «исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений»<sup>2</sup>.

В соответствии с разделом 1 Положения «О составе уездной и городской милиции»<sup>3</sup> основной административно-территориальной единицей, где создавались новые органы охраны правопорядка, объявлялись города и уезды (ст. 2).

---

<sup>1</sup> *Вестник Временного правительства*. 1917. 20 апр. ; *Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства*. 1917. № 97, ст. 537.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> *Центральный государственный архив Удмуртской Республики* (далее — ЦГА УР). Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 200–201.

Численный состав и должностные оклады в милиции утверждались уездными земскими собраниями или городскими думами (ст. 5). Финансирование милиции планировалось производить как за счет средств местного бюджета, так и за счет средств, выделяемых государством министерству внутренних дел. Городским и земским управам предоставлялось право разделения подведомственной им территории на милицейские участки (ст. ст. 6, 7). Все милиционеры обязывались при исполнении служебных обязанностей носить установленную форму одежды (ст. 8). На службу в милицию могли быть приняты только российские подданные, достигшие 21 года, при этом не допускались лица, «состоящие под следствием и судом по обвинению в преступных деяниях», осужденные за различные виды преступлений, «несостоятельные должники», «состоящие под опекой за расточительство», «содержатели домов терпимости» (ст. 14). Вводился образовательный ценз: начальниками милиции и их помощниками могли быть назначены только лица, имеющие образование не ниже среднего, а на все остальные должности — «лица вполне грамотные». Впрочем, критерии «грамотности» в документе не определялись, что в перспективе могло создать проблемы для кадровых служб (ст. 15). Главное предназначение милиции излагалось в ст. 18: «Милиция охраняет общественную безопасность и порядок, защищает всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправства». При этом законодатель конкретизировал свои требования, наделив милицию многими полномочиями. К числу таковых относились: «принятие мер к прекращению нарушения порядка, закона»; обязанности «по своевременному оповещению населения о распоряжениях правительственных и общественных властей и об исходящих от них объявлениях и извещениях»; охрана прав гражданской свободы и содействие органам правительственной и общественной власти в осуществлении ими возложенных на них обязанностей. Органы милиции ведали обеспечением порядка в местах общественного пользования, должны были следить за исправным содержанием дорог, мостов, улиц, площадей и др.

Особо выделялись полномочия милиции, связанные с уголовным судопроизводством, изложенные в ст. 21 Положения. Милиции предоставлялось право задерживать пьяных, находящихся в невменяемом состоянии, душевнобольных и прочих, чье поведение было связано с опасностью для окружающих. Здесь же определялись правила составления протокола по поводу задержания. Одним из положительных моментов было то, что копия протокола о задержании должна была немедленно по составлении вручаться задержанному или (не позднее трех дней) близким его родственникам. Кроме того, в обязательном порядке о задержании должно было быть вынесено постановление судьи или судебного следователя. При отсутствии такого постановления задержанный должен был быть освобожден.

Положением закреплялась и система подчинения в милиции (ст. 35). Министерство внутренних дел должно было осуществлять общее руководство, издавать инструкции и указания, определяющие «техническую сторону деятельности милиции», производить ревизии и собирать статистические сведения, составлять предложения о смете расходов по содержанию милиции в городах и уездах.

Как видно из анализа Положения, правительство от широковещательных заявлений о создании «народной милиции» перешло к формированию милиции профессиональной. Должность начальника милиции замещалась уездной или городской управой. За работу милиции начальник отвечал перед уездным земством или городом. Он сам выбирал себе помощников, которые заведовали отдельными участками работы (ст. 50). Губернскому комиссару и министру внутренних дел предоставлялся ряд прав по делам милиции. В Министерстве под руководством министра создавалось Управление по делам милиции, по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. Министр имел право проводить ревизию милиции, издавать для нее правила, указы и инструкции. В губернии работал назначенный министром внутренних дел правительственный инспектор милиции. Это должностное лицо не подчинялось земству или городу и зависело только от министра и губернского комиссара<sup>4</sup>.

Таким образом, очевидно, что эффективно работающие органы правопорядка (как бы они не назвались) не появляются вдруг, их нельзя сформировать в одночасье чьим-то волевым решением. На эту истину следует обратить внимание лицам, непосредственно вовлеченным в нормотворчество. Кроме того, для успешного проведения реформы правоохранительных органов необходимы серьезные организационные усилия и материально-финансовые затраты.

**Т. П. Евсеенко**

## **ГОРОДСКИЕ ОБЩИНЫ КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

Римскую империю часто характеризуют как федерацию полисных (городских) общин<sup>1</sup>. Действительно, роль городских поселений в истории всей античной цивилизации трудно переоценить. По словам М. И. Ростовцева, восточные провинции ранней империи представляли собой не что иное, как

---

<sup>4</sup> Еремян В. В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М., 2003. С. 505–506.

<sup>1</sup> См., напр.: Крест К. История времен римских императоров от Августа до Константина : историческая библиотека Бека : в 2 т. Ростов н/Д, 1997. Т. 2. С. 24.

комплексы греческих и эллинистических городов<sup>2</sup>. И хотя данное утверждение страдает явными преувеличениями, поскольку на деле в структуре восточных эллинистических монархий (из которых впоследствии и образовались эти провинции), помимо городских (полисных) территорий, выделялись области «автономных этносов»<sup>3</sup>, сельские и храмовые территориальные общины<sup>4</sup>, а также земли, напрямую подчинявшиеся царям, немалая часть территорий Азии была действительно приписана к городам.

Римская империя не ломала и не переустраивала ранее существовавшую городскую организацию, поскольку города-полисы являлись надежными поставщиками империи воинских контингентов и налогоплательщиками. Полис оказался удобным орудием и для постепенной романизации провинций. При этом Рим всегда предпочитал использовать уже сложившиеся традиционные местные институты, при условии, что они не противоречили целям империи.

Если исходить из юридических категорий, то подавляющее большинство городских поселений не получало особых привилегий и подлежало обложению налогами (так называемые стипендиарные или трибутарные общины). Лишь небольшая группа городов имела статус свободных, или союзных. На ступень выше их стояли муниципии, обладающие латинским правом<sup>5</sup>. К самой привилегированной категории с точки зрения городского права относились колонии и муниципии римских граждан. Всего же в ранней Римской империи существовало до 14 категорий населенных пунктов, различавшихся по размерам, значимости и объему прав граждан<sup>6</sup>.

Исторически столь дробная система восходит к республиканской эпохе и времени завоеваний Римом Италии и Средиземноморья. В эпоху ранней

---

<sup>2</sup> Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи : в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 63, 65.

<sup>3</sup> Бикерман Э. Государство Селевкидов / пер. с фр. Л. М. Глускиной. М., 1985. С. 153–154.

<sup>4</sup> Климов О. Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 79–80.

<sup>5</sup> Подробнее см.: *Plin. Maior. Nat. Hist.* III, 4, 31–36 ; IV, 1, 12.

<sup>6</sup> Грушевой А. Г. Римская провинция Аравия: основные проблемы социально-политического и культурного развития II–V вв. н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 129. Автор, к сожалению, не указывает источники, которые он использует для обоснования указанного утверждения, тем более категорий правоспособности он сам насчитывает в общей сложности только пять. Возможно, здесь имеет место некритическое использование взглядов М. Х. Хансена и его коллег по Копенгагенскому международному научному центру по изучению античного полиса (Copenhagen Polis Centre), которые насчитывают 14 типов зависимости полисов (см., напр.: *Hansen M. H. A Typology of Dependent Poleis // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre. 4 / ed. T. H. Nielsen. Stuttgart, 1997. P. 29–30*).

Империи усложненная система гражданско-правовых статусов просуществовала по инерции без особых изменений до известного эдикта Каракаллы (212 г.), предоставившего римское гражданство большинству жителей империи. Самые привилегированные категории населенных пунктов Империи определялись как колонии, а именно:

1) поселения римских граждан в провинции, специально выводимые для обеспечения земель группы колонистов (чаще всего ветеранов);

2) муниципии, получившие по декрету императора статус колонии.

Колонии, созданные в I в. н. э., обладали *jus Italicum*, т. е. правом, которое имели только города Италии. Кроме того, статус колонии автоматически обеспечивал жителям такого поселения римское гражданство. Поэтому эти люди не платили подушного и поземельного налога, являясь собственниками выделенных им на территории колонии земельных участков, судить их можно было только в Риме. Теоретически они могли занимать высшие государственные должности. Дион Кассий так высказался по этому поводу: «Римские граждане во всех отношениях более почитаемы, чем peregrini»<sup>7</sup>.

*Municipium* (муниципий) — город, среди населения которого имелось определенное количество римских граждан (*municipium civium Romanorum*) со своей общественной организацией. Это вторая после колонии по статусу категория городов империи, постепенно становившаяся все более многочисленной. Внутренняя жизнь муниципиев, как и всех городов империи, регулировалась их собственным внутренним законодательством, определявшим компетенции должностных лиц, порядок проведения городских выборов, нормы избирательного права и т. д. Образцы муниципальных законов известны только из римской Испании<sup>8</sup>, однако можно предположить, что такие законы были распространены повсеместно.

Рангом муниципиев награждались, прежде всего, старые городские поселения, в которых проживало много римских граждан. При этом граждане муниципиев в одних случаях имели римское право, в других — латинское. Права латинских граждан были более ограничены, но за исполнение магистратур в своем муниципии они получали права римского гражданства. Сохранившиеся многочисленные надписи подтверждают, что указанное положение имелось в законах и других провинциальных муниципиев<sup>9</sup>. Поэтому присуждение ранга колонии или муниципия равнялось признанию автономии самоуправления на основе сформулированного городского права.

Существовали и *civitates peregrinae* — города местного населения, жители которых обладали более низким гражданско-правовым статусом, но при этом различались между собой.

---

<sup>7</sup> Cass. Dio., X, 17.

<sup>8</sup> CIL. II, 1963, 1964.

<sup>9</sup> CIL. II, 1600 ; 1631 ; 1945 ; 2096 ; 3424.



К категории так называемых свободных относились города, которые имели собственные законы, но их жители не имели права римского или латинского гражданства. «Свободные» города обладали широкой внутренней автономией — в административном плане были свободны от вмешательства наместника провинции, имели право самостоятельно собирать налоги<sup>10</sup>, принимать изгнанников из Рима, освобождались от обязанности содержать римский гарнизон<sup>11</sup>. Эта автономия основывалась не на договоре (foedus), а на сенатусконсульте, т. е. на одностороннем акте римского сената. Отсюда само название этих городов — *civitates sine foedere liberae*.

Города федератов имели статус, аналогичный предыдущему типу, но их права были основаны на официальном договоре (foedus).

Наконец, стипендиарными (*civitates stipendiariae*) назывались города, уплачивающие налог натурой (*vectigal*), или подушный и поземельный налог (*Stipendium et tributum*). Они сохраняли право чеканки монет, управлялись по собственным законам (хотя юрисдикция их должностных лиц была ограничена в пользу римского проконсула)<sup>12</sup>. Их земли принадлежали не гражданам, а Римскому государству (*ager provincialis*), они же лишь владели ими (*possessio*). Именно эта категория городов и была особенно многочисленной, что подтверждается данными Плиния Старшего, который, характеризуя римские провинции в Испании, отмечал, что во времена Нерона в Тарраконской Испании существовало 179 городов, среди которых 12 были колониями, 13 — муниципиями с римским правом, 18 — с древним латинским правом, 1 — город федератов, 135 — стипендиарными<sup>13</sup>. В Бетике, по его же утверждению, имелось 175 городов (*oppida*), из которых 9 являлись колониями, 10 — муниципиями с римским правом, 27 — муниципиями с древним латинским правом, 6 были свободными, 3 — городами федератов, 120 — стипендиарными<sup>14</sup>. Наконец, в Лузитании из 45 ее городов 5 обладали статусом колоний, 1 — статусом муниципия с римским правом, 3 — то же с древним латинским правом и 37 стипендиарных<sup>15</sup>.

В Британии также существовали города, типологически различающиеся друг от друга. Интересно, что в этой провинции даже число городских поселений вызывает споры исследователей. Так, по данным Р. Коллигвуда, в римс-

---

<sup>10</sup> Сам по себе статус свободного города во время империи от уплаты налогов не освобождал, требовалась особо дарованная *immunitas* (Смирнова И. К. Политика Траяна в провинции Вифиния-Понт (К оценке особенностей провинциальной римской политики в эпоху принципата) : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. С. 73).

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Пухта Г. Ф. История римского права / пер. с нем. В. Личко. М., 1864. С. 300–301.

<sup>13</sup> *Plin. Maior. Nat. Hist.* III, 8.

<sup>14</sup> *Ibid.* III, 7.

<sup>15</sup> *Ibid.* IV, 117.

кой Британии существовало 70–75 городов<sup>16</sup>, хотя в «Путеводителе Антонина», составленном для административно-фискальных целей, называется иная цифра — 47<sup>17</sup>. Возможно, разница объясняется различиями в подходе к понятию «город» в римское время и у современных исследователей. Например, Т. Б. Перфилова обращает внимание на то, что, кроме различного рода полисов, в Британии появились города, не являвшиеся по сути землевладельческими общинами (а значит, и не являвшиеся городами в античном понимании). Сюда относились не только придорожные поселения, получившие в IV в. статус вигов (*vici*), или города-центры пагов (в английской историографии они получили название «маленьких» городов), но также и некоторые столицы племен. Естественно, сила влияния на сельскую округу маленького города была меньшей, чем у городов полисного типа. В то же время маленькие города сыграли свою роль в романизации провинциального населения. Можно даже утверждать, что чем больше маленьких городов было в составе *civitas*, тем сильнее были результаты ее романизации<sup>18</sup>, тем быстрее она приобретала черты античной гражданской общины.

## Т. А. Желдыбина

### ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

В последнее время наблюдается устойчивый интерес к проблемам, связанным с правовой политикой. Данное направление как научное сложилось во второй половине XIX – начала XX вв., когда в политико-правовой мысли происходил поиск и обсуждение новых форм государственного устройства, складывались иные курсы правовых исследований. Несмотря на отсутствие четкой терминологии, общепринятым было применение категории «политика права».

Известный ученый Ф. В. Тарановский замечал, что проблески политики права теряются во временах глубокой древности: первый законодатель был уже первым политиком права<sup>1</sup>. Исследователь Н. Н. Алексеев полагал, что юрист (законодатель) не может руководствоваться в своей деятельности ис-

---

<sup>16</sup> *Collingwood R. G. Roman Britain. Oxford, 1932. P. 55–56.*

<sup>17</sup> *Перфилова Т. Б. Британия в системе Римской империи (проблема контактов) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 22–23.* Впрочем, сама Т. Б. Перфилова на основании своих собственных подсчетов предлагает иную цифру — 98–99 городов, отмечая при этом, что для страны, где все население вместе с завоевателями не превышало 2 млн, такое количество городов нельзя считать несущественным.

<sup>18</sup> Там же. С. 19–20.

<sup>1</sup> *Тарановский Ф. В. Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 3. С. 163–164.*

ключительно действующим правом. Ученый должен знать не только то, что соответствует установленным законам, но и то, что соответствует справедливости. Это есть новая научная задача — задача политики права, которая ставится в самой догматической юриспруденции, но не может быть решена средствами последней<sup>2</sup>.

«Задача политики права, — писал Г. Ф. Шершеневич, — достижение определенных социальных целей при помощи права, поэтому политика права может быть только деятельностью государства, от которого исходят нормы права»<sup>3</sup>. По его мнению, политика права — это не чистая наука, а прикладная или даже не наука, а искусство, примыкающее к научному правоведению, критическая оценка существующего правопорядка<sup>4</sup>.

Таким образом, в дореволюционной юридической литературе были заложены основы изучения правовой политики. В контексте настоящей публикации хотелось бы обратить внимание на особую роль законодательной (законотворческой) политики как разновидности правотворческой политики, которую в Российской Федерации проводят как Государственная Дума и Совет Федерации Федерального Собрания РФ, так и законодательные органы субъектов Федерации.

Правовая политика в сфере законотворчества представляет собой деятельность государственной власти по подготовке и принятию законодательных актов, обладающих высшей юридической силой, принятых в строго определенном порядке и регулирующих наиболее важные общественные отношения в государстве<sup>5</sup>.

В системе правотворческой политики особое место занимает законотворческая политика. От того, насколько продуманной будет разработка ее направлений, во многом зависит состояние законотворческого процесса в России.

Приоритет правовой политики, реализуемой в сфере законотворчества, — формирование механизма подготовки и реализации законов, ведущим компонентом которого является оценка эффективности законотворческого процесса в единстве с эффективностью действия принимаемых законов<sup>6</sup>. В итоге правовая политика выступает фактором повышения качества законодательства, его постоянного совершенствования.

---

<sup>2</sup> *Алексеев Н. Н.* Общее учение о праве : курс лекций, прочитанных в Таврическом Университете в 1918 /19 году. Симферополь, 1919. С. 11–12.

<sup>3</sup> *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1912. Вып. 4. С. 804.

<sup>4</sup> *Емельянова И. А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год : очерки. Казань, 1998. С. 107.

<sup>5</sup> *Минюк Н. В.* Правовая политика как фактор повышения качества законодательства в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 8.

<sup>6</sup> *Исаков И. Н.* Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 74.

Вопрос о законодательной политике рассматривался в марксистско-ленинской теории государства и права. Так, в коллективной монографии «Научные основы советского правотворчества»<sup>7</sup> в § 1 третьей главы рассматривалась роль КПСС в выработке законодательной политики.

По оценке А. Нашиц, законодательная политика, устанавливающая принципы, направления, цели, которым должно соответствовать право, находит свое выражение в решениях по существу и в решениях технического порядка и закрепляется в специфической форме правил поведения, имеющих значение позитивного права<sup>8</sup>.

В дальнейшем были развиты в правовой теории постсоветского периода принципы законодательной политики: научный характер законодательной политики; учет законотворческой практикой интересов разных групп населения и отражение этого в действующем законодательстве; предвидение (прогнозирование) законотворческих решений; принятие законодательных актов, соответствующих природе права; быстрое реагирование на изменения общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране и т. д.

Следует отметить, что термин «законодательная (или законотворческая) политика» используется часто как синоним термина «правотворческая политика». Так, А. П. Мазуренко подразумевает под правотворческой политикой особое явление политико-правовой действительности, выражающееся в научно обоснованной, планомерной и системной деятельности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования в целях обеспечения необходимых условий для создания непротиворечивой и целостной системы права<sup>9</sup>.

А. Ю. Лаврик утверждает, что правотворческая политика — научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и негосударственных структур, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества на различных уровнях общественной организации<sup>10</sup>.

Под законотворческой (законодательной) политикой понимается совокупность целей, средств, а также способов деятельности субъектов законодательной власти, направленных на реализацию правотворческой функции государства. Это проявление стратегии и тактики государства в правотворческой сфере, установление правового порядка законодательными средствами.

---

<sup>7</sup> *Научные основы советского правотворчества : монография / О. А. Гаврилов [и др.] ; отв. ред. Р. О. Халфина. М., 1981. 317 с.*

<sup>8</sup> *Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 96.*

<sup>9</sup> *Мазуренко А. П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями // Гос-во и право. 2010. № 4. С. 20.*

<sup>10</sup> *Лаврик А. Ю. Основные уровни реализации правотворческой политики в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 3. С. 182.*

Ю. А. Титенко, В. Е. Трофимова определяют законодательную политику как научно обоснованную, планомерную, системную деятельность субъектов законоотворчества, направленную на реализацию стратегии и тактики государства в сфере правового регулирования наиболее важных сфер общественных отношений<sup>11</sup>.

А. В. Малько считает, что законотворческая политика — научно обоснованная, последовательная и системная деятельность законодательных органов, направленная на определение стратегии и тактики законоотворчества, на создание необходимых условий для эффективной законотворческой работы, цель которой — оптимизировать законотворчество, в том числе в субъектах Российской Федерации<sup>12</sup>.

С. В. Малюгин законодательную политику формулирует как направление юридической политики государства, представляющее научно обоснованную властно-управленческую деятельность субъектов законодательной власти, которая выступает методологической основой в реализации законотворческой функции государства по оформлению и закреплению политических решений, связанных с правом в форме принятия законов, в целях формирования и совершенствования правового воздействия государства на различные сферы жизнедеятельности общества<sup>13</sup>.

Таким образом, следует заключить, что законотворческая (законодательная) политика способна оказывать постоянное влияние на законотворческий процесс, повышая его качество.

## **Е. С. Зайцева**

### **ПРОБЕЛЫ В ПРАВЕ И ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Одним из критериев классификации пробелов в праве является степень истинности, в соответствии с которой они подразделяются на реальные и мнимые. Реальный пробел имеет место, когда общественные отношения нуждаются в правовом регулировании, а это регулирование отсутствует. Определение реального пробела фактически совпадает с определением пробела как такового.

---

<sup>11</sup> Титенко Ю. А., Трофимова В. Е. Законодательная правовая политика: проблемы теории и практики // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2010. № 3. С. 116.

<sup>12</sup> Малько А. В., Петров М. П., Суменков С. Ю. Законотворческая политика в субъектах Российской Федерации (Обзор «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь») // Гос-во и право. 2010. № 9. С. 114.

<sup>13</sup> Малюгин С. В. Законодательная политика современного Российского государства: понятие, основные характеристики и направления реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 11.

Мнимый пробел возникает или создается искусственно. Он надуманный и существует, прежде всего, в сознании субъектов, когда появляется иллюзия необходимости урегулирования тех или иных общественных отношений, хотя на самом деле такая потребность отсутствует.

Мнимые пробелы обусловлены неадекватной оценкой развития общественных отношений и возможного использования правовых средств для их регулирования, что по своей сути говорит об ограниченности знаний о закономерностях развития правовой материи и юридической практики. В этой ситуации субъект правотворчества создает правовую норму, которая, по его мнению, необходима, при этом реальная потребность в ее появлении отсутствует. Устранение мнимого пробела можно рассматривать как одну из разновидностей правотворческой ошибки. Не случайно наряду с такими правотворческими ошибками, как бессистемность правовых актов, их внутренняя противоречивость, обилие декларативных норм, не снабженных механизмом реализации, выделяют и излишнюю многочисленность нормативных правовых актов<sup>1</sup>.

Основную причину появления как реальных, так и мнимых пробелов представляет ошибочное определение пределов правового регулирования. Пределы правового регулирования — это обусловленные различными факторами границы, в рамках которых осуществляется или может осуществляться правовое регулирование общественных отношений, в виде рубежей, за которыми оно невозможно и нецелесообразно<sup>2</sup>.

Пределы правового регулирования классифицируют по различным основаниям, в том числе и по волевому критерию. В соответствии с ним они подразделяются на объективные и субъективные. Объективные пределы связаны с природными и социальными закономерностями и от воли людей не зависят. Субъективные пределы детерминируются психическими факторами и устанавливаются по воле субъектов правового регулирования<sup>3</sup>. При этом если объективные границы очерчивают возможную идеальную сферу юридического воздействия, то субъективные пределы устанавливают фактическую реально существующую, обеспеченную государством область правового регулирования. Имеются прямая связь и зависимость объективных и субъективных пределов правового регулирования. Это обусловлено тем, что субъективные пределы определяются уровнем познания объективных пределов правового регулирования, а также степенью заинтересованности субъекта, осуществляющего правовое регулирование в соответствии с объективными преде-

---

<sup>1</sup> Малько А. В., Мазуренко А. П. Правотворческая политика России: история и современность. М., 2014. С. 40.

<sup>2</sup> Иванов Р. Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2001. № 4(29). С. 6.

<sup>3</sup> Там же. С. 7.

лами. Познание объективных пределов правового регулирования должно происходить на основе научных разработок, что является обязательным условием правотворческой политики любого государства. В то же время на фоне существующих кризисных тенденций в законодательном процессе Российского государства, в частности при отсутствии законотворческой стратегии и доминировании субъективных тенденций<sup>4</sup>, можно говорить, что субъекты правотворчества чаще всего идут путем использования метода проб и ошибок<sup>5</sup>. Сложившаяся ситуация демонстрирует недостаток как необходимого уровня познания объективных пределов правового регулирования, так и заинтересованности законодателя в осуществлении правового регулирования в соответствии с объективными пределами.

Таким образом, отсутствие научно разработанных критериев пределов правового регулирования — основная причина двух противоположных негативных явлений, характерных для современной правотворческой политики: с одной стороны, большого количества реальных пробелов в текущем законодательстве, а с другой — избыточного правового регулирования (следствие устранения мнимых пробелов), не обусловленного объективными потребностями развития общественных отношений.

## **А. А. Иванов**

### **ПОЛИТИКА «ЧИСТОК» СОВЕТСКОГО АППАРАТА В 20–30-х ГОДАХ XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ, МЕХАНИЗМ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

После «Съезда победителей», проходившего в феврале 1934 г., И. В. Сталину стало очевидно, что его политика разделяется далеко не всеми. С конца 1934 г. началась борьба с внутрипартийной оппозицией, и вся правоохранительная система перестроилась именно на реализацию этого направления.

«Чистки» государственного, партийного и профсоюзного аппаратов и последовавшие затем массовые репрессии 1920–1930-х гг. сделали свое дело. Пришедшие на смену опытным репрессированным кадрам выдвиженцы не были обременены ни теоретическими познаниями, ни общим образованием. Так, даже в Политбюро ЦК ВКП(б) с декабря 1934 г. по февраль 1941 г. не было ни одного человека с законченным высшим образованием. На более низких уровнях партийно-государственной машины картина была еще более удручающая. Например, среди секретарей обкомов высшее образование имели только 15,7%, низшее — 70,4%; среди секретарей окружкомов соответ-

---

<sup>4</sup> Власенко Н. А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 175.

<sup>5</sup> Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Гос-во и право. 1991. № 8. С. 16.

ственно — 16,1 и 77,4%; среди секретарей горкомов — 9,4 и 60,6%; райкомов — 12,1 и 80,3% соответственно. На этом фоне было особенно заметно снижение доли сотрудников, имевших гуманитарное, юридическое и экономическое образование. Среди руководителей всех звеньев преобладало техническое (28,3%), военное (25,0%) и партийное (15,0%) образование.

Нежелание крестьян продавать свой хлеб по катастрофически заниженным закупочным ценам<sup>1</sup> и надежда на их повышение, а также ожидание скорой войны, исходившее из напряженной международной обстановки и положения СССР, государством были расценены как «хлебная стачка», причастные к которой наказывались по ст. 107 УК РСФСР как за сокрытие товара и спекуляцию. Судам предписывалось рассматривать такие дела «в особо срочном и не связанном с особыми формальностями порядке», а «господ» из числа сопротивляющихся этому судей и прокуроров И. Сталин предложил просто «вычистить».

В ответ на обращения по поводу массовости и слабой обоснованности уголовных дел, рассматриваемых тройками НКВД, в Прокуратуру СССР органам на местах было рекомендовано игнорировать подобные факты, а «вызывающие сомнение “троечные” дела опротестовывать годика через два»<sup>2</sup>, т. е. примерно в 1937 г. Самых «непонятливых» прокуроров просто «вычищали». В связи с этим после особо масштабных «чисток» органов прокуратуры в 1938 г. она начала остро ощущать кадровые проблемы, ставшие еще более актуальными после мобилизации многих сотрудников в ряды РККА в ходе начавшейся войны с Финляндией. Как отмечает И. И. Олейник, в 1940 г. в прокуратуре Ивановской области на 90% штат сотрудников был укомплектован выдвиженцами, не имеющими ни юридического образования, ни опыта работы<sup>3</sup>.

Серьезный экономический кризис 1930 г., резкое снижение уровня жизни рабочих, противопоставление им «привилегированных» управленцев среднего звена и т. п. — все это вновь привело к активному поиску «вредительских элементов» (Шахтинское дело, дело Промпартии и др.), массовым «чисткам» рядов, «орабочиванию» профсоюзов, советских партийных аппаратов. Основным критерием «чисток» аппарата государственных и советских органов была политическая благонадежность. Как отмечает Т. Ф. Ящук, первыми

---

<sup>1</sup> В 1929 г. государство скупало у населения пуд зерна за 80–90 копеек, в то время как на рынке он стоил 4 рубля. Даже позже, в период с 1930 г. по 1953 г., закупочная цена зерна у колхозников практически не менялась и составляла 80 копеек за один центнер, а стоимость промышленной продукции выросла в 20 раз (*Дрындин В. Л. Экономические предпосылки реформ Н. С. Хрущева // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2002. № 1. С. 35.*

<sup>2</sup> *Олейник И. И. Прокуратура и прокуроры в период массовых репрессий: (По материалам архивов Ивановской области) // Гос-во и право. 2004. № 2. С. 70–71.*

<sup>3</sup> Там же. С. 75.



«вычищенными» оказывались, как правило, бывшие белые офицеры, служащие полиции и жандармерии. Особое недоверие и подозрение вызывали также прежние союзники большевиков по революционному лагерю — эсеры и меньшевики, они же были первыми в числе увольняемых.

Первая существенная «чистка» государственного аппарата в конце 1924 г. проводилась по трем направлениям: 1) над элементами, чуждыми и не пригодными для работы в советском аппарате по политическим мотивам — без права поступления вновь; 2) над лицами, не пригодными для работы по деловым качествам или менее серьезным, чем в первом случае, политическим мотивам (такие увольнялись временно или оставлялись, пока им подыскивали замену); 3) над вполне преданными партии и государству сотрудниками, но с низкой квалификацией (такие обычно не увольнялись, а переводились на низшие должности).

Вторая, более глубокая «чистка» прошла в конце 1928 — начале 1929 гг.<sup>4</sup> Разбавление слоя рабочих массовым исходом крестьян из деревни привело к тому, что к 1937 г. численность промышленных рабочих увеличилась вдвое по сравнению с 1928 г., а к 1940 г. — до 11 млн человек по сравнению с 8 млн в 1934 г.<sup>5</sup> Резкое снижение качества продукции<sup>6</sup>, падение дисциплины повлекли усиление административного контроля и ужесточение режима на предприятиях<sup>7</sup>.

Значительную роль в проведении всех важнейших государственных компаний 1920-х — начала 1930-х гг. (чистка аппаратов власти и управления, сельскохозяйственные заготовки, коллективизация, раскулачивание и т. д.) играли общественные организации, и прежде всего комсомол. Особенно стремительно комитеты содействия органам прокуратуры и суда (комсоды) стали создаваться после издания постановления ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности». В комсодах числились целые пионерские и комсомольские организации. В деятельности таких групп содействия своими методами и эффективностью работы особо выделялась так называемая легкая кавалерия. Действуя налетами, они работали в тесном контакте с органами рабоче-крестьянской инспекции, которым и адресовали собранную информацию о разнообразных фактах, способных, по их мнению, принести вред советской власти (саботаж на местах решений советской власти, укрывавшиеся под личи-

---

<sup>4</sup> *Яцук Т. Ф.* Политика в отношении к старым специалистам в первой половине 1920-х годов // Исторический ежегодник. 1997. С. 57–60.

<sup>5</sup> *Курицын В. М.* История государства и права России. 1929–1940 гг. М., 1998. С. 37.

<sup>6</sup> Например, брак на 1-м Московском шарикоподшипниковом заводе в первый год его работы доходил до 87% (Там же).

<sup>7</sup> *Быстрова И. В.* Рецензия на кн. Куромия Х. Сталинская индустрия. Революционная политика и рабочие. 1928–1932 гг. // История СССР. 1991. № 5. С. 208–209.

ной совслужащих представители буржуазных классов, факты хищения государственного и общественного имущества, морального разложения и др.).

Особое значение власть придавала также деятельности сельских общественных и производственно-товарищеских судов государственного сектора народного хозяйства. Более того, задача непримиримой борьбы «с нарушениями трудовой дисциплины, с дезорганизаторами производства, а также с подрывающими трудовую дисциплину пережитками старого быта» возлагалась на производственно-товарищеские суды в промысловых кооперативных товариществах, в артелях и в артелях инвалидов, деятельность которых строилась по своим уставам и проходила, казалось бы, вдалеке от сферы непосредственно государственных интересов<sup>8</sup>. Так, начиная с 1932 г. на промышленных предприятиях, транспорте и в колхозах стали создаваться «группы содействия прокуратуре». В число их функций входило разъяснение «советских законов всем колхозникам и единоличникам», выявление тех лиц, «кто плохо работает, кто делает огрехи на полях, лодырничает, выявляет тех, кто видел, знал о хищениях колхозного имущества... но о них не сообщал...». Основным направлением была «борьба за выполнение промфинплана... помощь органам юстиции в проведении закона от 7 августа 1932 г.»<sup>9</sup>. При сельских и городских советах создавались секции революционной законности<sup>10</sup>.

Таким образом, недостаток или полное отсутствие профессионального образования, опыта работы, низкий уровень правосознания новых сотрудников, пришедших на смену прежним специалистам, полностью компенсировались революционным энтузиазмом, непоколебимой верой в свое предназначение, но более всего страхом оказаться на месте сегодняшнего «врага народа». Неквалифицированность, а значит, и неумение принимать решения, часто элементарная боязнь их принятия вызывали необходимость в четком и детальном закреплении каждого шага — все это привело к доминированию ведомственного нормотворчества, когда демократичные и гуманные законы заслонялись жесткими и мелочными циркулярами, письмами и инструкциями.

---

<sup>8</sup> *Инструкции НКЮ, Всекопромсоюза и Всекоопинсоюза. Цирк. № 156 1931 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1931 г. и при жилищно-арендных, кооперативных (жилищных товариществах) и домовых трестах; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июня 1931 г. (Сборник циркуляров и разъяснений Народного Комиссариата Юстиции РСФСР (действующих на 1 мая 1934 г.). М., 1934. С. 40–41).*

<sup>9</sup> *Постановление НК Юстиции от 11 июля 1933 г. «О группах содействия прокуратуре»; Положение о группах содействия прокуратуре. Утв. колл. НКЮ от 10 сентября 1932 г. (Там же. С. 25–28).*

<sup>10</sup> *Примерное положение о секциях рев. законности при городских советах. Одобрено НКЮ РСФСР и Главн. упр. милиции при СНК РСФСР и согласовано с Орг. отделом През. ВЦИК (1933 г.). Постан. колл. НКЮ от 14 февраля 1933 г. (Там же. С. 28–31).*

**Н. И. Карчевская**

## **О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Определить перспективы развития гражданского общества будет затруднительно, пока не установят его место и роль в политической системе общества и государственно-правовой политике. Понимание сущности и путей формирования гражданского общества — одна из важнейших проблем современной государственно-правовой науки<sup>1</sup>. Как отмечают современные правоведы, перспективы развития институтов гражданского общества следует рассматривать с учетом исторического опыта их становления<sup>2</sup>, эволюции факторов, оказывающих существенное влияние на социально-экономическое и политико-правовое состояние государства.

При изучении проблемы перспектив гражданского общества в современной России необходимо определиться с критериями оценки составляющих гражданского общества, чтобы затем на этой основе сформулировать (или сконструировать) его гипотетические модели.

Гражданское общество — это некая социальная абстракция, характеризующаяся наличием социального интереса, не противоречащего государственному, но и не совпадающего с ним, а также обладанием ресурсом, необходимым и достаточным для удовлетворения данного интереса.

Лавинообразный характер изменений во всех сферах общественной жизни, повлекший за собой распад СССР и обретение Россией суверенной государственности, обусловил формирование качественно новой политико-правовой и социально-экономической системы, которая не могла быть в буквальном смысле отнесена ни к одному из классических типов государственности. При этом современная Россия сочетает в себе и черты государственности западного демократического типа, и признаки социалистического государства. Говоря о признаках капиталистической системы, выделим следующие:

- юридическое закрепление (в том числе и на конституционном уровне) многообразия форм собственности и многоукладности экономики (ст. 8 Конституции РФ);

- отказ от единой официально признаваемой и насильственно навязываемой идеологии (ст. 13 Конституции РФ);

- наличие института официальной оппозиции и наличие свободы слова (ст. ст. 29, 30 Конституции РФ);

- демократическую избирательную систему (ст. 3 Конституции РФ) и т. д.

---

<sup>1</sup> Ростиславлев Д. А. Луи де Бональд об основаниях гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 38.

<sup>2</sup> Туманова А. С. Исторический опыт развития гражданского общества в позднеимперской и советской России и современные тенденции гражданской самоорганизации // Там же. 2013. № 2. С. 26.

Что касается «пережитков социализма», то в России сохраняется большой бюрократический аппарат, деятельность которого во многом связана не с реализацией функций государства, а с самообеспечением, при этом в последнее время наблюдается ярко выраженная связь («сращивание») партийного и государственного аппаратов.

Еще одним фактом приоритета государства над обществом может служить существование налоговой и таможенной систем, ориентированных на принудительно-карательную, а не регулятивно-стимулирующую деятельность.

Социальная ментальность в большинстве своем продолжает оставаться социалистической, ориентированной на «социальный паразитизм» (убежденность в обязанности государства проявлять заботу обо всех сторонах жизни личности). Согласимся с мнением О. В. Семеновой, что никакой политический режим не может полностью деформировать, нивелировать и даже уничтожить гражданское общество<sup>3</sup>.

Исходя из изложенного, представляется необходимым определить перспективы формирования в России подлинного гражданского общества. Следует говорить о двух основных перспективных направлениях развития процесса взаимодействия государства и общества.

1. Дальнейшая капитализация социально-экономических отношений и демократизация в политической сфере означают укрепление и эволюционное развитие институтов гражданского общества, а также постепенное изменение в отношениях с государством, связанное с переходом от властеотношений государство-общество к отношениям равного партнерства, в основу которых положены взаимная заинтересованность и взаимная ответственность субъектов.

2. Развитие этатической тенденции может повлечь за собой усиление централизации государственной власти, политизацию бюрократического аппарата, подчинение бизнеса государственной целесообразности и, как следствие, ограничение свободы экономической деятельности, а значит, и признание вторичности частной собственности по отношению к государственной, а точнее, к той собственности, которая контролируется представителями бюрократического аппарата.

На наш взгляд, верна позиция С. Б. Быстрянского, что критерием развитости институтов гражданского общества «выступает не соответствие институтов конкретного государства западной модели классической демократии, которая долгое время также носила экспериментальный характер, а степень эффективности решения социальной группой поставленных задач в рамках

---

<sup>3</sup> Семенова О. В. Правовой режим как функциональная характеристика права // Гуманитарные науки в XXI веке : мат-лы XXIV междунар. науч.-практ. конф. (10 февраля 2015 г.). М., 2015. С. 227.

сложившихся институтов и степень дифференцированности социальной системы. В связи с этим измерение эффективности институциональной системы, сложившейся в России, связано не с достижением индивидуальных свобод и благосостояния, а с решением задачи физического выживания российского народа как социальной общности. Можно с уверенностью утверждать, что в мире отсутствуют примеры столь длительного и успешного противостояния социальных групп внешним силам перед угрозой физического уничтожения»<sup>4</sup>.

Перспективы развития гражданского общества определяются и устойчивой тенденцией к участию институтов гражданского общества в реализации государством своих функций, прежде всего правоохранительной.

Очевидны и российские перспективы гражданского общества. Здесь возможны два пути. Первый — путь построения гражданского общества через согласие государства. Второй — путь борьбы общества за формирование гражданского общества вопреки государственным интересам (вернее, интересам властной элиты).

**Т. С. Касимов**

## **ИМПЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

В современной научной литературе выделяются два подхода к пониманию империи. Империей в классическом (узком) смысле признается форма государственного устройства, имеющая два главных признака: 1) монархическую форму правления; 2) множество народов или стран, присоединенных, как правило, принудительным путем. Некоторые авторы не включают монархическую форму правления в число признаков империи<sup>1</sup>.

В новейший период российскими учеными-теоретиками государства и права поддерживаются концепции иного понимания империи. Так, С. Н. Бабурин полагает, что наличие наследственной или выборной монархии признаком империи не является, но может быть ее атрибутом. Империя — это пассионарное воплощение в государственно-правовой форме конкретно-исторической сущности государства<sup>2</sup>. А. В. Корнев обосновывает концеп-

---

<sup>4</sup> Быстрянецов С. Б. Российский народ и формирование общества в России. М., 2001. С. 64.

<sup>1</sup> Венгеров А. Б. Теория государства и права. 3-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 151 ; Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2003. С. 228 ; Рассолов М. М. Проблемы теории права и государства : учеб. пособие. М., 2007. С. 96.

<sup>2</sup> Бабурин С. Н. Лекция 6. Сущность государства // Философия права. Курс лекций : учеб. пособие : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 170–175.

цию империи нового, современного типа и описывает четыре глобальных конкурирующих проекта империи: американский, исламский, китайский и европейский<sup>3</sup>.

Н. И. Грачев утверждает, что федерация, унитаризм, западный регионализм не органичны для России и ее государственное устройство не поддается описанию в этих терминах. Россия по-прежнему не утратила своей имперской специфики<sup>4</sup>.

Имперские проекты развития Российского государства рассматриваются не только учеными-юристами, но и кругом исследователей, написавших большое количество работ по данной теме. В них авторы дают свои определения империи, как правило, исходя из классического и современного ее понимания. Кроме того, можно выделить признаки империй на основании того, как их понимают современные российские ученые: многосоставность; наличие центра и периферии; автократический способ интеграции территорий и общества «сверху»; универсальную объединяющую идею; влияние на международной арене со стремлением подчинить ему другие государства<sup>5</sup>; экспансию как неизменную интенцию; значительные размеры территории; этнокультурную и этнополитическую неоднородность; претензии на мировое значение<sup>6</sup>.

Отдельные исследователи империй классифицируют современные проекты будущего Российского государства. В статьях сборника «Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений» прослеживается такая классификация: 1. Имперско-православное направление. 2. Национализм, носящий этатистски-имперский характер. 3. Посткоммунистический империализм. 4. Либеральный империализм. Согласно позиции А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, в России сформировались или могут сформироваться следующие имперские проекты: 1) консервативный; 2) социал-державный; 3) либерал-державный; 4) «коричневый» (неофашистский)<sup>7</sup>.

---

<sup>3</sup> Корнев А. В. Тема 29. Теория имперского государства // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 447–464.

<sup>4</sup> Грачев Н. И. Россия как империя: между прошлым и будущим // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3(26). С. 159.

<sup>5</sup> Малинова О. Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах // Наследие империй и будущее России / под ред. А. И. Миллера. М., 2008. С. 63–66.

<sup>6</sup> Ванюков Д. А., Кузнецов И. И., Самсонов Д. В. Имперские проекты. М., 2010. С. 54–55.

<sup>7</sup> Бузгалин А. В., Колганов А. И. К критике имперского проекта // Империя Россия / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. М.–Ростов н/Д, 2012. С. 124–138.

Мы считаем обоснованным разделение имперских проектов будущего Российского государства на семь видов: 1) консервативный; 2) евразийский; 3) советский; 4) инновационный; 5) философский; 6) либеральный; 7) милитаристский.

Остальные проекты при разнообразии их названий относятся к тому или иному из названных семи видов, поскольку это концепции, в которых элементы теории государства и права не нашли глубокой и широкой проработки и описаны в общих чертах: «духовный империализм» О. Матвейчева, «империя духа» А. А. Олейникова, «неустойчивая империя» А. Буровского и С. Якуцени, «почвенная империя» Д. Володихина, «правозащитная империя» В. Милитарева, «“нордический” или “неоязыческий” империализм» Я. Буткова и К. Касимовского, «новая российская имперскость» Г. В. Фадейчевой.

Среди консервативных имперских проектов есть концепции, близкие к классическим характеристикам империи-монархии. М. Б. Смолин считает: «Идея Империи является высшим развитием института государства в цивилизационном аспекте... Идеал Русского Самодержавия, составляющими которого являются понятия Верховенства, Самодержавия и Неограниченности его Верховной Власти»<sup>8</sup>.

В другой монархической имперской концепции источник высшей власти в империи — Бог, наделяющий ею Императора. Император, отвечающий перед Богом и людьми, избирается Народным Собором из числа сословия, состоящего из воинов и государственных служащих, на длительный срок, например, 10 лет, без права повторного избрания<sup>9</sup>.

В проектах будущего России А. Н. Савельева (Кольева) и Е. С. Холмогорова сочетаются идеи империи и русского национализма<sup>10</sup>.

По мнению В. Аверьянова, «империя может трактоваться как политический псевдоним самостоятельной цивилизации»<sup>11</sup>.

В. Л. Махнач обосновывает идеи православной империи в книгах «Империи в мировой истории» и «Империя для русских».

Интересный вариант реализации своего проекта выбрал А. А. Баков. Он создал «Монархическую партию» и зарегистрировал в Интернете виртуальную Российскую империю, к которой присоединились тысячи подданных.

Консервативные имперские проекты делятся на монархические и немонархические, а также на православные и неоязыческие.

---

<sup>8</sup> Смолин М. Б. Русский путь в будущее. М., 2007. С. 9, 127.

<sup>9</sup> Воложанин В. В., Петров В. П. Основы теории Новой Российской Империи. М., 2012. С. 119, 126–127.

<sup>10</sup> Касимов Т. С. Концепции будущего государства современных русских националистов // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4(34). С. 47–48.

<sup>11</sup> Аверьянов В. Империя и воля. Догнать самих себя («Коллекция Изборского клуба»). М., 2014. С. 152–153.

Евразийский имперский проект наиболее полно выражен А. Г. Дугиным. Он по-разному называл цель эволюции государства: «демократической империей», «сверхгосударством», «государством-миром» (*imperium*), «эйкуменом», «государством-континентом», государством Наций (Народов)<sup>12</sup>. В последующих трудах он остановился на термине «империя» (Евразийская Империя), которая представляет собой политико-территориальное устройство, сочетающее жесткий стратегический централизм с широкой автономией региональных социально-политических образований, входящих в ее состав: элементы этноконфессионального права на локальном уровне, многонациональный состав, широко развитую систему местного самоуправления, возможность существования различных локальных моделей власти — от племенной демократии до централизованных княжеств или даже королевств.

На стыке идей евразийского и советского проектов империи находится и концепция А. Проханова, согласно которой «Первой Империей была Киевская Русь. Второй — Московское царство Рюриковичей. Третей — “белое царство” Романовых. Четвертой — “красный” Советский Союз. Мы — свидетели зарождения Пятой Империи»<sup>13</sup>.

М. Калашников предлагает объединение прогрессивных соотечественников под знаменем общего дела — создания новой России, новой империи (Неоимперии, СССР-2) и через совершение экономического и технологического чуда на нашей земле. Но это будет необычная империя. Ее ядро-сердцевину должно составить государство-сверхкорпорация. Здесь мы сможем совместить высокую эффективность бизнеса и возможности государства. Живущие в СССР-2 станут его акционерами. А во главе всего станет Император<sup>14</sup>. Об «империях четвертого поколения» или «империях XXI века» пишет Ю. В. Яковец.

Философский подход к имперским проектам предполагает максимально широкое, абстрактное толкование понятия и сущности империи. В. К. Кантор пишет, что «империя — это политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов»<sup>15</sup>. По его мнению, Россия по всем своим параметрам остается империей.

Проект «либеральной империи» был озвучен в 2003 г. А. Чубайсом и поддержан рядом авторов, таких как Л. Гозман, В. Кувалдин, А. Попов, В. Никонов, а также сторонниками экономической экспансии России и идей энергетической сверхдержавы Б. Шапталовым, К. Симоновым.

---

<sup>12</sup> Дугин А. Проект «Евразия». М., 2004. С. 236–237.

<sup>13</sup> Проханов А., Кугушев С. Технологии «Пятой Империи». М., 2007. С. 7.

<sup>14</sup> Калашников М., Русов Р. Сверхчеловек говорит по-русски: историко-футуристическое расследование. М., 2006. С. 616–617.

<sup>15</sup> Кантор В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. М., 2007. С. 18, 510.



Существуют милитаристские имперские проекты. В них Россия в обозримом будущем, перед тем как стать империей, завоевывает или «освобождает» не только территории, относившиеся к Российской империи и СССР, но и страны Европы, а также побеждает в войне США.

Таким образом, в современных российских проектах будущего государства империя понимается как крупное государство, включающее множество этнических групп и территорий с разным статусом, обладающее значительными ресурсами для проведения активной внешней политики и участия в геополитике.

## **А. К. Киселёв**

### **ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ**

Семья всегда являлась ключевым звеном общества. Тем не менее она также страдает от различных внутренних и внешних изменений, происходящих в государстве, — от той двойной реальности, которая присуща европейской социальной политике. Эта политика должна адаптироваться к институту семьи, который становится все более разнообразным; уважать образ жизни, выбранный отдельными людьми; а также обеспечивать поддержку всем жителям. Это основные проблемы, которые касаются как всего Европейского Союза (далее — ЕС), так и отдельных его государств-членов.

По сути, ЕС не обладает компетенцией в семейных делах или семейной политике, поэтому нельзя говорить о «европейской семейной политике». Есть, однако, многочисленные варианты политики, которые имеют тесные связи с семьей, например, в области занятости, борьбы с социальной изоляцией, ухода за пожилыми людьми, равенства между мужчинами и женщинами или свободным передвижением работников и физических лиц. И ни одна из этих мер не может быть равнодушна к тому, как развивается семья.

В течение нескольких лет “L’Observer Européen de la Démographie et la Famille” («Европейский обозреватель роста численности населения и семьи») проводил оценку взаимодействия между различными направлениями политики и развитием семьи. Приведем следующие факты, чтобы дать некоторое представление о масштабе изменений. Первое изменение влияет на саму семью, которая в настоящее время принимает более разнообразные и фрагментарные формы. Например, наблюдается существенный и устойчивый рост числа домохозяйств с одним человеком. В 1961 г. такие семьи насчитывали 14 млн человек, но эта цифра вполне может превысить 60 млн к 2025 г. и будет представлять почти треть всех семейных структур Европы. Неудивительно, что средний состав семьи постоянно сокращается: если в 1961 г. она состояла из более чем трех человек, то к 2015 г. снизилась до двух человек.

Социальная политика должна учитывать это разнообразие, которое отражает общую тенденцию к воссозданию семей и старению нашего общества. И это становится все более актуальным в связи с тем, что 35% людей из неполных семей, вероятно, будут бедными.

Старение населения представляет собой второе фундаментальное изменение. В период с 2002 г. по 2050 г. число людей старше 65 лет, как ожидается, вырастет почти на две трети, а число пожилых людей (старше 80 лет) увеличится с 15 до 38 млн человек. В результате, все больше людей будут нуждаться в специализированных услугах по уходу на дому — услугах, которые сегодня часто предоставляются в неформальной обстановке в семье ее активными членами (чаще — женщинами).

Третья характерная черта Европы — снижение воспроизводства населения, которое является настолько низким, что только иммиграция позволяет населению поддерживать свой рост. В 2002 г. коэффициент рождаемости в ЕС составлял менее 1,5. Следует признать, что демографы дали свидетельства «относительно краткосрочного искажения», относящегося к интервалу родов в течение нескольких лет, которое считается прямым следствием «реконструированных» семей. Тем не менее мы сталкиваемся с реальностями таких семей.

Изменение социальной политики, старение Европы без детей, оторванность от средиземноморских молодых обществ с динамичной демографией — эти изменения уже оказывают влияние на европейскую социальную политику. Прежде всего, на инклюзивную политику и в более широком масштабе на системы социального обеспечения, которые должны, но пока не могут быть адаптированы к наступившей реальности. Европейская цель борьбы с отчуждением призывает к улучшению доступа к жилью, здравоохранению и образованию — к политике, направленной на сохранение самой ткани семейной жизни. Она также призывает к ликвидации нищеты среди детей, которая была определена в совместном докладе Европарламента как проблема, которая должна получить приоритет в предстоящие годы. Учитывая предсказуемый рост числа пожилых людей, нуждающихся в личной и более или менее интенсивной терапии, а также повышение мобильности лиц, полагаем, что предлагаемые государством услуги должны быть разработаны и адаптированы, особенно для сектора домашнего хозяйства. На самом деле эти заботливые услуги в настоящее время находятся в ведении женщин. Но так как женщины будут необходимы на рабочих местах, чтобы компенсировать фактор старения, должны быть приняты меры для обеспечения того, чтобы это бремя заботы о семье не падало целиком на них. Стоимость такого долгосрочного ухода не должна покрываться за счет семей, которые не имели бы возможности никакого обращения за помощью поручить своих престарелых родственников государственным или иным учреждениям.

Еврокомиссия недавно предложила, чтобы долгосрочная национальная политика в области здравоохранения в каждом государстве ЕС была бы скоординирована на основе общих целей и чтобы государства-члены имели возможность развивать программы обмена опытом и примерами «наилучшей практики», которые будут поддерживать их усилия по реформированию и развитию свои индивидуальных национальных социальных систем. Такая «открытая» координация позволит иметь разнообразие систем, быть взаимовыгодной в решении и преодолении таких проблем, как старение, увеличение разнообразия семейных структур и требований пожилых людей к автономии.

Не менее важной является политика равенства между мужчинами и женщинами. Расширение участия женщин в сфере занятости необходимо для компенсации возможных последствий старения работающего населения. Это требует усиления профессионального равенства вместе с глобальной политикой «активного старения», для того чтобы повысить уровень занятости таких работников, которые обычно рассматриваются как старые, т. е. старше 55 лет. И более фундаментальная задача — дать возможность каждому из членов социума с самых ранних лет активно пользоваться собственными знаниями, умениями и навыками в течение длительного периода, развивая при этом свои индивидуальные способности.

Руководящие структуры Евросоюза берут на себя обязательство внимательно следить за политикой участия на рабочем месте, чтобы гарантировать, что такая политика не приводит к пониженной рождаемости. ЕС извлек уроки из примера таких стран, как Швеция и Франция, которые переживают сегодня повышение уровня рождаемости и где занятость женщин не является препятствием для наличия у них детей, при условии адекватных и разнообразных форм ухода за детьми и стариками и защиты семьи вместе с соответствующими структурами поддержки для повышения качества трудовой жизни.

Рассмотрим сначала качество рабочей жизни, как оно может быть улучшено. Родители, которые хотят сбалансировать свою профессиональную и личную жизнь, должны быть в состоянии воспользоваться неполным рабочим днем или временными трудовыми договорами, если они хотят пострадать от прогулов на работе. Есть правительственные директивы, гарантирующие равенство прав между различными типами рабочих ситуаций, и европейцы надеются, что в ближайшее время удастся выйти из тупика, существующего в проблеме временной занятости.

Есть также нормативы, устанавливающие минимальные стандарты, которые должны применяться по уходу за ребенком, беременности и родам. Второй аспект заключается в обеспечении адекватных форм ухода и защиты — для детей, а также всех «зависимых» в семье лиц. Это жизненно важный элемент политики, направленной на содействие занятости женщин, которая была принята Европейским советом в Барселоне. Она также обеспечи-

вает «структурный анализ», позволяющий измерить прогресс Европейского союза в социальной политике.

Многое можно перенять из опыта Ирландии. В 1971 г. ирландский уровень занятости женщин был менее 20%; сегодня же он составляет более 55%. Такие изменения семейной и социальной политики в прогрессе Европы не были бы возможными и без введения вспомогательных мер по уходу за детьми, что представляет силу ирландской политики в области развития. На программы по уходу за детьми и ее поддержку со стороны Европейского Социального Фонда выделяется свыше 450 млн евро. Кроме того, мы наблюдаем появление новых понятий, таких как «социальный капитал», следовало бы использовать это понятие в полной мере, включая в него роль семьи в обществе.

В стареющем же обществе социальная политика Евросоюза призвана и может служить для интеграции складывающейся семейной традиции и тем самым помочь самой семье играть существенную роль в социальной сплоченности всего европейского общества.

**С. С. Киселёв**

## **НРАВСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Современное российское общество и государство с каждым днем все сильнее погружаются в проблему безнравственности. Уже долгое время имеют место чрезвычайная доступность алкогольной продукции и наркотических средств, бравоирование свободными отношениями в молодежной среде, проникновение в общество преступных субкультур.

Наибольшую нравственную деградацию, на наш взгляд, представляет ежегодный рост преступности и правонарушений. Борьба с последними явлениями невозможна без взаимодействия таких важнейших социальных регуляторов, как нравственность и право. Но если право в целом и норма права в частности в теории государства и права определены в достаточной степени, то нравственность, будучи этической категорией, вызывает затруднения при толковании и реализации ее отдельных норм, особенно, когда речь идет об уголовном праве.

Нередко мораль и нравственность отождествляются и используются как синонимы, однако это не так. Если нравственность можно понимать как систему ценностей, базирующихся на свободе, добре и справедливости, то мораль необходимо определять как форму выражения требования общества к индивиду. Таким образом, «мораль» и «нравственность» соотносятся (в том числе и в уголовном праве) как форма и содержание социального требования должного поведения.

Следует учитывать, что мораль и нравственность, в отличие от права, зависят от внутреннего отношения к правилам, установленным в обществе. Соразмерно таким нормам морали лицо должно не только действовать, но и думать (чувствовать).

Нравственность наиболее полно отражает уровень развития конкретной нации, народности, общества и государства, поскольку ее нормы складываются на протяжении многих веков под воздействием исторических, культурных, национальных, религиозных и иных условий. Выступая в качестве базового критерия правомерного поведения, указанные правила выполняют регулятивную, воспитательную и контролирующую функции.

При этом если законодательные требования поддерживаются властными, принудительными мерами государства, то главные черты нравственных институтов заключаются в том, что они обеспечиваются силой общественного мнения или собственными убеждениями индивида, представляют собой взгляды людей на порядок общественных и индивидуальных контактов, справедливость и беззаконие, добро и жестокость, достоинство и честь, проступки и поощрения, границы дозволенного и запрещенного. С данным принципом тесно связан процесс предупреждения преступлений и правонарушений. И не стоит полагать, что он возможен путем профилактики отдельных общественно опасных и вредных посягательств. Речь должна идти о комплексном нравственном воспитании общества.

Как это сделать? Возможно ли такое воспитание с помощью уголовного права? Ответы на эти вопросы были даны еще в начале XX в. профессором Л. Е. Владимировым\*. По его мнению, в обществе нужно развивать чувство ответственности, чувство жалости и способность почитания. Главным для человека должно быть предвидение возможных последствий своих действий, внимание к окружающим, понимание и уважение категорий добра и справедливости. Подобная социализация и должна стать основой правопорядка и предупреждения преступности.

Таким образом, и нравственность, и уголовное право нацелены на регулирование поведения индивидов в обществе через призму отдельных моральных требований. Этот тезис подтверждается нормами уголовного права, в которых провозглашается первенство принципов справедливости и гуманизма, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, что, безусловно, является свидетельством нравственных начал уголовного закона.

---

\* *Владимиров Л. Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. 244 с.

**П. Н. Кобец**

## **ОБ ОБЩИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЯХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА РЫНКЕ НЕДВИЖИМОСТИ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Статистика, построенная на анализе официальных данных Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее — ГИАЦ МВД России) и сведений, полученных на основе результатов изучения уголовных дел и проведения экспертных опросов, не всегда содержит достоверную информацию и менее показательна, чем другие методы. Прежде всего, это объясняется тем, что она не включает данные о латентных преступлениях, в связи с чем разработать и реализовать эффективные мероприятия по противодействию рассматриваемым преступлениям только на основании статистических данных сложно, а может быть, и невозможно. Каждый из отмеченных далее методов имеет свои исследовательские ресурсы, что обосновывает одновременное их применение для сбора эмпирической информации.

Анализ статистических данных позволяет выявить закономерности рассматриваемого вида преступности, которые отражаются в большой массе явлений через преодоление свойственной ее единичным элементам случайности. В системе учетов ГИАЦ МВД России преступления, совершенные при осуществлении операций с недвижимостью, выделяются только с 2007 г. Более того, полными сведениями ГИАЦ МВД России располагает только о преступлениях экономической направленности, предметом которых выступают объекты недвижимости. В число таких преступлений входят преступные деяния, квалифицированные по какой-либо статье, предусмотренной главой 21 «Преступления против собственности» или главой 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ. Помимо этих преступлений, в структуру преступности, продуцируемой на рынке недвижимости, входят преступления против личности, преступления против государственной власти и некоторые другие преступления. Об этих деяниях в статистических данных ГИАЦ МВД России имеются лишь фрагментарные сведения.

Однако основное воздействие на рынок недвижимости оказывают преступления в сфере экономики. Другие виды преступлений на рынке недвижимости носят сопутствующий характер и совершаются в целях облегчения совершения преступлений в сфере экономики или в целях сокрытия их последствий. Так, мошенничествам, вымогательствам или преступлениям в сфере экономической деятельности, совершающимся на рынке недвижимости, в большинстве случаев предшествуют преступления в виде подделки документов. Скрывая последствия преступлений экономической направленности, совершенных на рынке недвижимости, преступники нередко совершают убийства потерпевших и других лиц. В связи с этим изучение статистических дан-

ных о преступлениях в сфере экономики, предметом которых явились объекты недвижимости, позволит получить полное представление об объеме преступности на рынке недвижимости. Анализ количественных показателей любых преступлений предполагает не только выяснение абсолютного числа преступлений и преступников, их совершивших, но и сопоставление имеющихся данных с показателями численности населения. Это достигается путем установления такого показателя преступности, как интенсивность.

Ввиду отсутствия необходимой статистической информации о рассматриваемых преступлениях за прошлые годы автор посчитал возможным изучить динамику преступности, продуцируемой на рынке недвижимости, на основе анализа времени совершения преступлений, уголовные дела о которых были отобраны для исследования, а также на основе проведения экспертных опросов сотрудников правоохранительных органов и работников риэлторских организаций.

Использование таких методов криминологического исследования, как изучение материалов правоприменительной практики и экспертный опрос, позволит провести выборочное наблюдение за преступностью на рынке недвижимости. Проведение подобного наблюдения необходимо, так как даже имеющиеся данные официальной статистики о рассматриваемом виде преступности не могут обладать должной достоверностью как в силу латентности, присущей любым видам преступлений, так и в результате недостатков регистрационной политики. Выборочное наблюдение дает возможность подвергнуть исследованию не всю изучаемую совокупность преступлений, а лишь часть ее единиц, отобранных в определенном порядке. Но, несмотря на это, в теории криминологии давно устоялось мнение о том, что выборочное наблюдение с большей надежностью, чем другие способы сплошного наблюдения, позволяет проводить пределы точности и вводить соответствующие поправки в полученные результаты. Результатами проведенного выборочного наблюдения являются надежные и достоверные данные об исследуемом им виде преступности.

В качестве преимуществ использования выборочного метода в исследовании преступности на рынке недвижимости можно назвать, во-первых, обеспечение значительной экономии материальных и финансовых ресурсов при проведении криминологического наблюдения за исследуемым видом преступности, что расширяет программу обследования и повышает его оперативность. Во-вторых, высокую достоверность получаемых данных, так как при относительно небольшом объеме выборки можно организовать эффективный контроль за качеством собираемой информации. Например, изучение материалов уголовных дел, расследованных в разное время и отобранных по правилам случайного отбора, дает возможность получить объективные сведения о развитии практики применения норм уголовного законодательства к преступлениям,

совершаемым на рынке недвижимости. Результаты анализа времени совершения преступлений, уголовные дела о которых изучались, позволяют представить сведения о примерной динамике преступности на рынке недвижимости.

Начиная с 1995 г. число преступлений на рынке недвижимости стало сокращаться за счет принятия государством новой методики постановки граждан на регистрационный учет и развития лицензируемой риэлторской деятельности. Повлиял на это и дефолт (в августе 1998 г.), снизивший количество сделок с объектами недвижимости. Потенциальные покупатели заняли выжидательную позицию и не спешили покупать недвижимость в ожидании ее удешевления. Когда последствия финансового кризиса 1998 г. были преодолены, на рынке недвижимости пропорционально росту количества сделок с объектами недвижимости стало увеличиваться число преступлений, которое происходит с начала XXI тысячелетия и по настоящее время. В начале 2000-х гг. существенное развитие получил рынок земельных участков и загородного жилья, который также оказался под пристальным вниманием криминалитета. Таким образом, если ранее основное влияние на преступность рынка недвижимости оказывал рынок жилья, то теперь к преступлениям, совершаемым в жилищной сфере, добавились преступления, совершаемые с земельными участками. Темпы прироста преступлений в последнее время стали нарастать из-за образовавшегося в 2013 г. дефицита предложений. В условиях этого дефицита и постоянного роста цен на все виды объектов недвижимости граждане в буквальном смысле стали скупать недвижимость и легко становились жертвами мошенников, так как сделки часто проводились в спешке и без тщательной проверки их юридической чистоты.

Кроме того, рост числа преступлений, совершаемых на рынке недвижимости, в начале нового тысячелетия стал происходить за счет увеличения преступлений в сфере экономической деятельности и за счет таких преступлений против собственности, как присвоение и растрата. В заключение можно сделать вывод о том, что мировой финансовый кризис, негативно повлиявший на экономическое развитие рынка недвижимости, отразится и на динамике, продуцируемой на нем преступности.

## **М. А. Кожевина**

### **ДОГОВОР ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР 1922 ГОДА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЕМОНТАЖА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА**

Современные общественные процессы, которые переживает Российское государство, связаны с серьезными идеологическими, политическими, экономическими и иными реформами. В процессе выбора дальнейшего развития наиболее остро проявляются противоречия, возникающие между обществом и государством. В таких условиях аргументы в пользу каждой из пози-



ций выстраиваются, как правило, на основе исторического опыта, сложившегося в предшествующие периоды. Обращение к прошлому позволяет выявить новые факты и углубить знания об известных событиях, а также поставить вопросы, требующие новых подходов к исследованию.

Одним из таких факторов, аккумулирующих всю сложность государственного развития современной России, является факт распада Союза Советских Социалистических Республик. Насколько закономерен этот процесс, каковы его причины и оправданы ли последствия — эти и ряд других вопросов возникают на фоне современных преобразований.

История Советского государства — это жизнь не одного поколения людей разных национальностей, в свое время сделавших выбор. Союз Советских Социалистических Республик как единое федеративное государство возник на основе Договора об образовании СССР 1922 г., заключенного 30 декабря 1922 г. между РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и ЗСФСР.

Появление Договора о Союзе советских республик было обусловлено предшествующим революционным периодом. Разрушенное революционными событиями когда-то единое политическое и экономическое пространство, населенное многими народами и народностями, утратило былое единство и потенциал дальнейшего эффективного развития, но при этом сохраняло инерцию совместного проживания и хозяйствования. В связи с окончанием гражданской войны и началом мирного восстановления народного хозяйства возникла объективная необходимость интеграции новых государств, образовавшихся на территории Российской империи, и воссоздания прежней государственной территории, но на иных принципиально новых условиях.

РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР в период 1918–1922 гг. имели статус независимых государств, самостоятельно осуществляли внешние сношения, заключали международные договоры с иностранными государствами и поддерживали (вплоть до июля 1923 г.) с ними дипломатические отношения. Независимый статус советских республик, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, признавался и Лигой Наций. Таким образом, советские республики заключали Договор в качестве самостоятельных независимых государств и субъектов международного права, следовательно, многосторонний межгосударственный договор должен был действовать до тех пор, пока имел силу не менее чем для двух его участников.

Особенность Договора состояла в том, что в нем не содержалось положений о необходимости его утверждения органами государственной власти и дате его вступления в силу. Следовательно, он вступил в силу с момента подписания — 30 декабря 1922 г. Второй особенностью Договора стало отсутствие сроков его действия: он был бессрочным, не содержал положений о минимальном количестве участников, не устанавливал определенных условий денонсации.

Учредительный характер Договора обусловил его содержание. Изначально являясь международным, в последующем он приобрел конституционный характер. Конституционный характер Договора раскрывает его дальнейшая судьба. II Съезд Советов СССР утвердил первую Конституцию СССР в январе 1924 г., которая включала 11 глав и 72 статьи. Положения Договора, состоящего из 26 статей, были значительно расширены и конкретизированы. Последующие Конституции СССР 1936 и 1977 гг. уже не имели упоминаний о союзном договоре. П. П. Кремнев считает, что это обстоятельство дало основание некоторым авторам считать Договор утратившим юридическую силу, характеризовать его «спящим» или «отправленным в архив»<sup>1</sup>.

Работы, посвященные исследованию содержания Договора, свидетельствуют о неоднозначности мнений о его правовом статусе. Так, учредительный характер Договора 1922 г. обусловил различные позиции отечественных правоведов. Одни определяют его как международно-правовой акт (И. П. Блищенко, И. И. Лукашук, В. Г. Буткевич, Б. М. Лазарев, Н. И. Палиенко, Н. Г. Мишин, П. И. Романов и др.), другие — как внутригосударственный (С. Л. Ронин, О. И. Чистяков, Д. Л. Златопольский), третьи указывают на его двойственный характер — международно-правовой и внутригосударственный (Б. Н. Топорнин, Ю. П. Бровка). Анализируя все научные позиции, П. П. Кремнев убедительно обосновывает международно-правовую природу Договора об образовании СССР<sup>2</sup>.

Необходимо отметить, что, подписывая 8 декабря 1991 г. Беловежское соглашение, руководители РСФСР, Украины и Белоруссии необоснованно заявили о том, что для прекращения действия Договора об образовании СССР было достаточно решения трех «республик-учредителей СССР», так как остальные союзные республики Договор 1922 г. не подписывали. Данное заявление следует рассматривать в контексте действия Договора 1922 г. в пространстве и по кругу лиц, что позволяет говорить о несостоятельности подобного заявления.

В Договоре 1922 г. нет указаний на право участников на изъятие каких-либо территорий из сферы его территориального действия. Поэтому не должно вызывать сомнений, что после образования на территории Закавказской Федерации трех республик (Армянской ССР, Грузинской ССР и Азербайджанской ССР) его действие распространялось и на эти республики, они объективно становились участниками данного соглашения. Этот аспект касается и России. Действие распространялось на всю территорию РСФСР, в том числе и на Туркестанскую АССР. Аналогично предыдущему примеру, Договор рас-

---

<sup>1</sup> Кремнев П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. М., 2005. С. 37.

<sup>2</sup> Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств. М., 2012. С. 29–38 ; *Его же*. Распад СССР: международно-правовые проблемы. С. 6–28.

пространял свое действие и на сформировавшиеся на территории Туркестана сначала автономные образования Средней Азии, затем на Казахскую ССР, Киргизскую ССР, Таджикскую ССР, Туркменскую ССР и Узбекскую ССР, ставшими союзными республиками в результате конституционных реформ конца 1920–1930-х гг.

Изменение конституционного статуса части территории государства-участника Договора не означает автоматического прекращения его действия на этой территории. Именно эти обстоятельства не имели прямого отражения в законодательных актах СССР, что в значительной степени повлияло на формирование иллюзии о возможности прекращения действия Договора республиками-учредителями. РСФСР, Украина и Республика Беларусь в начале декабря 1991 г. не могли заявить о прекращении действия Договора 1922 г. для всех членов Союза. Они могли заявить лишь о намерении своего выхода из Договора. Для других субъектов Договор оставался действующим, продолжал сохранять свою юридическую силу. Однако ни со стороны союзного центра, ни со стороны иных союзных республик должной реакции не последовало.

Таким образом, Советский Союз как федеративное государство, образованное в результате заключения международно-правового соглашения, находился в прямой зависимости от сроков действия Договора 1922 г., и решение о прекращении его действия могло быть принято только всеми участниками договора. Следовательно, решение трех руководителей 8 декабря 1991 г. о денонсации Договора об образовании СССР 1922 г. и ликвидации СССР неправомерно, противозаконно, выходит за рамки международного права и иначе как государственный переворот оцениваться не может.

**М. Н. Козюк**

## **НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПРАВА**

Одной из популярных тем современного правового дискурса стало обсуждение идеи о наличии кризиса как в праве, так и в соответствующей правовой науке, в частности в теории права<sup>1</sup>. В основе этого взгляда лежат критичные коннотации, что само по себе и неплохо, поскольку как минимум позволяют констатировать, что «пациент» (наука) скорее жив, чем мертв. Всеобщее критическое отношение к реальности — это скорее нормальное состояние научного знания, чем аномалия. Вместе с тем подобное критическое отношение не должно быть огульным: необходимо опираться на объектив-

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Баранов П. П.* Кризис юридической науки в современном мире // *Философия права*. 2015. № 1. С. 29–36.

ную констатацию фактов, а не некую критическую «моду» или эмоционально-публицистические всплески. Исследователи должны видеть те новые и положительные моменты, которые начинают происходить в отечественной правовой системе в последние годы.

В настоящее время в рабочих учебных программах по дисциплинам, связанным с общетеоретическими представлениями о праве региональных и столичных вузов, учебных пособиях по данным проблемам примером юридических инноваций часто являются положения Конституции РФ. Теория права — наука фундаментальная, она не может реагировать на каждое действие законодателя или правоприменителя. Но дело в том, что в отечественной теории права есть целые разделы (например, юридическая техника), построенные в основном на материале отечественной правовой практики, и при изменении этих реалий должно меняться содержание научных положений и учебных курсов.

Следует признать, что долгое время эти реалии не менялись или менялись в худшую сторону, что и породило дискурс о кризисе в правовой системе, который все же объективно отражает некоторые имеющиеся проблемы. Однако в последние годы в нашем правовом поле появилось несколько действительно важных инноваций, которые вначале представлялись как управленческо-бюрократические выдумки, однако сейчас достойны самого пристального исследовательского внимания. Эти новые институты затрагивают правовую систему в целом.

По нашему мнению, среди таких новых инновационных институтов, появившихся в российской правовой системе и требующих своего рассмотрения на общетеоретическом уровне и интеграции в теорию права, необходимо рассмотреть правовой мониторинг, оценку регулирующего воздействия правовых актов, правовой эксперимент. Объединяют их направленность на повышение эффективности правового регулирования, внедрение в сфере деятельности исполнительной власти и инструментальный и аналитический характер. Кроме того, во всех нормативных и методических документах, касающихся вновь вводимых институтов, должное место отводится участию в них структур гражданского общества.

*Правовой мониторинг.* В научной литературе правовой мониторинг понимается как система информационного наблюдения, дающая возможность анализировать и оценивать: 1) результаты нормотворческой деятельности; 2) качество нормативных правовых актов; 3) эффективность их практического действия, реализации (правоприменительный процесс)<sup>2</sup>. Термин «правовой мониторинг» является общим для ряда понятий, используемых как в нормативных правовых актах, так и в научной литературе: мониторинг законодательства, мониторинг правоприменения, мониторинг закона и т. п.

---

<sup>2</sup> *Правовой мониторинг* : науч.-практ. пособие. М., 2009. С. 19.

*Оценка регулирующего воздействия правовых актов.* Проблема внедрения оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов направлена на упорядочение правотворческой деятельности органов государственной власти, прежде всего, исполнительной власти. Несомненно, в случае ее дальнейшего развития она найдет широкое применение и на уровне законодательной власти. В связи с различными масштабами воздействия норм законодательства и подзаконных актов применение оценки регулирующего воздействия правовых актов для федерального законодательства затруднительно. Процедура оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов введена постановлением Правительства России от 17 декабря 2012 г. № 1318<sup>3</sup>.

С точки зрения проблематики общей теории права процедура оценки нормативных правовых актов и их проектов прямо относится к теме повышения эффективности права и всегда является актуальной.

*Правовой эксперимент.* В последние годы существования советской государственности предметом особого внимания советской правовой науки были вопросы повышения эффективности правового регулирования. Одним из концептуальных направлений такого повышения виделось сближение правовой деятельности с деятельностью научной, как образцом эффективности и рациональности. Поэтому закономерно, что в поле зрения юристов-теоретиков попала проблема эксперимента как яркой отличительной черты научной процедуры. Было выявлено, что в правовой деятельности также есть возможность проводить экспериментирование, конечно, с известными ограничениями, что получило название «правовой эксперимент». Однако на практике идея правового эксперимента широкого применения не нашла. Последующие бурные политические события, слом советской политико-правовой системы отодвинули актуальность проблематики правового экспериментирования.

Лишь в постановлении Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83<sup>4</sup> появилось положение, посвященное правовому эксперименту. Положения о пра-

---

<sup>3</sup> *О порядке* проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1318 : в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 27 августа 2015 г. № 896 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52, ст. 7491 ; 2015. № 36, ст. 5037.

<sup>4</sup> *О проведении* оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2015 г. № 83 // Там же. 2015. № 6, ст. 965.

вовом эксперименте пока неконкретны и высказаны как общая идея, однако само указание на данный феномен в правительственном акте дает основания надеяться, что проблематика в последующем будет развита и конкретизирована.

Таким образом, в правовой системе России возникли новые явления, которые по своей значимости должны быть исследованы на общетеоретическом уровне и найти свое отражение в учебных курсах по теории государства и права.

**Ю. Ю. Коломиец**

## **МАРКСИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА**

В СССР марксизм был единственной методологической основой исследования права. Распад Советского Союза и отказ от марксистско-ленинской идеологии привели к появлению категорических высказываний относительно учения К. Маркса. В ответ на критику своих теорий марксисты часто парируют, что даже если отдельные положения теорий Маркса или некоторых его последователей оказались ложными, в целом его метод остается неопровержимым.

Распространенным является мнение о том, что К. Маркс совершил переворот во всем понимании всемирной истории. Оценивая его открытия для науки, Ф. Энгельс писал: «В основе всех прежних воззрений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю, являются политические... Маркс же доказал, что вся предшествующая история человечества есть история борьбы классов»<sup>1</sup>.

На базе подобных размышлений возникла марксистская теория общественно-экономических формаций. После распада СССР многие из тех, кто придерживался формационного подхода, отказались от него и обратились к поиску иных теоретических путей к историческому процессу. Одним из таких способов стал цивилизационный подход. В отличие от формационного, цивилизационный подход предполагает, что основным критерием периодизации истории выступает культурный фактор (религия, миропонимание, мировоззрение, историческое развитие, особенности вмещающего ландшафта, своеобразие обычаев и др.).

На протяжении XX в. цивилизационный подход интенсивно разрабатывался в противовес марксистскому формационному подходу. В настоящее

---

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1979. Т. 3. С. 89.

время на Западе данный подход пережил пик своей популярности, тогда как в странах бывшего Советского Союза его рейтинг продолжает расти.

На наш взгляд, изучая историческое развитие общества, нельзя ограничиваться рассмотрением идейных мотивов человеческой деятельности и не исследовать того, чем вызываются эти мотивы, какими материальными причинами они порождаются. Научные исследования в постсоветских государствах основываются главным образом на том, что люди в большинстве случаев являются разумными. Такое убеждение возникло под влиянием марксистско-ленинской идеологии, суть которой заключалась в том, чтобы на основе создания материально-технической базы коммунизма сформировать новую человеческую личность, гармонически сочетающую в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство<sup>2</sup>.

Переход к рыночной экономике показал, что большинство людей разумными не только не являются, но и не хотят быть. По своей природе они больше тяготеют к материальным благам, нежели к духовным. Примечательно, что данную истину давно усвоили и учитывают в ходе научных исследований американские и европейские университеты. Так, немецкий ученый В. Вайгель целесообразным считает проведение экономической экспертизы для выявления экономических последствий нормативных правовых актов. Основную причину неэффективности правовых норм он видит в том, что правоповедение не владеет теорией человеческого поведения и экономикой внедрения норм<sup>3</sup>.

При этом следует учитывать, что методы научного исследования также зависят от экономической модели общества. Либо мы исходим из того, что отдельный индивидuum всегда стоит в центре внимания, а рациональность человека сводится к стремлению максимизировать получение удовольствия от товаров, которыми он владеет, либо в центре внимания стоит общество, а рациональность человека сводится к осознанию необходимости действовать во благо всего социума, с тем чтобы обрести духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Профессор С. Ф. Денисов, изучая периодизацию отечественной уголовно-правовой науки, пришел к выводу о возможности объединения формационного и цивилизационного подходов, а также достижения таким образом необходимой объективности во время исследования исторического пути, пройденного человеком<sup>4</sup>.

---

<sup>2</sup> *Философский словарь* / под ред. М. М. Розенталя. М., 1975. С. 208.

<sup>3</sup> *Вайгель В.* Економічний аналіз права: чому він водночас необхідний та спірний // Вісник львівського університету. Сер. юридична. 2007. Вип. 45. С. 34.

<sup>4</sup> *Денисов С. Ф.* Періодизація вітчизняної кримінально-правової науки // Актуальні проблеми кримінального права (пам'яті професора П. П. Михайленка). Київ, 2014. С. 162.

На наш взгляд, объединить формационный и цивилизационный подходы довольно сложно. Речь идет о различных основаниях периодизации истории, которые избираются учеными в зависимости от цели и задач исследования. Каждый подход имеет право на существование, так как во-первых, ни одна теория не может быть абсолютной; во-вторых, выбор того или иного подхода зависит от цели и задач исследования; в-третьих, как справедливо заметил К. Ясперс<sup>5</sup>, современная наука ни к чему не относится равнодушно, для нее все имеет научный интерес, она занимается единичным и мельчайшим, любыми фактическими данными, как таковыми.

Что касается исторического материализма как метода познания, предложенного К. Марксом, то его вполне можно использовать в ходе научных исследований. Опираясь на исторический опыт человечества, К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что научным и до конца последовательным материализм может быть лишь став диалектическим, а подлинно научной диалектика может быть лишь став материалистической. В результате синтеза учений материалистов и диалектики идеалистов К. Маркс и Ф. Энгельс разработали материалистическую диалектику.

Учет экономико-материалистической основы права, социально-классовой природы права, а также диалектической взаимосвязи права со всеми социальными отношениями позволил создать реально действующий механизм реализации норм права и включить советское право в единый механизм государственного регулирования.

Единственный недостаток марксистского подхода к праву заключается в возможности насильственного видоизменения некоторых социальных институтов с помощью права. Любые социальные изменения, по нашему мнению, должны происходить в обществе постепенно, а право должно соответствовать потребностям как отдельно взятой личности, так и общества в целом. Основной функцией права является обеспечение общественного порядка на основании принципов гуманизма, справедливости, равенства.

Что касается классового подхода к праву, то в определенном смысле К. Маркс был прав. Некоторые современные ученые берут на себя смелость и открыто заявляют об этом. Так, профессор Я. Гишинский, отвечая на вопрос, в чьих интересах устанавливается уголовный закон, пришел к следующим выводам: «Хотя власти всех стран утверждают, что уголовный закон охраняет интересы всех граждан, в действительности он в первую очередь служит интересам правящей верхушки и лишь во вторую — интересам населения»<sup>6</sup>.

По мнению профессора А. Э. Жалинского, при бизнес-парадигме уголовное право превращается в ресурс, средство, с помощью которого можно уста-

---

<sup>5</sup> Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991. С. 102.

<sup>6</sup> URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/386.html> (дата обращения: 24.09.2015).



новить власть над человеком и разменять ее на компетенцию, полномочия, права, авторитет, влияние, прямые имущественные выгоды и пр. Бизнес реализуется как в рамках закона, так и с его нарушением. Но во всех случаях главным является достижение собственных целей<sup>7</sup>.

Считаем, что право (в том числе и уголовное право) не должно быть, но часто является инструментом политической борьбы в руках представителей определенной социальной группы, поэтому очень важно обеспечить гражданское общество правовыми способами защиты своих интересов в случаях, когда они нарушаются теми, кто стоит у власти. Следует помнить, что осознание факта злоупотребления властью со стороны той или иной социальной группы не должно стать основанием для абсолютизации классового подхода к праву.

Таким образом, методологическую основу исследования права должно составлять разумное использование методов марксизма в сочетании с иными подходами, разработанными на современном этапе развития.

**Ю. А. Кондюрина**

## **ДИСПОЗИТИВНОСТЬ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Движущим началом гражданского судопроизводства является диспозитивность. Принцип диспозитивности представляет собой нормативно-руководящее положение, пронизывающее всю систему норм гражданского процессуального права, в соответствии с которым возникновение, изменение, развитие и прекращение процесса по конкретному гражданскому делу обусловлены инициативой сторон и иных заинтересованных лиц, реализуемой в пределах, установленных законом, и под контролем суда<sup>1</sup>.

В основе принципа диспозитивности лежат свободное волеизъявление и инициатива лиц, участвующих в деле. От их инициативы зависит развитие процесса, его переход из одной стадии в другую. Как справедливо отмечает А. Ф. Воронов, «главное в принципе диспозитивности — это осуществление субъективных материальных прав и распоряжение субъективными материальными правами»<sup>2</sup>.

В связи с широким внедрением информационных технологий в гражданском судопроизводстве можно говорить о том, что судебная коммуникация по своей форме становится электронной. Общение суда и лиц, участвую-

---

<sup>7</sup> Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 71.

<sup>1</sup> Осокина Г. Л. Гражданский процесс. М., 2013. С. 148.

<sup>2</sup> Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 243.

щих в деле, все чаще происходит посредством использования информационных технологий. Подача документов в суд возможна в электронном виде, существует возможность направления судебных извещений через сеть Интернет, можно участвовать в судебном заседании с использованием систем видеоконференцсвязи. Несомненно, электронная форма судебной коммуникации более эффективна и удобна практически для всех субъектов гражданских процессуальных правоотношений.

В настоящее время выбор формы судебной коммуникации принадлежит лицам, участвующим в деле. Возможность такого выбора — одно из проявлений принципа диспозитивности.

В случае установления императивного правила, когда судебная коммуникация становится исключительно электронной и у участников гражданского судопроизводства право переходит в обязанность, возникает ограничение доступности правосудия. Речь идет о такой категории лиц, участвующих в деле, которые не владеют навыками работы с современными информационными технологиями или не имеют соответствующего оборудования, программного обеспечения, возможности использования сети Интернет. Такие лица будут вынуждены обращаться за помощью к профессиональным юристам, что значительно сужает их право на доступ к правосудию, а при отсутствии достаточных финансовых возможностей получить профессиональную юридическую помощь такое право невозможно будет реализовать.

По нашему мнению, с учетом технологического уровня развития современного общества в основу судебной электронной коммуникации должен быть положен принцип диспозитивности как распоряжение правом на использование информационных технологий при общении участников процесса с судом, правом выбора формы судебной коммуникации. До тех пор, пока электронные технологии не станут доступны для всех без исключения субъектов гражданского судопроизводства, установление электронной судебной коммуникации как единственной формы общения участников гражданского процесса будет создавать чрезмерные препятствия на пути обращения в суд и ограничивать доступность правосудия как возможность свободной реализации гражданами права на судебную защиту.

**Д. Ф. Кононенко**

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ СУБЪЕКТОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ**

Влияние экономических санкций на исполнение внешнеэкономического договора является многоаспектным. Санкции существенным образом влияют на возможность заключения международных контрактов и делают юри-

дически невозможным исполнение международных коммерческих обязательств. Правовые последствия воздействия вводимых запретов и ограничений на внешнеэкономическую деятельность распространяются, прежде всего, на характер исполнения международных контрактов. Для исполнения внешнеэкономического договора введение экономических санкций сопряжено с различными *организационно-правовыми* (невозможность осуществления поставки, расчетов за уже поставленные по договорам товары) и обусловленными ими *материально-правовыми* последствиями (прямой ущерб, упущенная выгода, непредвиденные расходы, ответственность сторон ввиду ненадлежащего исполнения внешнеэкономического контракта).

Анализируя решения Совета Безопасности ООН о введении санкций, И. Н. Крючкова отмечает односторонний характер принятия решений Совета Безопасности ООН, их политическую и экономическую направленность<sup>1</sup>.

Правовые последствия экономических санкций на внешнеэкономические контракты могут иметь разное выражение: во-первых, выступать в виде *запрета действий, формирующих выполнение обязательств*, вытекающих из внешнеэкономического договора; во-вторых, учитывать *введение ограничений осуществления деятельности* в определенных сферах или секторах экономики (например, Резолюция 1803 (2008) СБ ООН от 3 марта 2008 г.<sup>2</sup> вводила ограничение на торговлю технологиями с Ираном в сфере ядерной энергетики); в-третьих, представлять в форме *запрета на осуществление экономической деятельности полностью* (например, Резолюция 1970 (2011) СБ ООН от 26 февраля 2011 г.<sup>3</sup>, которая ввела оружейное эмбарго в отношении Ливии); в-четвертых, в *требовании заморозить финансовые активы*, принадлежащие государству-нарушителю либо находящимся под его юрисдикцией лицам.

Введение санкций делает исполнение договорных обязательств юридически невозможным. Невозможность исполнения договора влечет за собой приостановление действия договора или прекращение его действия, ввиду чего договорные стороны испытывают значительные негативные имуществен-

---

<sup>1</sup> Крючкова И. Н. Правовые последствия применения экономических санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций для исполнения частноправовых договоров международного характера // Международное публичное и частное право. 2005. № 5(26). С. 25–29.

<sup>2</sup> Резолюция 1803 (2008) : принята Советом Безопасности на его 5848-м заседании 3 марта 2008 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/257/83/PDF/N0825783.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.07.2015).

<sup>3</sup> Резолюция 1970 (2011) : принята Советом Безопасности на его 6491-м заседании 26 февраля 2011 г. URL: [http://www.google.com/url?q=http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995\\_j25](http://www.google.com/url?q=http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_j25) (дата обращения: 21.07.2015).

ные сложности, выражающиеся в несении убытков и ущерба по заключенным договорам, а также ответственности в связи с неисполнением договора.

В международной практике сложилось правило о том, что убытки должны возмещаться государством, к которому санкции применяются. Однако добиться возмещения убытков крайне сложно, а часто и невозможно.

Можно выделить *международно-правовые* и *национально-правовые механизмы* выплаты компенсации, обусловленные введением государством экономических запретов и ограничений в соответствии с требованиями Совета Безопасности ООН.

На национальном уровне возможно закрепление права хозяйствующих субъектов на возмещение в судебном порядке убытков, связанных с имплементацией международных санкций, за счет средств государственного бюджета. Примером решения вопроса о предоставлении компенсации на международно-правовом уровне может служить учрежденный в связи с агрессией Ирака против Кувейта в рамках Совета Безопасности ООН особый механизм, призванный облегчить возмещение убытков, — Компенсационная комиссия ООН. Комиссия создана как вспомогательный орган Совета Безопасности для удовлетворения требований различных категорий субъектов права, понесших значительные убытки и ущерб ввиду невозможности осуществления внешнеэкономической деятельности с Ираком и национальными лицами Ирака. За весь период работы Комиссия рассмотрела больше трех миллионов претензий. Они поступили от пострадавших граждан и корпораций из 100 стран мира. К настоящему времени физическим и юридическим лицам, правительству Кувейта и ряду других пострадавших государств выплачено 43,3 млрд долларов в виде компенсаций за иракское вторжение от общей установленной на эти цели суммы в 52,4 млрд. Компенсационный фонд Комиссии финансировался за счет средств от продажи иракской нефти в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие».

Следовательно, участники внешнеэкономических договоров, понесшие убытки в результате введения международных экономических санкций, вправе требовать предоставления им компенсации убытков, напрямую вызванных введением санкций за счет бюджета государства, имплементирующего экономические санкции, а также посредством обращения в международные учреждения. Потому при реформировании национального правового регулирования необходимо предусмотреть гарантии хозяйствующим субъектам в связи с имплементацией международных экономических санкций, поскольку, как справедливо отмечал профессор В. В. Лаптев, такое положение затрудняет ведение предпринимательской деятельности, для которой нужна стабильная юридическая база<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> *Предпринимательское (хозяйственное) право* : учебник / Н. Н. Вознесенская [и др.] ; под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. М., 2006. С. 31.

Итак, учитывая возрастающие масштабы практики обращения в международных отношениях к экономическим санкциям, в договорной работе субъектов внешнеэкономической деятельности крайне важно проработать вопросы правовых последствий ограничений и запретов для исполнения внешнеэкономических договоров в целях выработки эффективных механизмов обеспечения интересов хозяйствующих субъектов.

**О. В. Красножон**

## **ВЕДОМСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Министерство внутренних дел Российской империи, оставаясь самым крупным полифункциональным ведомством системы государственного управления России<sup>1</sup>, на протяжении всего своего существования уделяло внимание развитию периодических изданий и созданию своих органов в печати. Многие из структурных подразделений МВД (экспедиции, департаменты, управления), охватывавшие своим ведением практически все сферы внутренней жизни Империи, имели свои печатные органы.

Первым официальным периодическим изданием Министерства внутренних дел стал «Санкт-Петербургский журнал» (1804–1809). В январе 1804 г. по инициативе первого министра внутренних дел В. П. Кочубея вышел в свет его первый номер. В «Санкт-Петербургском журнале» публиковались императорские указы, доклады министра внутренних дел, циркуляры МВД, материалы об управлении государством и экономическом развитии страны. За время издания журнала вышло 69 номеров книжного формата, каждый по 130–150 страниц.

С 1829 г. по 1861 г. в Санкт-Петербурге сначала нерегулярно, а затем ежемесячно и с 1836 г. ежеквартально издавался «Журнал Министерства внутренних дел». Редакторами издания в разное время были Н. И. Греч, М. А. Максимович, П. И. Гаевский, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Н. И. Надеждин, Н. В. Варадинов<sup>2</sup>. В нем публиковались высочайшие указы, циркуляры министерства, сведения о награждениях и перемещениях чиновников и пр. Журнал был призван сообщать сведения о распоряжениях правительства по министерству и освещать состояние разных его структур. В течение длительно-

---

<sup>1</sup> Ниженник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И. Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002) : биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 156.

<sup>2</sup> Некрасов В. Ф., Полубинский В. И. МВД России : энциклопедия. М., 2002. 624 с.

го периода журнал являлся одним из основных изданий МВД и перестал печататься с января 1862 г., когда вместо «Журнала Министерства внутренних дел» и «Летописи сельского благоустройства» МВД стало издавать ежедневную газету «Северная почта» (1862–1868).

Министерство внутренних дел осуществляло свою деятельность по многим направлениям жизни граждан и государства. Соответственно, различные департаменты министерства имели свои профилированные издания. Так, Хозяйственный департамент МВД издавал газету «Сельский вестник» (1881), «Летопись сельского благоустройства» — приложение к «Журналу Министерства внутренних дел» (1861); Медицинский департамент МВД (с 1904 г. — Управление главного врачебного инспектора) — журнал «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (1865–1871) и др.<sup>3</sup>

Официальным печатным органом Департамента полиции МВД был журнал «Вестник полиции» (1907–1917). Он был задуман и выпускался сначала частными лицами (Л. А. Пушкиным, Г. И. Сечинским, П. И. Гонецким), но в 1909 г. право на его издание перешло к Министерству внутренних дел, руководство которого убедилось в несомненной пользе ведомственной печати<sup>4</sup>.

Журнал «Вестник полиции» представлял собой открытое еженедельное иллюстрированное многополосное издание, ориентированное на широкий круг читателей: информировал о переменах в полицейском ведомстве, ходе подготовки к предстоящей реформе полиции, работе полицейских в зарубежных странах, состоянии преступности в России, нашедших уголовных делах и действиях полиции на местах. Одной из главных задач при этом оставалась методическая помощь сотрудникам полиции.

В деятельности МВД важное место занимало Главное тюремное управление. Необходимость доведения официальных документов до служащих тюремного ведомства, предоставления им возможности обмена практическим опытом, распространения сведений о тюремной жизни среди общественности обусловила издание ежемесячного журнала Главного тюремного управления «Тюремный вестник» (1893–1917). Это было информационно-методическое и справочное издание для сотрудников Главного тюремного управления. Кроме того, важной задачей журнала являлось привлечение российской общественности к участию в работе с заключенными и осуществление профилактики правонарушений среди населения.

Более оперативно по сравнению с журналами несли информацию читателям газеты. В целях быстрого доведения до населения распоряжений губернатора и градоначальства и эффективного их исполнения МВД предпри-

---

<sup>3</sup> Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России 1901–1916 : в 4 т. / под общ. ред. В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского. Л., 1961. Т. 4 : Указатели. 396 с.

<sup>4</sup> От издателей журнала «Вестник полиции» // Вестник полиции. 1909. № 4. С. 69.

няло издание газет «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» (с 1839 г. в Санкт-Петербурге) и «Ведомости Московской городской полиции» (с 1848 г. в Москве). За время своего существования эти газеты неоднократно меняли название, формат и периодичность. Однако рубрики и направленность продолжали сохраняться неизменными: официальная и неофициальная части.

С развитием провинциальной печати появлялись местные издания, в которых освещалась деятельность полиции, излагались предупреждающие предписания населению, рассматривались условия и причины правонарушений. Так, в Керчи с 1860 г. еженедельно выходил «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства»; в Риге — «Ведомости Рижской городской полиции» (с 1885 г.) на трех языках: русском, немецком, латышском.

Таким образом, Министерство внутренних дел Российской империи, охватывавшее своим ведением практически все сферы внутренней жизни Империи, стремясь к формированию правомерного поведения подданных и повышению профессионализма своих сотрудников, разработало программу развития ведомственных средств массовой информации. Ведомственная печать как средство реализации задач Министерства внутренних дел сохраняла и продолжает сохранять статус важнейшего средства профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и повышения доверия населения к деятельности различных структурных подразделений и ведомств Министерства внутренних дел.

**А. Ю. Кузубова**

## **ОБ ОСНОВНЫХ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЯХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

Проблематика правовой аксиологии была и остается особо востребованной в контексте научного поиска. Первые попытки ценностного познания мира были предприняты еще в эпоху Древнего мира, в частности Платоном и Аристотелем, но сам термин «аксиология» (от греч. *axia* — ценность, *logos* — учение) введен в мировую науку только во второй половине XIX в.

Правовые ценности представляют собой формы субъективного восприятия права, обусловленные отношением к правовой системе общества и определяющие выбор соответствующего поведения и юридическую оценку событий. Само право является инструментальной ценностью, при этом вся правовая действительность базируется на многочисленных ценностях, выступающих в качестве ориентиров формирования институтов государства и норм права. В ценностях воплощается существующий в данном месте и в данное время идеал представлений о правильном, справедливом, гуманном общественном порядке, на поддержание которого направлено правовое воздействие.

Обращаясь к современной России, следует констатировать изменение аксиологических приоритетов. На наших глазах происходит сильнейшая трансформация: старые ценности в контексте процессов искусственной глобализации пытаются вытеснять новыми, не имеющими должного социального одобрения. Девальвация доктрин марксизма в конце 80-х гг. XX в., а немного позднее и либерализма обострила проблему ликвидации идеологического вакуума, весьма опасного для общества.

Во всем мире на протяжении последних десятилетий усиливаются тенденции к возврату к традиционным ценностям, выразителем которых является консервативная идеология. Консерватизм в лице своих сторонников принял попытку обосновать связь права с национальными ценностями и традициями, обратить внимание на цивилизационную идентичность и самобытность культур. Аксиологическая проблематика русского консерватизма позволила приблизиться к познанию процессов соотношения идеальной сферы бытия с нормативной системой общества.

В эпоху глобализации и аккультурации правовые культуры и национальное право в целом все же продолжают сохранять черты своеобразия и относительной замкнутости. На это сделан акцент в политико-правовой доктрине отечественного консерватизма, в которой обосновывается противоположность концептов западной и российской моделей права. Либеральное западное право базируется на договорной и индивидуалистической парадигме, а российская модель основана на органицистской и патерналистской парадигме. Обществу как произвольной совокупности индивидуумов в трактовке европейского либерализма отечественный консерватизм противопоставлял органическую модель общества как единого целого, объединенного нерациональными связями и являющегося результатом деятельности Творца.

В мировоззрении консерваторов право прочно связывалось с религией и иерархичностью, при этом право часто отождествлялось с понятиями «правопорядок» и «правда». Основными правовыми ценностями русского консерватизма выступают правда, справедливость, коллективность, достоинство, общественная цель, долженствование. Правда как экзистенциал истинного состояния человека, явления или действия в идеологии русского консерватизма занимает место ведущей ценности, иерархически возвышаясь над правом. При этом в правовой идеологии русского консерватизма наблюдалась четкая дифференциация правды внутренней (совести или нравственной правды) и внешней (закона).

Другая правовая ценность — справедливость — придает личностный смысл общественной правовой цели. Долженствование воплощает характерное для российского правосознания завышенное требование к правовой реальности и к любому правовому деянию. Коллективность, или соборность, отражает идейное и практическое единение людей, отрицает ценность индивидуального момента на фоне возвышения общего, всенародного.



К. Н. Леонтьев, один из ведущих идеологов отечественного консерватизма, считал, что регулирующую и интегрирующую функцию в социуме выполняют в большей степени вера и нравственность, нежели право-закон<sup>1</sup>.

Право воспринималось консервативной мыслью ценностью бытия только при условии его «исхода» из нравственной заповеди, даруемой Богом, а не из рациональных субъективных представлений о природе дозволенного. Отрицая рационализм в качестве элемента субъективного познания, Н. Я. Данилевский любой идеал рассматривал как «субъективный и, следовательно, произвольный, а по произвольности и необязательный, ибо всякий может его составлять по образу и подобию... своих чувств, страстей и мыслей»<sup>2</sup>. Создатель теории культурно-исторических типов обосновывал положение о том, что закон не может быть атеистичным, в нем обязательно должно присутствовать христианское основание.

Иррационализм предопределял восприятие права консерватизмом: разум человека не содержит безусловного критерия для формирования суждений о нравственно должном, следовательно, формальный закон (внешняя правда) изначально носит релятивистский характер. По этому поводу К. П. Победоносцев указывал: «Закон, с одной стороны, — правило, с другой стороны — заповедь, и на этом понятии о заповеди утверждается нравственное сознание о законе. Основным типом закона остается... “Чти отца твоего... не убий... не укради... не завидуй”»<sup>3</sup>.

Обращение к базовым аксиологическим приоритетам в политико-правовой доктрине отечественного консерватизма позволяет сделать ряд выводов: отечественным традициям, религии и культуре в большей степени соответствуют концепты правды, справедливости, коллективности, достоинства, общественной цели, долженствования. На современном этапе исторического развития ценностные компоненты общественного сознания приобретают особую значимость. Как ценностная подсистема право взаимодействует с иными установлениями, в частности религиозными, нравственными, политическими и др. При этом нравственные и религиозные ценности в консервативной доктрине признаются ценностями высшего порядка, т. е. они первичны в духовном смысле в контексте их соотношения с правом.

В индивидуальном восприятии право преобразовывается во множество правовых ценностей, эволюционирующих совместно с обществом и его государственно-правовыми структурами. Такое развитие должно гармонично сочетаться с цивилизационными основами, формирующими и отражающими специфику отечественной правовой аксиологии.

---

<sup>1</sup> Леонтьев К. Н. Письма к В. С. Соловьеву. Храм и церковь. М., 2003. С. 87.

<sup>2</sup> Данилевский Н. Я. Происхождение нашего нигилизма // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб., 1890. С. 246.

<sup>3</sup> Победоносцев К. П. Закон // Московский сборник. М., 2009. С. 82.

**И. А. Кузьмин**

## **НЕТИПИЧНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Адекватное понимание правовой природы юридической ответственности подразумевает исследование отдельных ее разновидностей, выделение классифицирующих признаков и дифференциацию (в целях исследования юридическая ответственность будет рассматриваться автором преимущественно в негативном смысле). Современные взгляды на виды юридической ответственности часто сводятся к отраслевому делению. Между тем данное основание классификации хотя и является важным, но далеко не единственным<sup>1</sup>, в связи с чем в научной литературе были сформулированы причины многообразия видов юридической ответственности<sup>2</sup>. Предшествующее комплексное изучение проблематики юридической ответственности<sup>3</sup> дает нам возможность предложить ряд подходов к разграничению юридической ответственности на виды, большинство из которых могут быть отнесены к нетипичным.

В зависимости от того, *на каком уровне* находится юридическая ответственность, есть юридическая ответственность в объективном смысле (меры государственного принуждения в виде определенных лишений, которые закрепляются в санкциях правовых норм и могут быть применены к лицам за совершение противоправных деяний) и юридическая ответственность в субъективном смысле (субъективная обязанность лица претерпеть меры государственного принуждения в виде лишений за совершенное противоправное деяние)<sup>4</sup>.

Ввиду разнообразия *фактических оснований возникновения* юридической ответственности можно выделить юридическую ответственность за правонарушение (виновную ответственность) и юридическую ответственность за объективно-противоправное деяние (безвиновную ответственность)<sup>5</sup>. От-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Ягудина В. М. Юридическая ответственность: система и классификация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 23–24.

<sup>2</sup> См., напр.: Кислухин В. А. Виды юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 36.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Кузьмин И. А. Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 204 с.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Вишневский А. Ф., Горбатюк Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учебник / под общ. ред. В. А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 464–465.

<sup>5</sup> Кузьмин И. А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2011. № 1. С. 39–43.

ветственность без вины характерна для гражданских (добровольная выплата неустойки) и международных (самостоятельное возмещение государством вреда, причиненного другому государству) правоотношений.

В зависимости от *формы реализации* имеется юридическая ответственность, осуществляемая исключительно в государственно-принудительной форме (при непосредственном участии правоприменительных органов и вынесении акта применения права, возлагающего ответственность), и юридическая ответственность, которая может быть реализована в добровольной форме (самостоятельными действиями правонарушителя при отсутствии государственного принуждения).

По порядку *возложения* разграничивается юридическая ответственность, возлагаемая в судебном порядке, и юридическая ответственность, возлагаемая во внесудебном порядке.

Исходя из *характера обязанности*, заложенной в основание ответственности, можно выделить юридическую ответственность активного типа и юридическую ответственность пассивного типа.

В зависимости от *характера норм права, в которых закрепляются меры ответственности и которые нарушаются*, — материально-правовая юридическая ответственность и процессуально-правовая юридическая ответственность. Материально-правовая ответственность закрепляется в нормах материального права и наступает за нарушение материальных предписаний, процессуально-правовая ответственность возлагается за процессуальные правонарушения. Процессуальная ответственность регламентируется специальными источниками (в нашем государстве к ним можно отнести преимущественно процессуальные кодексы) и имеет свои специфические формы (наложение штрафа за нарушение порядка в судебном заседании, взыскание судебным приставом-исполнителем исполнительского сбора)<sup>6</sup>. Приведенная классификация является дискуссионной и нуждается в отдельной проработке по причине того, что сфера возможного применения процессуально-правовой ответственности достоверно не определена.

Если взять за основу классификации *защищаемый (обеспечиваемый) интерес*, то возможно назвать публично-правовую и частноправовую ответственность<sup>7</sup>.

По *субъекту, уполномоченному возлагать юридическую ответственность*, последнюю подразделяют на ответственность, возлагаемую государ-

---

<sup>6</sup> Борисов Г. А. Процессуально-правовая ответственность в современном законодательстве России // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 71–77.

<sup>7</sup> См., напр.: Прокопович Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 5, 7, 11, 18–19.

ственными организациями (например, уголовно-правовая ответственность), и ответственность, возлагаемую негосударственными организациями.

В зависимости от *принадлежности норм права, содержащих меры юридической ответственности, и уровня правоотношений* разделяют международно-правовую и национально-правовую ответственность.

Помимо названных, существуют иные классификации юридической ответственности. *По целям (функциям) ответственности* различают карательную и правосоставительную ответственность<sup>8</sup>. *По характеру лишений/ограничений* подразделяют меры ответственности, связанные с лишениями/ограничениями личного, имущественного и организационного характера<sup>9</sup>. *По сложности претерпевания* выделяют меры юридической ответственности однократного характера и многократного характера. В зависимости от *числа лиц-правонарушителей* отмечают коллективную и индивидуальную юридическую ответственность. Исходя из *природы лица-правонарушителя* устанавливают юридическую ответственность, применяемую к физическим лицам, и юридическую ответственность, применяемую к юридическим лицам. *По принадлежности органов государства, возлагающих юридическую ответственность к различным ветвям власти*, выделяют ответственность, возлагаемую органами законодательной власти, ответственность, возлагаемую органами исполнительной власти, и ответственность, возлагаемую органами судебной власти. В зависимости от *временной направленности* называют перспективную юридическую ответственность (нацеленную на будущее правомерное поведение) и ретроспективную юридическую ответственность (основанную на прошлом неправомерном поведении)<sup>10</sup>.

Учитывая множественность критериев классификации и дифференциации юридической ответственности, мы приходим к выводу о комплексном характере данной правовой категории, которая проявляет себя в различных элементах правовой системы и одновременно выступает в разных воплощениях (в виде правового института, охранительного средства, мер принуждения, субъективной обязанности и т. д.). Дальнейшее изучение феномена юридической ответственности без учета его дифференциации, интеграции и динамики — тупиковый путь, избежать которого можно лишь при одновременной консолидации усилий всего научного сообщества с учетом многоликости правовой природы ответственности в праве.

---

<sup>8</sup> Кислухин В. А. Указ. соч. С. 46–48.

<sup>9</sup> Там же. С. 51.

<sup>10</sup> См., напр.: Ягудина В. М. Указ. соч. С. 19.

**Т. Г. Лепина**

## **ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИХ ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ**

В современной России остро стоит вопрос преступности несовершеннолетних. Согласно статистическим данным, процент преступлений, совершенных несовершеннолетними, от общего количества с каждым годом остается высоким. По данным Федеральной службы государственной статистики, за 2014 г. было зафиксировано 54 389 преступлений, за 2013 г. — 60 761 преступление и за 2012 г. — 59 461 преступление, совершенное несовершеннолетними или при их соучастии<sup>1</sup>. Одним из направлений повышения эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями являются изучение и коррекция некоторых личностных особенностей, которые определяют делинквентное поведение.

Структура личности включает в себя множество понятий и характеристик. Основными составляющими выступают индивидуальные человеческие черты, возникающие в результате никем не узаконенного жизненного опыта. Характер человека — это структура устойчивых индивидуальных особенностей личности, сравнительно постоянных психических свойств, определяющих поведение человека и особенности его отношений<sup>2</sup>.

К. К. Платонов выделял в структуре личности: 1) подструктуру направленности (убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления); 2) подструктуры опыта (знания, навыки, умения, привычки); 3) подструктуру форм отражения (индивидуальные особенности психических процессов — ощущения, восприятия, памяти); 4) биопсихические свойства (темперамент, пол, возраст)<sup>3</sup>.

Рассмотрим подробнее подструктуру направленности личности несовершеннолетних правонарушителей. Многие исследователи отмечают, что у подростков с девиантным поведением часто проявляются акцентуации характера<sup>4</sup>.

В XX в. К. Леонгард определил особенности акцентуации в характере индивида и его специфических особенностях. Он предложил следующие типы акцентуаций характера: 1) гипертимный тип — отличается энергичностью,

---

<sup>1</sup> Шахвердова К. М. Применение принципов ювенальной юстиции в правовой системе Российской Федерации // Наука XXI века: теория, практика и перспективы : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (8 июня 2015 г., г. Уфа). Уфа, 2015. С. 191.

<sup>2</sup> Куклина А. В., Козырева О. Н. Акцентуации характеров и проблемы их психологической коррекции // Там же. С. 282.

<sup>3</sup> См., напр.: Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика : учебник для вузов. СПб., 2011. С. 84.

<sup>4</sup> URL: <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/akcentuacii-haraktera.html> (дата обращения: 25.08.2015).

оптимизмом, заряженностью на работу, стремлением к лидерству; 2) дистимический тип — характеризуется сниженным настроением, замкнутостью, склонностью к эмоциональным переживаниям и отдаленностью от людей; 3) демонстративный тип — стремится быть в центре внимания, отличается самоуверенностью и тщеславием; 4) возбудимый тип — характеризуется раздражимостью, вспыльчивостью, агрессивностью и склонностью к конфликтам; 5) педантичный тип — характер проявляется в аккуратности, нерешительности, совестливости, добросовестности; 6) застревающий тип — определяется подозрительностью, обидчивостью, склонностью поучать других; 7) тревожный тип — испытывает постоянное опасение за себя и свое здоровье, характеризуется неуверенностью в себе, нерешительностью; 8) лабильный (экзальтированный) тип — характеризуется повышенной эмоциональностью и изменчивостью настроения; 9) интровертированный тип — относится к людям замкнутым, малообщительным, сдержанным и принципиальным; 10) экстравертированный тип — характеризуется общительностью, стремлением к новым знакомствам<sup>5</sup>.

Отдельные авторы пришли к выводу о том, что у подростков делинквентных групп (с социально отклоняющимся поведением) акцентуированность в два раза превышает показатели контрольных «нормальных» групп несовершеннолетних<sup>6</sup>.

Доля гипертимных акцентуантов велика среди подростков, совершающих корыстные посягательства и преступления против общественного порядка<sup>7</sup>. Психологической коррекции таких подростков будет способствовать исключение давления, излишней опеки и прямого контроля. Следует также формировать навыки самоконтроля, способность к сопереживанию.

По мнению ряда ученых, между наличием у подростка психических аномалий и ситуацией совершения преступления можно выделить связь треугольного рода:

1) психическое расстройство создает благоприятную почву для социально-психологической деформации личности, ее деморализации, становления и закрепления антиобщественных взглядов;

2) ситуация внезапно предъявляет к личности повышенные требования, а психическая ущербность личности ведет к аффективной реакции;

3) антиобщественный образ жизни содействует возникновению психических аномалий<sup>8</sup>.

---

<sup>5</sup> Куклина А. В., Козырева О. Н. Указ. соч. С. 282.

<sup>6</sup> Камарницкий А. В. Структурные особенности личности несовершеннолетнего преступника. URL: [http://www.superinf.ru/view\\_helpstud.php?id=897](http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=897) (дата обращения: 25.08.2015).

<sup>7</sup> URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/55/chapter/23> (дата обращения: 25.08.2015).

<sup>8</sup> Камарницкий А. В. Указ. соч.

Работа с несовершеннолетними правонарушителями проявляется в таких направлениях, как:

- объединение усилий всех субъектов социального воспитания для создания условий для личностного развития ребенка;
- воспитание нравственно-правовой убежденности;
- формирование адекватной самооценки, способности критически относиться к самому себе;
- развитие эмоциональной сферы личности: формирование воли, умения управлять собой, адекватно реагировать на педагогические воздействия;
- включение в социально значимые виды деятельности, создание ситуации успеха в избранном ребенком виде деятельности;
- организация педагогического влияния на мнения окружающих (семья, сверстники, педагоги, другие взрослые);
- предупреждение невротических расстройств и патологических влечений (акцентуации характера, неврозы, суицид, kleptomania и т. д.);
- обеспечение благоприятного социально-психологического климата;
- способствование заполнению пробелов в знаниях<sup>9</sup>.

Работа социального педагога с несовершеннолетними правонарушителями основывается как на коррекции конкретных симптомов отклонений, так и на профилактическом подходе (снятие причин, факторов и условий, их провоцирующих). Должны проводиться беседы, консультации, посещение семьи на дому. Организовываются встречи со специалистами — врачами, инспектором ОДН, а также работа и отдых школьников в летний период.

**О. А. Липич**

## **НОТАРИАТ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В ПЕРИОД С 1866 ПО 1922 ГОД: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Профессиональный нотариат в Забайкалье появился в 1897 г. после учреждения Читинского окружного суда. На основании постановления Государственного Совета «Об устройстве судебной части в губерниях и областях Сибири»<sup>1</sup> подчинился Иркутской судебной палате. Суд имел следующую структуру: 1-е уголовное отделение, 2-е уголовное отделение, гражданское отделение, канцелярия, регистратуры, кассы и нотариальный архив<sup>2</sup>.

---

<sup>9</sup> Тутьихина М. В. Обобщение опыта социального педагога по работе с несовершеннолетними правонарушителями. URL: <http://nsportal.ru/shkola/sotsialnaya-pedagogika/library/2011/10/26/obobshchenie-opyta-po-rabote-s-nesovershennoletnimi> (дата обращения: 25.08.2015).

<sup>1</sup> Государственный архив Иркутской области. Путеводитель. С. 35.

<sup>2</sup> Государственный архив Забайкальского края (далее — ГАЗК). Ф. 43. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

Нотариусы входили в состав суда. Заведование нотариальной частью окружного суда поручалось нотариусам и состоящим при нотариальных архивах старшим нотариусам<sup>3</sup>. Законодательно закреплялось деление нотариусов на младших и старших, права и обязанности которых существенно различались. При окружном суде состоял один старший нотариус, младших нотариусов на территории Забайкальской области было десять<sup>4</sup>.

Должность младшего нотариуса предоставлялась только после прохождения претендентом испытания, установленного председателем окружного суда, старшим нотариусом и прокурором. Претендента проверяли на знание форм нотариального делопроизводства и законов, необходимых для работы нотариуса, а также умение правильно излагать нотариальные акты. Назначались и увольнялись нотариусы старшим председателем судебной палаты по представлению председателя окружного суда.

Чтобы получить доступ к профессии, нотариус вносил в окружной суд денежный залог, впоследствии к нему прибавлял еще и часть платы за совершенные им нотариальные действия. Размер залога устанавливался для каждой конкретной местности. Если на возмещение убытков залог расходовался, то до его пополнения нотариус временно отстранялся окружным судом от должности. Однако отсутствие залоговой суммы, ее недостаточность или отстранение от должности не освобождали нотариуса от обязанности возместить нанесенный вред в пределах всего своего имущества<sup>5</sup>.

В соответствии с Положением о нотариальной части нотариусами могли быть только российские подданные, грамотные, совершеннолетние, непопеченные судом или общественным приговором и не занимающие никакой иной должности ни на государственной, ни на общественной службе. Кроме того, нотариусы не имели права работать адвокатами и присяжными заседателями. В основном нотариусами назначались образованные и уважаемые люди.

Надзор за исполнением обязанностей младших и старших нотариусов осуществлялся в соответствии с правилами «Учреждения судебных установлений». Нотариальные книги и дела в любое время могли быть истребованы окружным судом, на территории которого работал нотариус. Тот же окружной суд рассматривал жалобы на их неправильные действия<sup>6</sup>.

Ежегодно Читинским окружным судом в Министерство юстиции направлялись различные отчеты о деятельности нотариусов: полугодовые и годо-

---

<sup>3</sup> *Свод законов Российской империи*. Кн. 4, т. XIV–XVI. С. 747–748.

<sup>4</sup> *Список о числе служащих в Читинском окружном суде и округе его* // ГАЗК. Ф. 43. Оп. 4. Д. 106. Л. 21.

<sup>5</sup> *Этапы большого пути*. URL: <http://www.wivanovanotarius.ru> (дата обращения: 14.06.2015).

<sup>6</sup> Там же.



вые отчеты нотариусов, ведомости о делопроизводстве в нотариальных архивах, о запрещениях, наложениях и снятиях старшими нотариусами и др.<sup>7</sup> В фондах государственного архива Забайкальского края сохранилась переписка нотариусов с председателем Читинского окружного суда. Так, встречаются ведомости читинского нотариуса П. А. Кузнецова за различные трети 1916, 1917 гг., в которых нотариус отчитывался о количестве совершенных нотариальных актов, а также о суммах сборов, расходах и полученных доходах<sup>8</sup>. Исполнять свои профессиональные обязанности нотариус имел право только в пределах того судебного округа, в ведомстве которого он состоял, в противном случае его нотариальные акты не имели силы.

После Февральской революции 1917 г. изменился политический уклад жизни. Победа Февральской революции создала предпосылки для становления буржуазно-демократического государства в России. Однако вместо национального единения в стране нарастала социальная напряженность, усиливалось политическое противостояние. В связи с этим отмечаются некоторые особенности деятельности нотариата Забайкальского региона, сохранившего свою самобытность.

Интересными представляются документы о деятельности нотариусов Забайкальской области в этот период. Так, в делах государственного архива Забайкальского края встречаются рапорты Нерчинского нотариуса С. А. Росцишевского о возможности выезда за пределы г. Нерчинска в связи с необходимостью выполнения обязанностей, возложенных Комитетом Общественной Безопасности, и необходимостью разъяснения населению сложившейся обстановки от 12 марта 1917 г.<sup>9</sup>, а также рапорт нотариуса г. Троицкосовска С. Д. Макаренко о разрешении использовать в 1918 г. книги и реестры за 1917 г. ввиду отсутствия на рынке потребной бумаги от 27 августа 1917 г.<sup>10</sup> Все это подтверждает, что институт нотариата продолжал функционировать, несмотря на сложную политическую обстановку.

К концу 1917 г. в Забайкалье началась гражданская война. После Октябрьской революции 1917 г. политические силы Забайкалья выступили против установления советской власти. При таких условиях нормальная деятельность нотариата и судов была невозможна. Согласно постановлению Комитета советских организаций Восточной Сибири 1 марта 1918 г. председателем Читинского окружного суда было дано объявление о временной приостановке деятельности всех отделений суда<sup>11</sup>.

---

<sup>7</sup> ГАЗК. Ф. 43. Оп. 1. Предисловие.

<sup>8</sup> Там же. Оп. 5. Д. 110. Л. 14, 20.

<sup>9</sup> Там же. Л. 14, 16.

<sup>10</sup> Там же. Л. 14, 23.

<sup>11</sup> Там же. Д. 39. Л. 1–2.

С августа 1918 г. по апрель 1920 г. на территории Забайкалья был установлен режим атамана Семенова<sup>12</sup>. По его распоряжению возобновилась деятельность окружных судов и нотариусов как необходимого звена сложившейся ранее системы. Летом 1918 г. Читинский окружной суд начал функционировать вновь и был окончательно упразднен в 1920 г. Система нотариата продолжала работать в привычном для нее виде, а нотариальная практика была аналогичной той, что сложилась еще в дореволюционный период.

С мая 1920 г. по ноябрь 1922 г. Забайкалье входило в состав Дальневосточной республики. В связи с этим в декабре 1920 г. был образован Съезд народных судей Восточного Забайкалья Министерства юстиции ДВР, который являлся кассационной инстанцией народного суда ДВР на уровне судебного округа. Он просуществовал до ноября 1922 г. При нем состояли нотариусы<sup>13</sup>. Об этом свидетельствует анализ фондов старшего нотариуса Съезда Народных судей Восточного Забайкалья Министерства юстиции ДВР. Следует отметить, что перечень нотариальных действий, осуществляемых нотариусами Забайкальской области в период ДВР, ничем не отличался от тех, которые были сформулированы в законодательстве Российской империи. Прежним оставалось и нотариальное делопроизводство<sup>14</sup>.

Таким образом, на всем протяжении существования нотариата на территории Забайкалья прослеживается особенность отечественной историко-правовой традиции в стремлении государства к строгой регламентации. При этом отмечается определенная преемственность положений законодательства о нотариате дореволюционного периода. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в разные исторические эпохи нотариат как особый государственный институт демонстрировал свою устойчивость, не исчерпал своего потенциала и обладал определенными перспективами.

## **А. И. Лызлов**

### **О НАКАЗУЕМОСТИ НЕГОДНОГО ПОКУШЕНИЯ НА УБИЙСТВО**

Наказуемость негодного покушения в теории уголовного права трактуется противоречиво, в связи с чем данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. Особо актуален он применительно к убийству.

Уже долгое время в научной литературе традиционно выделяют два вида негодного покушения — покушение на негодный объект и покушение с не-

---

<sup>12</sup> *Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область* : в 2 т. / под ред. Н. В. Гордеева. Чита, 2007. Т. 2. С. 8–11.

<sup>13</sup> *Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР 1920–1922 гг.* Чита, 1923. С. 68.

<sup>14</sup> *ГАЗК. Ф. р-1040. Оп. 1.*

годными средствами. Негодность покушения заключается в том, что в силу особенностей объекта (точнее, предмета или потерпевшего) либо средств совершения преступления преступный результат, к которому стремился виновный, не мог быть достигнут. Таковы, в частности, случаи, когда лицо пытается убить уже мертвого человека, думая, что он жив, либо отсутствующего в месте посягательства человека (вместо потерпевшего одеялом накрыт ворох одежды), или когда используется незаряженное или неисправное оружие, а виновный полагает, что оно пригодно для причинения смерти.

В досоветский период подробный анализ позиций ученых по вопросу о наказуемости негодного покушения был осуществлен Н. С. Таганцевым<sup>1</sup>. Он выделил три группы позиций. Сторонники первого направления указывали на то, что покушение может быть наказуемым только тогда, когда деяние объективно способно привести к преступному результату, т. е. когда оно объективно опасно, чего нет в случаях дачи мнимого яда или посягательства на труп. Представители второй группы ученых видели в негодном покушении деятельность, которая позволяла «распознать преступную волну», и это обстоятельство казалось им достаточным для установления ответственности за него. Наконец, третья группа мнений объединяла такие варианты, которые одни случаи негодного покушения относили к уголовно наказуемым деяниям, а другие — к деяниям, не влекущим уголовной ответственности<sup>2</sup>.

В современном российском законодательстве в целом предполагается наказуемость негодного покушения, поскольку законодатель не делает для него никаких исключений. Обосновывая необходимость уголовной ответственности за негодное покушение, А. В. Наумов указывает, что покушение на негодный объект следует рассматривать как обычное покушение и оно влечет ответственность на общих основаниях. Что же касается покушения с негодными средствами, то оно, как правило, обладает общественной опасностью и влечет наказание, поскольку преступление не доводится до конца вследствие ошибки виновного; лишь тогда, когда выбор негодного средства основан на крайнем невежестве или суеверии лица (заклинания, заговоры в целях лишения жизни и т. д.), действия лица объективно не представляют общественной опасности и не влекут уголовной ответственности<sup>3</sup>.

Однако отдельные специалисты считают, что круг негодных покушений, не влекущих ответственности, должен быть гораздо шире. Например, В. В. Питецкий полагает, что теория уголовного права и судебная практика

---

<sup>1</sup> Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 317.

<sup>2</sup> Там же. С. 317–320.

<sup>3</sup> См., напр.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 278 ; Ситникова А. И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006. С. 120.

без достаточных оснований относят к уголовно наказуемым деяниям почти все негодные покушения. Он подчеркивает, что уголовно наказуемое негодное покушение должно содержать основополагающий признак преступления, т. е. быть общественно опасным. Одного лишь субъективного основания ответственности, выражающегося в наличии умысла на совершение определенного преступления, еще недостаточно для того, чтобы считать содеянное преступлением. Анализируя два примера: попытку отравления мясом змеи, когда лицо полагает, что оно ядовито, и попытку убийства из незаряженного ружья, В. В. Питецкий приходит к выводу о том, что по своему юридическому значению они тождественны, хотя в первом случае выбор негодного средства объясняется невежеством лица, а во втором — случайным стечением обстоятельств. Оба эти случая характеризуются тем, что они не причиняют вреда правоохраняемым интересам и даже не создают реальной угрозы причинения такого вреда, а потому оба в равной степени не должны быть уголовно наказуемыми<sup>4</sup>. Заслуживающим того, чтобы сохранять за него уголовную ответственность, В. В. Питецкий считает лишь такое негодное покушение, которое совершено с относительно негодными средствами, когда эти средства в принципе не исключают причинения вреда и создают реальную опасность для объекта, но в данном конкретном случае они оказались непригодны (например, попытка убийства из заряженного ружья, которое дало осечку)<sup>5</sup>.

Несмотря на то что в реальной жизни негодные покушения редки и в поле зрения правоохранительных органов и судов оказываются лишь отдельные такие факты, изучение правоприменительной практики показывает, что она стоит на позиции отрицания ответственности за покушение с негодными средствами, выбранными на основе крайнего невежества и суеверия. Так, Московским городским судом были осуждены А. Н., А. А. и М. Н., каждый по ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. После сообщения мужа о намерении расторгнуть брак, преследуя цель обеспечить себе наследование квартиры в г. Москве, А. Н. обратилась к А. А. с просьбой лишить мужа М. И. жизни путем магического воздействия и передала ей в качестве вознаграждения деньги. Через несколько месяцев, поняв, что от магических действий А. А. смерть мужа не наступит, она вновь обратилась к А. А. и ее мужу М. Н. с просьбой подыскать исполнителя убийства. Не желая возвращать полученные деньги, они согласились и предложили Г. О. за вознаграждение совершить убийство М. И. Действия всех виновных лиц были квалифицированы как приготовление к убийству, хотя фактически, судя по обстоятельствам, изложенным в надзорном постановлении, А. А. совершала магические действия,

---

<sup>4</sup> Питецкий В. В. Уголовная ответственность за негодное покушение // Актуальные проблемы правоправедения в современный период / отв. ред. В. Ф. Волович. Томск, 1991. С. 142–143.

<sup>5</sup> Там же. С. 143.

направленные на лишение жизни М. И.<sup>6</sup> Очевидно, органы предварительного расследования и суд исходили из того, что субъектом преступления избраны средства совершения преступления, абсолютно не пригодные для достижения преступного результата.

В то же время иные покушения с негодными средствами и покушения на негодный объект признаются судебной практикой уголовно наказуемыми.

Так, по делу С., который пытался убить потерпевшего, но не смог, так как произошла осечка, Верховный Суд РФ прямо указал, что виновный должен нести уголовную ответственность за покушение на убийство и что покушение с негодными средствами по общему правилу влечет за собой уголовную ответственность, так как негодное покушение свидетельствует об общественной опасности личности преступника<sup>7</sup>.

Существование уголовной ответственности за негодное покушение (за исключением покушения с абсолютно негодными средствами) представляется нам обоснованным с учетом следующего. Во-первых, если исходить из концепции объекта преступления, согласно которой объект является многослойным образованием и состоит из: а) собственно самого охраняемого блага; б) охраняемого общественного отношения, предметом (объектом) которого выступает это благо; в) охраняющего общественного отношения<sup>8</sup>, то негодным покушением объекту причиняется вред, поскольку при этом страдает одна из подсистем объекта уголовно-правовой охраны — охраняющее общественное отношение, обеспечивающее неприкосновенность жизни. Необходимость ответственности определяется не тем, что лицо обладает общественной опасностью, а тем, что для реализации задуманного преступления это лицо начинает осуществлять деяние, которое при иных обстоятельствах завершилось бы причинением вреда самому охраняемому благу.

Во-вторых, признание уголовной наказуемости негодного покушения вытекает из того, что в настоящее время закон предусматривает ответственность даже за безуспешные приготовительные действия (ч. 5 ст. 34 УК РФ). Было бы нелогично, устанавливая ответственность за безуспешные действия по приготовлению к преступлению, исключить ответственность за столь же безуспешные действия, непосредственно направленные на совершение преступления.

---

<sup>6</sup> Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 1999 г. № 1101п99пр // Судебная система Российской Федерации : электронная библиотека. URL: [http://sudbiblioteka.ru/vs/text\\_big1/verhsud\\_big\\_5508.htm](http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_5508.htm) (дата обращения: 20.10.2015).

<sup>7</sup> Благов Е. В. Квалификация покушения на преступление // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 75.

<sup>8</sup> Филимонов В. Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 83 ; Его же. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 26–36.

**В. И. Любашенко**

## **КАТЕГОРИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО» В КОНЦЕПЦИИ «ОБЯЗАННОСТИ ЗАЩИЩАТЬ»**

Термин «международное сообщество» не является новым для международного права. Он возник и впервые был закреплён в Римском Статуте Международного уголовного суда, хотя и не был раскрыт.

Понятие «международное сообщество», по сути, является абстрактной конструкцией, наделённой характерными признаками. Из выводов международного сообщества в первом издании энциклопедии М. Планка можно выделить два главных необходимых условия для его определения: системность составляющих частей, членство в которой происходит из факта формальной идентичности в качестве отдельных субъектов (т. е. наличие системы международных отношений), и наличие общих задач и целей<sup>1</sup>.

Многими учеными «международное сообщество» понимается в двух значениях: узком и широком. В узком значении — как совокупность суверенных государств, поддерживающих между собой взаимные отношения, которые урегулированы международным правом<sup>2</sup>. В широком значении термин был определен Комиссией по международному праву и охватывает не только государства, государствовподобные образования, международные организации и нации, борющиеся за независимость, но и неправительственные международные организации и отдельных индивидов, так же как, с учетом практики гуманитарной интервенции, жертв нарушений прав человека<sup>3</sup>. Определение такого круга элементов международного сообщества в широком смысле, учитывающих значительный спектр мероприятий, используемых концепцией «обязанности защищать», подходит для применения в рамках данной концепции.

При этом, в отличие от концепций *jus cogens* и *erga omnes*, в концепции «обязанности защищать» международное сообщество выступает не формальным обладателем определенных прав, а активным субъектом действия, и имен-

---

<sup>1</sup> Mosler H. "International Legal Community" in RL Bindschedler et al. (ed), Encyclopedia of Public International Law, (Max Planck Institute) vol. 7. North-Holland, Amsterdam, 1992. P. 309–312 ; Hernandez Gleider I. A Reluctant Guardian: the International Court of Justice and the Concept of 'International Community'// British Yearbook of International Law. 2012. Vol. 83, iss. 1. P. 19.

<sup>2</sup> См., напр.: Мережко О. О. Проблеми теорії міжнародного публічного та приватного права. Київ, 2010. С. 12.

<sup>3</sup> Report of the International Law Commission on the work of its fifty-second session (2000). Topical summary of the discussion held in the Sixth Committee of the General Assembly during its fifty-fifth session prepared by the Secretariat. Document A/CN.4/513. URL: [http://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a\\_55\\_10.pdf](http://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_55_10.pdf) (дата обращения: 20.10.2015).

но поэтому для осуществления «обязанности защищать» необходима схема агентирования. Как отмечает Х. Насу, упоминание международного сообщества и ООН в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. позволяет говорить о последней в качестве «агента, через которого международное сообщество выполняет свою обязанность»<sup>4</sup>. Международное сообщество не персонализируется в виде ООН, а лишь передает ООН некоторые права для осуществления «обязанности защищать».

Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. также определяет, что возможность представления международного сообщества на разной стадии концепции обладают разные субъекты, при этом лишь разграничиваются военные и невоенные меры. В действительности, на каждой отдельной стадии концепция задействует разный круг субъектов для выполнения стоящей перед ней задачи<sup>5</sup>. В случае «обязанности предупреждать», первого столпа концепции, круг субъектов наиболее широк — признанные субъекты международного права, неправительственные организации (как международные, так и национальные), жертвы нарушений прав человека, т. е. международное сообщество *sensu largo*. В рамках «обязанности реагировать» от лица международного сообщества проводить невоенные меры имеют право государства, межправительственные организации и ООН. На стадии же «обязанности реагировать» задействовано международное сообщество *stricto sensu*; военные акции выделяются в отдельный этап, где задействован СБ ООН с соответствующими полномочиями.

Отдельного внимания заслуживает стадия миростроительства (так называемые обязанности восстанавливать). В данном случае, как показывает практика миростроительства, международное сообщество выступает *sensu largo*, при этом степень участия каждого субъекта определяется на *ad hoc* основе. На этом этапе большое значение приобретает сотрудничество с внутригосударственными субъектами — организациями, партиями, группами индивидов. Они выступают одновременно в качестве как непосредственных объектов восстановления, так и субъектов действия, которые помогают восстанавливать страну и публичную власть.

Таким образом, следует заключить, что международное сообщество в концепции «обязанности защищать» выступает активным субъектом действия, для чего государствами вводится схема агентирования. Более того, на каждой отдельной стадии «обязанности защищать» международное сообщество представляется посредством разного круга субъектов. Благодаря такой технике

---

<sup>4</sup> Nasu Hitoshi. The UN Security Council's responsibility and the "responsibility to protect"// Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2011. Vol. 15. P. 382.

<sup>5</sup> *The Responsibility to protect*. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty Ottawa, International Development Research Centre, 2001. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (дара обращения: 20.10.2015).

субъекты в качестве представителей международного сообщества приобретают новые права, направленные на выполнение не их собственных функций (хотя наделенные права должны корреспондировать международно-правовому статусу субъекта), а «обязанности защищать» всего международного сообщества. В результате, международное сообщество представляется в концепции «обязанности защищать» не абстрактной конструкцией, а вполне определенными субъектами на каждой отдельной стадии концепции. Полагаем, необходимо более детальное закрепление в международно-правовых документах прав и обязанностей субъектов относительно концепции «обязанности защищать» на каждой отдельной стадии.

**А. А. Маганкова**

### **ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ\***

Проблема реализации принципа справедливости применительно к уголовно-процессуальной функции защиты является одной из актуальных и обсуждаемых в теории уголовного процесса. Обеспечение подозреваемому (обвиняемому, подсудимому, осужденному) права на защиту — конституционный принцип, который должен строго выполняться во всех стадиях уголовного судопроизводства как важная гарантия установления истины и вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Обеспечение права на защиту — обязанность государства и необходимое условие справедливого правосудия<sup>1</sup>.

Обеспечение права на защиту выступает базисом уголовного процесса, который выражается в предоставлении каждому подозреваемому, обвиняемому реальной возможности осуществлять защиту своих прав и интересов в уголовном процессе как лично, так и с помощью защитника. Поэтому орган, ведущий уголовный процесс, обязан неукоснительно соблюдать установленные законом предписания о средствах и способах защиты подозреваемого, обвиняемого, создавая необходимые условия для реализации стороной защиты своих процессуальных прав и выполнения обязанностей.

В ходе комплексного анализа материалов уголовных дел, рассмотренных судами Смоленской области в апелляционной инстанции за период с

---

\* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-67002.

<sup>1</sup> *О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве* : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Рос. газета. 2015. 10 июля.



2013 г. по 2015 г., нами было проведено обобщение судебной практики по изучению причин отмены судебных актов по уголовным делам в связи с нарушением судами первой инстанции принципа справедливости.

Следует отметить, что судами первой инстанции не уделяется должного внимания и необходимости обязательного участия защитника при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговоров. В ряде случаев основанием для отмены судебного акта суда первой инстанции было именно нарушение права на защиту применительно к стадии исполнения приговора. Так, постановлением Сафоновского районного суда Смоленской области от 13 января 2015 г. ходатайство А. о пересмотре приговора в связи с изменениями, внесенными в УК РФ Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ, оставлено без удовлетворения. Как усматривается из представленных материалов, А. осужден приговором Ржевского городского суда Тверской области от 26 апреля 2011 г. за преступление, совершенное им в несовершеннолетнем возрасте, а приговор Ржевского городского суда Тверской области от 29 июля 2013 г. был постановлен с применением особого порядка судопроизводства. От услуг защитника при рассмотрении дела Сафоновским районным судом Смоленской области осужденный А. отказался. В связи с нарушением права осужденного А. на защиту постановлением от 2 апреля 2015 г. по делу № 22-803/2015 постановление Сафоновского районного суда Смоленской области от 13 января 2015 г. было отменено.

В нарушение вышеназванных норм УПК РФ Сафоновский районный суд Смоленской области при вынесении постановления от 16 января 2015 г. в отношении Р., а также при вынесении постановления от 14 января 2015 г. в отношении Д. фактически рассмотрел ходатайство осужденных об условно-досрочном освобождении без участия защитника, чем нарушил их право на защиту. Апелляционным постановлением Смоленского областного суда от 14 апреля 2015 г. по делу № 22-897/2015 и апелляционным постановлением Смоленского областного суда от 14 апреля 2015 г. по делу № 22-895/2015 вышеуказанные решения суда первой инстанции также были отменены.

По аналогичным причинам апелляционным постановлением Смоленского областного суда от 23 октября 2014 г. по делу № 22-2409/2014 было отменено и постановление Ленинского районного суда г. Смоленска от 26 августа 2014 г. в отношении К.

Указанные примеры из судебной практики не единичны. Следует признать, что за анализируемый период неоднократно допускалось нарушение права на защиту осужденных, уголовные дела в отношении которых были рассмотрены в порядке главы 40 УПК РФ, при последующем рассмотрении ходатайств последних об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. В частности, судами первой инстанции при изучении вышеназванных уголовных дел не принимались во внимание правила ч. 7 ст. 51 УПК РФ.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ. Аналогичное предписание закреплено ч. 2 ст. 316 УПК РФ, предусматривающей обязательное участие защитника.

Следует также принять во внимание и правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные, в частности, в постановлении от 26 декабря 2003 г. № 20-П и определении от 8 февраля 2007 г. № 254-О-П: право на получение квалифицированной юридической помощи, т. е. право на помощь адвоката, должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при исполнении приговора; оно не ограничивается отдельными стадиями уголовного судопроизводства и не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, при которых участие в уголовном судопроизводстве защитника, в том числе по назначению, обязательно.

При таких обстоятельствах, полагаем, положения п. 7 ч. 1 ст. 51, ст. 316 УПК РФ должны применяться и при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Исходя из норм ч. 2 ст. 47 УПК РФ, обозначенные требования закона должны распространяться в том числе и на осужденного, поскольку «применительно к реализации осужденными права на судебную защиту уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство не содержит каких-либо изъятий или ограничений и не допускает понижения уровня гарантий права на судебную защиту для осужденных при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора»<sup>2</sup>. В ином случае имеет место риск нарушения осужденного на защиту, следовательно, создание препятствий для реализации на практике принципа справедливости уголовного судопроизводства.

**Т. Л. Матиенко**

## **«ГОНЕНИЕ СЛЕДА» КАК ФОРМА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Творческий подход к исследованию проблем права предполагает всестороннее раскрытие предмета изучения, в том числе и истории вопроса. В российской историко-правовой литературе неоднократно отмечалось, что исто-

---

<sup>2</sup> Якубина Ю. П. Стадия исполнения приговора в свете постановления Пленума Верховного Суда от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2(28). С. 151.

рия возникновения права у восточных славян до настоящего времени остается слабо изученной. В частности, к малоизученным относится вопрос о формировании и особенностях судебного процесса в Древнерусском государстве.

«Гонение следа» в массиве норм Русской Правды предстает как древнейший институт русского права. В историко-правовой литературе дореволюционного периода встречается немало суждений о его сущности, содержании и значении. Большинство исследователей справедливо связывают «гонение следа» с судебными административными обязанностями общины, с ее круговой порукой<sup>1</sup>. В исследованиях, посвященных истории полиции, «гонение следа» признается древнейшей формой и методом борьбы с преступностью, заключавшейся в розыске преступника по горячим следам<sup>2</sup>. Некоторые историки права рассматривают «гонение следа» как одну из досудебных процедур<sup>3</sup>, исследователи этимологии оперативно-розыскной деятельности — даже как метод уголовного сыска<sup>4</sup>. Учитывая спорность в понимании и трактовке «гонения следа» и важность этого вопроса в решении проблемы происхождения и сущности судопроизводства, его генезис, развитие и место в древнерусском судопроизводстве следует проанализировать более тщательно.

В хронологическом отношении «гонение следа» имеет более позднюю фиксацию в княжеском законодательстве, чем «свод» и «заклич». Его письменное закрепление состоялось в Уставе Владимира Всеволодовича, т. е. около 1113 г. В Пространной Правде (ст. 77) «гонение следа» описано как отыскание преступника, не пойманного на месте преступления, по оставленным следам. Цель «гонения следа», на первый взгляд, очевидна и бесспорно установлена — обнаружение и поимка преступника. Однако требование истинного определения места «гонения следа» в судопроизводстве предполагает, по возможности, более полную и точную реконструкцию его содержания, порядка проведения и значения как института древнерусского права.

---

<sup>1</sup> Попов А. Русская Правда в отношении к уголовному процессу. М., 1841. 121 с.; Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884. 248 с.; Ефименко А. Я. Южная Русь : очерки, исследования, заметки : в 2 т. СПб., 1905. Т. 1. 439 с.; Т. 2. 358 с.; Гейман В. Г. «Сочение следа» в Белозерском уезде XVII в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.–Л., 1960. С. 91–100; Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. 846 с.; и др.

<sup>2</sup> Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. М., 1979. С. 3.

<sup>3</sup> Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 352.

<sup>4</sup> Елинский В. И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X–XX вв.). М., 2004. С. 5; Ковалев О. Г., Вагин Е. Г., Юдин Е. Г. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2006. С. 5.

Данная задача представляется практически невозможной из-за скудости дошедших и обнаруженных источников той эпохи. Вместе с тем, принимая во внимание, что «гонение следа» как институт обычной правовой практики сохраняется вплоть до XVIII в.<sup>5</sup> и получает отражение в источниках XIII–XVII вв., мы имеем возможность на этой основе воссоздать его прототип, зафиксированный в русском праве начала XII в. Весьма ценными для уяснения смысла ст. 77 Русской Правды являются архивные материалы, отражающие галицкую общинную практику «гонения (сочения) следа» в начале XV – середине XVIII вв., собранные и обобщенные историком В. Ф. Инкиным<sup>6</sup>, аналогичное исследование В. Г. Геймана о «сочении следа» в Белозерском уезде в XVII в.<sup>7</sup> и сведения, содержащиеся в работе А. Я. Ефименко<sup>8</sup>.

Первой задачей общины было «взять» верный след. Сходиться на след община была обязана в полном составе. Отсутствие на следу кого-либо из ее членов должно было иметь веское основание, иначе влекло за собой в глазах общины и суда презумпцию виновности отсутствующего. Кроме того, если община «пригнала» след к соседнему селу в неполном составе, доказательность следа подвергалась сомнению. Для удостоверения подлинности следов преступника привлекались люди из соседних сел: «а след гнати с чюжими людьми а с послухи». Безошибочность следа гарантировалась «пробой», или «мерой», которую снимали при свидетелях. «Проба» представляла собой зарубку или отметину на палке, воспроизводящую размер следа. Палка расщеплялась пополам, и одна, контрольная, хранилась у истца, а другая находилась у «погонщиков» следа до конца процедуры.

Дойдя по следу до границы соседнего села, община была обязана «залечь» на нем, чтобы его не затоптать и сохранить. Пока община охраняла след, ее выборные лица, перейдя границу, направлялись в дом главы (старосты) села с требованием собрать всю его общину, чтобы «браться за след».

«Выдача» следа была обставлена рядом формальностей. След передавали друг другу только общины, имевшие общую границу. В противном случае община могла отказаться «взять след». Могла она отказать и непосредственным соседям, если «след» не был подтвержден свидетельством представите-

---

<sup>5</sup> Громыко М. М. Территориальная крестьянская община в Сибири (30-е годы XVII в. – 60-е годы XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 85.

<sup>6</sup> Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. М., 1985. С. 131–140.

<sup>7</sup> Гейман В. Г. «Сочение следа» в Белозерском уезде XVII в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.–Л., 1960. С. 91–100.

<sup>8</sup> Ефименко А. Я. Южная Русь : очерки, исследования, заметки. СПб., 1905. 439 с.

лей других общин, через которые он проходил и которые нельзя было «оминуть», не нарушив обычая. В каждый момент процедуры в ней участвовали несколько сел, одни в полном составе, другие через выборных представителей. Община следовала до третьей границы. Истец был обязан лично «подкреплять след» до конца, а потом взыскивать ущерб, так как только он мог удостоверить поличное.

В большинстве работ, посвященных Русской Правде, утвердилось представление о том, что по следу шел сам потерпевший с участием нескольких свидетелей и «чужих людей»<sup>9</sup>. Оно могло возникнуть у исследователей либо при наблюдении этого обычая в той стадии, когда «розыск производился уже не общинными силами»<sup>10</sup>, либо потому, что в источниках истец как наиболее активная фигура процедуры заслонял собой остальных ее участников. Тем не менее изученные материалы показывают, что в «гонении следа» определяющую роль играли сельские общины и сама процедура была общинным установлением.

В качестве побудительного мотива в организации и проведении «гонения следа» всеми членами общины явно просматривается материальный коллективный интерес: «или убища не ищут, то вирное платити» (ст. 20 Краткой Правды); «а головника не ищут, то виревную платити» (ст. 3 Пространной Правды); «а не отсочат от собе следа, ни едутъ на след или отбиться, то тем платити татьбу и продажу» (ст. 77 Пространной Правды)<sup>11</sup>. Штрафы были достаточно велики, например, за убийство на своей территории община должна была выплатить дикую виру в сумме равной стоимости стада из 50 (40 гривен) или 100 (80 гривен) коров. Продажа за кражу с верви взималась в размере 12 гривен<sup>12</sup>, т. е. 15 коров.

Анализ общинной практики «гонения следа» XIII–XVII вв. показывает, что другим веским основанием ответственности общины в случае кражи являлось место обнаружения поличного (украденного имущества). Так, община могла «отвести след», доказав, что поличное находилось не на ее территории. Вместе с тем община могла дать отвод поличному, обнаруженному на ее территории, если не было следов вора. Она могла даже не выходить на след, если поличное было обнаружено на ее дальних полях или лесных расчистках<sup>13</sup>. Это соответствовало казусу ст. 77 Пространной Правды, когда след те-

---

<sup>9</sup> Попов А. Указ. соч. С. 103.

<sup>10</sup> Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1965. № 76. С. 274.

<sup>11</sup> Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 48, 64, 69.

<sup>12</sup> Там же. С. 84, 108.

<sup>13</sup> Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. С. 136.

рялся «на пуге». Кроме того, община бралась не за всякий след. Он должен был быть четким, чтобы его можно было «читать». Община могла отказаться вести «старый след», пригнанный не сразу, а «назавтра». Отводила община и след пешего вора, особенно если была сухая летняя погода или «землю сковал мороз»<sup>14</sup>. Практически пешего вора искали внутри села, что и было определено в ст. 70 Пространной Правды, «по верви искати татя», где прямо указывалось, что основанием ответственности является не след, а признаки совершения преступления: «будет россечена земля» (разрыта бобровая нора, нанесен ущерб охотничьим владениям феодала), и улики — «сеть» (орудие ловли бобра).

Таким образом, процедура «гонение следа» была, прежде всего, формой коллективной взаимопомощи членов сельской общины, которую со временем утверждавшаяся государственная власть поставила на службу собственным фискальным и классовым интересам. В Русской Правде «гонение следа» предстает как особый институт и сложная форма начальной стадии состязательного (обвинительного) судебного процесса и не может быть признано ни формой, ни методом уголовно-сыскной деятельности. Наряду с этим, «гонение следа», имеющее в своей основе закрепленную законом круговую поруку, может рассматриваться как древнейшая форма противодействия преступности. Сохранение «гонения следа» средствами законодательного закрепления позволяло, активно привлекая большую массу людей, осуществлять поиск и избобличать преступников без участия представителей государственной власти.

## **А. А. Морозов**

### **РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ЖИЗНИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Развитие гражданского общества остается одной из самых обсуждаемых тем гуманитарного знания. Оно рассматривается в политическом, экономическом, правовом, культурологическом аспектах. Связанная с этим проблематика охватывает широкий круг вопросов: от определения самого понятия «гражданское общество» до анализа отдельных проявлений гражданской активности.

Важнейшими субъектами гражданского общества выступают некоммерческие организации, возникновение и функционирование которых вызвано проявлением свободной инициативы граждан, их интеграцией на основе общих потребностей, интересов, целей. Значительный общественный резонанс

---

<sup>14</sup> Там же. С. 137.

в последние годы имеет деятельность религиозных объединений. Этот интерес чаще всего локализуется в обсуждении угроз клерикализации или возможностей реализации свободы совести. Религиозные объединения представляют особый институт гражданского общества в силу специфики самой религиозной сферы и особенностей складывающейся религиозной ситуации.

Методологической основой рассмотрения религиозных объединений в качестве субъектов гражданского общества выступает концепция Д. Козна и Э. Арато. Под гражданским обществом они подразумевают нормативную модель социетальной сферы, отличной от государства и экономики<sup>1</sup>. Эта сфера имеет несколько сущностных составляющих. Во-первых, плюралистичность и автономия семьи, неформальных групп, добровольных ассоциаций обеспечивают разнообразие форм жизни. Во-вторых, свобода общественной жизни закреплена в институтах культуры и коммуникации. В-третьих, гарантирована неприкосновенность частной жизни, которая охраняет сферу индивидуального развития и нравственного выбора. В-четвертых, обеспечена законность. Законодательство призвано отмежевать плюрализм, неприкосновенность частной жизни и публичную сферу от государства и экономики.

Козн и Арато отстаивают общественноцентричную модель гражданского общества, противопоставляя ее государственноцентричной модели Г. Гегеля и экономикоцентричной К. Маркса. Это позволяет подразумевать более дифференцированную социальную структуру и мыслить институционализацию гражданского общества как процесс стабилизации общественных институтов на основе прав<sup>2</sup>.

Таким образом, формулируются две основные идеи, определяющие существование гражданского общества. Гражданская активность является реализацией свободной воли на выражение своих интересов, целей, потребностей, которые могут приобретать всеобщий характер или оставаться партикулярными. Выражение свободной воли происходит в системе социальной регуляции, заданной правовыми предписаниями. Устанавливается неразрывная связь между гражданским обществом и правовым государством.

В свете сказанного рассуждение о религиозных объединениях как субъектах гражданского общества складывается из ответов, по крайней мере, на два вопроса. Являются ли религиозные объединения собственно субъектами гражданского общества? А если являются, то при каких условиях? Ответы не очевидны. В историческом контексте об этом можно рассуждать только относительно времени формирования гражданского общества в разных регионах мира. Устанавливая тесную связь между гражданским обществом и право-

---

<sup>1</sup> Козн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 458.

<sup>2</sup> Там же. С. 520.

вым государством, мы должны признать, что проблематика гражданского общества актуальна далеко не всегда и не везде. Необходимо, чтобы формирование правового государства хотя бы осмысливалось в качестве практической задачи. Поэтому религиозное объединение может стать субъектом гражданского общества при определенных условиях и только в конкретной исторической реальности. Однако сам исторический контекст не есть достаточное основание для подобного превращения.

Анализ правового режима существования религиозных объединений дает возможность развернуть следующее рассуждение. Правовой статус религиозных объединений включает базовые и факультативные признаки. Первые представляют сущностные характеристики, без которых объединение не существует как религиозное. К ним относятся вероисповедание, совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, обучение религии и религиозное воспитание своих последователей<sup>3</sup>. Наличие этих признаков достаточно для признания объединения религиозным.

К факультативным признакам могут быть отнесены права на осуществление культурно-просветительской, благотворительной, предпринимательской деятельности, а также распространение своих религиозных убеждений. Подобная активность не обязательна, но может быть только результатом проявления свободной воли верующих, аккумулированной в позиции религиозного объединения. В таком случае оно превращается в субъект гражданского общества.

Еще одной формой активности религиозных объединений выступают усилия для обеспечения свободы совести, пресечения дискриминации по религиозному признаку, противодействие незаконным или непродуманным действиям государственных органов.

В настоящее время религиозные объединения — активные участники общественных дискуссий по самым острым вопросам. Среди них можно выделить проблемы включения в образовательные программы общеобразовательных школ дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики», допустимости аборт и сексуального воспитания, внедрения ювенальной юстиции, возможности легализации однополых браков и проституции.

Все это позволяет признать религиозные объединения в современных условиях субъектами гражданского общества. Вместе с тем религиозное объединение должно сохранять значительную дистанцию от политических институтов и органов государственной власти, что предусматривает российское законодательство. Иначе из свободного института оно превращается в сател-

---

<sup>3</sup> *О свободе совести и о религиозных объединениях* : федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ : в ред. Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».



лита, выражающего иную волю и получающего за это преференции, что ведет к потере собственной субъектности.

И последнее. Важным условием функционирования гражданского общества является выработка общезначимых ценностей и принципов взаимодействия, позволяющих поддерживать взаимное уважение и общественный мир. Далеко не всегда религиозные объединения выступают миролюбивой стороной, абсолютизируя значение собственных идеалов и установок для общественного развития.

**Г. Е. Москаленко**

## **ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ТЕОРИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО**

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — выдающийся российский юрист, историк, социолог и общественный деятель. Уже к началу XX в. он получил всемирную известность, став членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, а также ряда иностранных академий и институтов. Его работы внесли значительный вклад в отечественную политико-правовую мысль.

Центральное место в учении о государстве и праве М. М. Ковалевского занимает идея «солидарности». Основу развития государства, по мнению ученого, представляет правильное и гармонично организованное общество. Такое общество лишено социальных противоречий, следствием которых являются ожесточенные конфликты различных социальных групп, искусственно подавляемые силой государственной власти. Началом построения современного гражданского общества служит единство, общность интересов и взаимозависимость индивидов и различных социальных групп. Все это, на взгляд российского либерального мыслителя, включает категория «солидарность». Государственно-правовое развитие идет по пути замены жесточайших социальных битв гармонией между людьми; даже между трудом и капиталом «разобщенность не растет, а уменьшается», причина этому — развитие «внутреннего сознания солидарности граждан одного государства»<sup>1</sup>.

Политические взгляды М. М. Ковалевского складывались в период самодержавия в России и были оппозиционными по отношению к действующей власти. Развитие идеи социальной солидарности стало базой для разработки умеренно-буржуазной программы реформ. Вступая в полемику с марксизмом, М. М. Ковалевский критиковал революцию и идею классовой борьбы, считая их отклонением от нормы солидарности. Автор отзывался о революции как о противоестественном процессе, не имеющем исторических пер-

---

<sup>1</sup> Ковалевский М. М. Социология : в 2 т. СПб., 1910. Т. I. С. 6.

спектив. Революции, по мнению ученого, являются следствием ошибок правительств, которые либо задерживают естественное развитие общества, либо насильственно ускоряют его<sup>2</sup>. Реформирование государства мыслилось М. М. Ковалевским исключительно как эволюционное развитие, построенное на началах социальной солидарности.

Важнейшим средством обеспечения социальной «солидарности» М. М. Ковалевский считал право, «именно в праве, прежде всего, закрепляются согласование интересов общества и личности, различных классов и социальных групп»<sup>3</sup>. Под правом исследователь понимал, в первую очередь, «идею долга», которая заставляет индивидов брать на себя обязанности в целях сохранения «интереса группы»<sup>4</sup>. Идея долга порождает позитивное право, носящее нормативный характер и обеспечиваемое принудительной силой государства, выражающее волю не какого-либо класса, а народа вообще<sup>5</sup>.

Помимо права, значительная роль в обеспечении общественной солидарности отводится государству. Ковалевский выступал за усиление вмешательства государства в социальные процессы, считая это правомерным и естественным.

Таким образом, разработанная М. М. Ковалевским теория рассматривала историю общества, государства и права с солидаристских позиций. Реализация идеи общественной солидарности, согласно учению автора, предполагает построение «всесословного общества», в котором и будут провозглашены гражданское и политическое равенство, права и свободы личности, а также юридические гарантии этих прав и свобод.

## **А. А. Нечепуренко**

### **СУДИМОСТЬ КАК МЕРА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Абсолютизация наказания как исторически первой формы государственной реакции принудительного характера на совершение преступления длительное время не позволяла взглянуть на уголовно-правовую реальность под другим, более широким углом. Например, судимость традиционно рассматривалась как правовое явление, производное от наказания. Спорным было лишь то, считать судимость последствием наказания<sup>1</sup> или

---

<sup>2</sup> Ковалевский М. М. *Общее учение о государстве*. СПб., 1909. С. 96.

<sup>3</sup> Ковалевский М. М. *Первобытное право*. М., 1886. С. 47.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Ковалевский М. М. *Общее учение о государстве*. С. 23.

<sup>1</sup> См., напр.: Хан-Магомедов Д. О. *Освобождение от наказания*. М., 1964. С. 39 ; Марцев А. И. *Специальное предупреждение преступлений*. М., 1987. С. 18 ; Наумов А. В. *Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций*. М., 1996. С. 481.

его признаком<sup>2</sup>. Отведение судимости такой второстепенной, подчиненной по отношению к наказанию роли не могло не сказаться и на восприятии ее соотношения с другими, производными от наказания принудительными мерами воздействия на преступников, такими как условное осуждение, отсрочка отбывания наказания и условно-досрочное освобождение, которые могут быть объединены в отдельную форму реализации уголовной ответственности, именуемую уголовным испытанием.

Более четкая, по сравнению с УК РСФСР 1960 г., позиция современного российского законодателя по отношению к институту судимости, выраженная в ч. 2 ст. 86 УК РФ, вероятно, способствовала тому, что в последнее время наметилось принципиально иное осмысление соотношения наказания и судимости. Например, А. Ф. Мицкевич, проведя детальный анализ уникальных свойств судимости, пришел к следующему заключению: «...судимость не является качественной характеристикой уголовного наказания. Она есть самостоятельное явление, имеющее тесную связь с уголовной ответственностью и наказанием, однако правовая природа ее значительно отличается от природы уголовного наказания»<sup>3</sup>. Такой посыл об особом статусе судимости важен, но недостаточен для объяснения характера ее связи с уголовной ответственностью. Для этого представляется своевременным сделать еще один шаг в понимании судимости и воспринимать ее в качестве **содержательного компонента** государственного осуждения. Остановимся на обосновании данного тезиса несколько подробнее.

Уже наличие статуса судимого налагает на лицо массу отягощений по сравнению с несудимыми гражданами в виде угроз более сурового уголовно-правового и уголовно-исполнительного принуждения при нарушении в этот период уголовно-правовых предписаний, а также в виде ограничений, касающихся как конституционных прав и свобод (избирательное право, равный доступ к государственной службе, свободный выбор рода деятельности и профессии, участие в отправлении правосудия и др.), так и иных прав граждан (в сфере действия актов гражданского состояния, разрешительной системы и др.).

В совокупности с наказанием и испытанием судимость выполняет важную функцию одного из основных средств реализации принципа справедливости в уголовном праве. Следует согласиться с утверждением С. Н. Сабанина о том, что справедливость как этико-юридический феномен — это наиболее общий принцип уголовного права, который вбирает в себя все иные

---

<sup>2</sup> См., напр.: *Уголовное право. Часть Общая* / под ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамовой. М., 1997. С. 315 ; *Никонов В. А. Уголовное наказание. Поиск истины*. Тюмень, 2000. С. 12–13.

<sup>3</sup> *Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия*. СПб., 2005. С. 25.

принципы (законности, гуманизма, личной и виновной ответственности, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и т. д.), интегрирует их и через них проявляется в действительности<sup>4</sup>. Универсальность принципа справедливости позволяет выделить в нем два ценностных аспекта: уравнивающий и распределяющий. Длительное время российский законодатель делал акцент на распределяющем аспекте справедливости, что выражалось в развитии системы мер уголовно-правового воздействия и механизма их применения таким образом, чтобы в максимальной степени обеспечить дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности.

Для устранения такого «перекоса» объективно требовалась более полная реализация уравнивающего аспекта справедливости, чем абстрактная одинаковая обязанность подлежать уголовной ответственности согласно принципу равенства граждан перед законом. Эволюция же наказания от единственного уголовно-правового средства государственного реагирования на совершение преступления до одной из форм реализации уголовной ответственности предопределила следующий логический шаг в указанном направлении — создание института судимости. Не вызывает сомнения, что в настоящее время именно судимость является тем равнопораженным состоянием всех лиц, признанных по приговору суда виновными в совершении преступления, которое наполняет уравнивающий аспект справедливости конкретным содержанием. При этом реализация распределяющего аспекта справедливости достигается путем применения иных содержательных компонентов осуждения: наказания и испытания.

Споры по поводу статуса правоограничений, налагаемых на лицо в период судимости, на мой взгляд, носят принципиальный характер, поскольку речь идет о законодательных гарантиях от возможных злоупотреблений в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Если выводить правоограничения, вытекающие из факта осуждения лица, за рамки уголовной ответственности, то становится неясным, на каком основании эти правоограничения человек должен претерпевать. Только включение судимости в содержание уголовной ответственности позволяет считать таким основанием факт совершения преступления.

Изложенное выше дает основание заключить, что **судимость** играет роль своеобразной правовой платформы, на которой только и могут применяться иные правоограничения, содержащиеся в мерах наказания и испытания.

Воспринимая судимость как базовую форму реализации уголовной ответственности, можно определить ее как *меру уголовной ответственности*,

---

<sup>4</sup> *Сабанин С. Н.* Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург, 1993. С. 12–29.

*которая заключается в правоограничениях, налагаемых в равном объеме на всех лиц, осужденных за совершение преступления определенной категории.*

Логическим следствием такого понимания судимости могли бы стать значительные корректировки ее законодательного регулирования в действующем Уголовном кодексе РФ и еще более существенные — в будущем.

На первом этапе в ст. 86 УК РФ целесообразно было бы произвести следующие изменения:

- а) ввести понятие судимости как меры уголовной ответственности;
- б) исключить возможность аннулирования судимости в связи с освобождением лица от наказания;
- в) установить зависимость срока погашения судимости не только от назначенной меры уголовной ответственности, но и от тяжести совершенного преступления, что подразумевает введение определенных минимальных сроков погашения судимости для всех осужденных, независимо от того, назначено им наказание и испытание или нет. Эти сроки целесообразно скорректировать таким образом, чтобы они давали удвоение возможных сроков судимости для осужденного за более тяжкое преступление (сроки погашения судимости в этом случае составили бы соответственно 2,5 года, 5, 10 и 20 лет);
- г) в отдельной части статьи указать, что объем правоограничений судимости не исчерпывается предписаниями, содержащимися в уголовном законодательстве, а включает в себя иные ограничения прав и свобод, установленные законами Российской Федерации.

Подобный вариант установления содержания судимости мог бы рассматриваться как переходный до проведения ревизии всех законов, содержащих правоограничения для лиц, имеющих судимость, и установления исчерпывающего перечня таких правоограничений в будущем Уголовном кодексе Российской Федерации. В нем институт судимости следует представить в одной или нескольких статьях в соответствии со следующими положениями:

- а) сроки погашения и снятия судимости исчисляются не с момента отбытия наказания или окончания срока испытания, а с момента вступления обвинительного приговора в законную силу;
- б) срок судимости зависит только от тяжести совершенного преступления;
- в) сроки погашения судимости установлены таким образом, чтобы они превышали не только максимальные сроки лишения свободы, установленные за совершение единичного преступления определенной категории тяжести, но и возможные максимальные сроки этого наказания при назначении наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Например, за основу можно взять срок погашения судимости при осуждении за преступление небольшой тяжести в пять лет и применительно к каждой следующей более тяжелой категории преступления увеличивать срок погашения судимости вдвое;

г) приведены исчерпывающие перечни правоограничений судимости для осужденных за каждую категорию преступлений. Причем базовый объем правоограничений для осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести дополняется при переходе к каждой более тяжкой категории преступлений.

**С. А. Никифорова**

## **КОНЦЕПЦИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Э. Н. БЕРЕНДТСА**

В условиях модернизации государственно-правовой системы реорганизации подвергается система органов государственной власти. Избрание оптимальной модели организации и функционирования органов государственной власти, определение компетенции государственных органов и принципов их взаимодействия будут иметь лучший результат, если их осуществлять с учетом опыта государственного строительства, накопленного на различных этапах исторического развития государства. Богатое теоретическое наследие, позволяющее совершенствовать общественную жизнь и государственное управление в XXI в., оставили российские ученые-юристы конца XIX – начала XX вв.<sup>1</sup> Одним из представителей плеяды ярких отечественных мыслителей был ученый, государственный и общественный деятель Э. Н. Берендтс (1860–1830).

Э. Н. Берендтс не мог остаться в стороне от проблемы реорганизации центральных учреждений государственной власти России. В статье «О верхней палате», опубликованной в 1906 г. в газете «Северянин», он выразил свое критичное отношение к реорганизации Государственного Совета.

В соответствии с Манифестом от 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного Совета и пересмотра Учреждения Государственной Думы» Государственный Совет был преобразован в верхнюю палату законодательного органа Российской империи. С того момента никакой законопроект не получал дальнейшего развития после его отклонения Государственным Советом. Преобразования также коснулись и состава членов Государственного Совета, который стал состоять не только из назначенных императором чиновников, но и из выборных лиц. Причем количество назначенных членов не должно было превышать общего числа членов по выборам<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См., напр.: *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 66.

<sup>2</sup> *Манифест.* Об изменении Учреждения Государственного Совета и пересмотра Учреждения Государственной Думы от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. 1906–1909. Т. XXVI, № 27423. С. 11.

Э. Н. Берендтс опасался, что назначаемая половина членов палаты будет голосовать по указу свыше<sup>3</sup>. Хотя назначаемых членов Государственного Совета было значительно больше выборных, на общих заседаниях Совета должно было присутствовать равное число парламентариев по выборам и по назначению<sup>4</sup> (таким образом, назначаемые члены Государственного Совета делились на присутствующих и не присутствующих на заседаниях Совета).

Э. Н. Берендтс в статье «О верхней палате» предлагал иную организацию Государственного Совета. Он считал, что данный государственный орган полностью должен состоять из выборных должностей: ученых, представителей губернских земств и национальностей, количество которых должно быть пропорционально численности представляемых. Под представителями Э. Н. Берендтс подразумевал высокообразованных лиц, хорошо знающих проблемы и способных отстоять интересы той социальной группы, которую должны были репрезентировать<sup>5</sup>.

Э. Н. Берендтс был сторонником создания двухпалатного парламента. Говоря об устройстве и широте прав верхней или нижней палаты, он полагал, что России необходимо учесть опыт Швеции, где обе палаты рейхстага имели одинаковые во всех отношениях права<sup>6</sup>. Ученый не случайно выбрал Швецию в качестве примера. Социальная структура шведского общества была близка структуре общества российского: в обеих странах большинство населения составляли крестьяне (в Швеции 83% населения были крестьяне-земледельцы). Равноправие верхней и нижней палаты парламента Швеции не стало тормозом в социально-правовом развитии крестьян, а, наоборот, способствовало просвещению и развитию правовой культуры всего населения. «Высокий уровень шведской культуры, довольство широких масс населения, ширь народного просвещения доказывают, что этот факт политической жизни политическому прогрессу помех не чинил», — подчеркивал Э. Н. Берендтс<sup>7</sup>.

Как должен был работать Государственный Совет в Российской империи? После реорганизации структура Государственного Совета включала: 1-й департамент, который занимался рассмотрением дел по административным, гражданским и судебным вопросам; 2-й департамент — по отчетам финансово-кредитных учреждений и дел о строительстве железных дорог, об отводе и продаже участков казенных земель; Государственную канцелярию; Финансовую комиссию для предварительного рассмотрения проектов госу-

---

<sup>3</sup> Берендтс Э. Н. О верхней палате (I) // Северянин. 1906. 14 мая. № 60. С. 1.

<sup>4</sup> Арчegov С. Б. Верхняя законодательная палата Российской Империи по учреждению Государственного Совета 1906 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Вып. 3. С. 4.

<sup>5</sup> Берендтс Э. Н. Указ. соч. С. 1–2.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Берендтс Э. Н. О верхней палате // Северянин. 1906. 17 мая. № 62. С. 1–2.

дарственной росписи доходов и расходов, смет и чрезвычайных расходов; Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев<sup>8</sup>.

Рассуждая о функциях Государственного Совета, Э. Н. Берендтс имел в виду, что в соответствии с Манифестом «Об изменении Учреждения Государственного Совета и пересмотра Учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 г. законодательные предложения рассматривались первоначально в Государственной Думе и по ее одобрению поступали в Государственный Совет<sup>9</sup>. Берендтс рекомендовал изменить такой порядок законотворчества и предлагал обсуждать в Государственном Совете законопроекты, которые должны были быть выработаны в Совете министров до внесения их на рассмотрение Государственной Думой.

Следует отметить, что Государственный Совет ученый видел не только как высший законосовещательный орган, но и как высший орган административной юстиции, а именно коллегии, решающей в последней инстанции споры о праве в области управления, к которой должны были перейти функции I и II департаментов Сената<sup>10</sup>. Э. Н. Берендтс полагал, что Государственный Совет должен стать высшим органом, контролирующим соблюдение законности в системе государственного управления, и высшим законосовещательным органом. Только в таком качестве, по мнению ученого, Государственный Совет мог оказать существенное влияние на преобразование отечественной государственно-правовой системы и построение в России правового государства.

## **М. Ю. Осипов**

### **О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОТРАСЛЬ ПРАВА» И «ОБЛАСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»**

Одной из важнейших категорий в теории права является система права. *Система права — это совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных между собой элементов: норм права, институтов права, подотраслей права, отраслей права, межотраслевых образований.* Таким образом, элементами системы права являются: а) нормы права; б) институты права; в) отрасли права; г) межотраслевые образования.

---

<sup>8</sup> Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 126–144.

<sup>9</sup> Манифест. Об изменении Учреждения Государственного Совета и пересмотра Учреждения Государственной Думы от 20 февраля 1906 г. С. 11.

<sup>10</sup> Берендтс Э. Н. О верхней палате. С. 2.



В настоящее время в юридической литературе наблюдается дискуссия о существовании так называемых комплексных отраслей права. Одни ученые их отрицают<sup>1</sup>, другие авторы признают их право на существование<sup>2</sup>.

Те, кто отрицает существование комплексных отраслей права, говорят о том, что «отрасли права в определенном смысле обособлены друг от друга, что не позволяет называть комплексные образования отраслями права, поскольку в противном случае пришлось бы согласиться, что отрасли бывают как обособленные, так и необособленные, что может привести к размыванию специфики одной из важнейших категорий юриспруденции»<sup>3</sup>.

Согласно иной позиции, «сложная правовая природа отдельных норм, связанная с их одновременной принадлежностью нескольким отраслям права, получила в общей теории права название “двойной прописки”»<sup>4</sup>.

По нашему мнению, если рассматривать отдельную норму права вне связи с другими нормами права, определение отраслевой принадлежности норм права в ряде случаев может вызвать затруднение. Дело в том, что, в отличие от отрасли права, норма права, взятая сама по себе, общественные отношения не регулирует. Она устанавливает либо субъективные права, либо юридические обязанности, и тогда она выступает в роли конкретно регулятивной нормы права: управомочивающей, обязывающей и запрещающей или как мера защиты и мера ответственности (и тогда она выступает в роли охранительной нормы права), либо она устанавливает принципы, цели, задачи правового регулирования отдельных общественных отношений, правила разрешения коллизий (в этом случае такая норма носит общерегулятивный характер).

Возникает вопрос, к какой отрасли права относятся нормы, регулирующие общественные отношения в сфере образования, науки и культуры, здравоохранения, обороны и безопасности, информации и информатизации, фи-

---

<sup>1</sup> *Протасов В. Н.* Теория права и государства : конспект лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 149 ; *Байтин М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 298–308 ; *Его же.* Система права: к продолжению дискуссии // *Гос-во и право.* 2003. № 1. С. 30 ; *Корякин В. М.* К вопросу о комплексных отраслях отечественной правовой системы (на примере военного права) // *Российский журнал правовых исследований.* 2015. № 1(2). С. 40–48.

<sup>2</sup> *Байтин М. И.* Система права: к продолжению дискуссии. С. 30 ; *Дякина И. А.* Службное право как комплексная отрасль права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 38 с ; *Попов Л. Л.* Военное право : учебник. М., 2008. 576 с. ; *Сырых В. М.* Введение в теорию образовательного права. М., 2002. 400 с. ; и др.

<sup>3</sup> *Байтин М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. С. 298–308 ; *Корякин В. М.* Указ. соч. С. 40–48.

<sup>4</sup> См., напр.: *Алексеев С. С.* Избранное. М., 2003. С. 79.

зической культуры и спорта, туризма, предпринимательской деятельности, правосудия, прокуратуры и др.

Полагаем, указанные общественные отношения регулируются соответствующими отраслями права при наличии одного условия — специфических норм, не относящихся ни к одной другой отрасли права.

В юридической литературе нет однозначного ответа на вопрос, каков критерий отграничения комплексных отраслей права от базовых. На наш взгляд, к базовым отраслям права следует отнести такие отрасли права, которые регулируют специфические общественные отношения, не входящие в предмет другой отрасли права. Подавляющее большинство норм и институтов права носит специфический характер.

К комплексным отраслям права следует отнести те отрасли права, для которых характерны следующие особенности: а) наличие специфических общественных отношений, обусловленных специфическим видом деятельности, подлежащим правовому регулированию, но которые, в отличие от базовых отраслей права, могут входить в предмет иных отраслей права; б) наличие специфических норм и институтов права, нехарактерных для других отраслей права.

Полагаем, к числу комплексных отраслей права можно отнести следующие: муниципальное право; жилищное право; право внешнеэкономической деятельности; таможенное право; право окружающей среды; информационное право; образовательное право; научное право (право, регулирующее общественные отношения в сфере науки); культурное право (право, регулирующее общественные отношения в сфере культуры); военное право; медицинское право; спортивное право; туристическое право; военное право; право органов юстиции; адвокатское право; нотариальное право; международное частное право.

Наряду с отраслями права можно выделить области правового регулирования. Для областей правового регулирования общественных отношений характерны следующие особенности:

1) наличие специфического объекта правового регулирования: вида деятельности, порождающего общественные отношения, входящие в предмет правового регулирования;

2) отсутствие или незначительное количество специфических норм и институтов права, которые не позволяют говорить о наличии комплексной отрасли права;

3) наличие органического сочетания норм различных отраслей права, которые регулируют общественные отношения, возникающие в ходе осуществления деятельности, входящей в объект правового регулирования;

4) осуществление правового регулирования этих отношений на уровне системы права в целом. Примером области правового регулирования может служить предпринимательское право.

В заключение необходимо отметить, что указанные критерии позволяют четко разделять базовые и комплексные отрасли права, а также выделять области правового регулирования, не относящиеся к той или иной отрасли права.

**А. В. Попова**

## **ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ НЕОЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА**

Проблема взаимосвязи личности, общества и государства в трудах отечественных либералов и неолибералов занимала одно из главных мест, в силу того что гарантированная государством система прав и свобод человека и гражданина получила окончательное законодательное закрепление только в начале XX в. Если для западноевропейской традиции в эпоху становления классического либерализма в качестве неотъемлемого элемента взаимоотношений личности и государства рассматривалось право индивида на революцию, то для отечественного либерализма и неолиберализма наиболее приемлемым считался мирный, эволюционный путь развития.

В конце XIX в. существующие политико-правовые доктрины «сходились и примирались в солидарном стремлении отстоять и обосновать индивидуализм»<sup>1</sup>. Такое стремление, по мнению исследователей либеральной политико-правовой мысли, было обосновано тем, что «любая личность, являясь частью общества, испытывает на себе воздействие и становится похожей на других индивидов»<sup>2</sup>, но вместе с тем каждой личности присущ индивидуализм, который делает ее «своеобразной и неповторяющейся особью»<sup>3</sup>.

Неолиберальное представление о государстве, обществе и праве как отдельных, но взаимосвязанных и взаимодействующих между собой сфер человеческой жизнедеятельности привело к необходимости теоретического осмысления различных форм такого взаимодействия. К ним можно отнести соотношение государства (власти) и права и в первую очередь субъективного права, выражающегося в системе прав и свобод личности. Неолиберальные мыслители полагали, что гарантией правового характера государственной власти выступает обеспечение неприкосновенности и свободы личности,

---

<sup>1</sup> Кистяковский Б. А. *Философия и социология права*. СПб., 1999. С. 294.

<sup>2</sup> Там же. С. 300. Подробнее см.: Петровская О. В. *Эволюция российской государственности на рубеже XVIII–XIX веков: либеральная и консервативная тенденции* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 241 с.

<sup>3</sup> Новгородцев П. И. *Кризис современного правосознания*. М., 1909. С. 58 ; Кистяковский Б. А. *Указ. соч.* С. 300–301.

ставившее решение проблемы соотношения личности и государства в центр внимания неолиберальной политико-правовой мысли.

Абсолютное понимание свободы не могло соотноситься с понятием государства, так как свобода личности предопределяет форму государства, наполняя ее содержанием и определяя ее ценностную сущность. П. И. Новгородцев считал, что человек как существо «общежительное» стремится жить в обществе, которое прививает людям стремление обладать одними и теми же благами, предметами. Такое состояние вызывает известное разногласие, следствием чего является невозможность установить единые критерии для реализации человеческих потребностей<sup>4</sup>.

Новым в трактовке прав человека стало теоретическое обоснование необходимости существования взаимосвязи системы прав и обязанностей индивида и государства. В отличие от либеральной доктрины, утверждавшей невмешательство государства не только в экономическую, но и в социальную сферы жизни общества, российский неолиберализм утверждал взаимные «правопритязания» каждого отдельного индивида и государства. Поэтому у государства, наряду с негативными правомочиями по отношению к свободе личности, выражающимися в создании запрещающих норм права, возникают обязанности обеспечить право каждого на достойное человека существование, которые не носят отрицательного характера. Достижение действительного статуса неприкосновенности личности в государстве — главная причина конституционной революции. Ее целью должно стать обновленное социальное правовое государство, в котором основными правами человека, наряду с реализацией права неприкосновенности личности, будет право на достойное человека существование. В этом случае государство принимает на себя обязанность заботиться о материальных условиях существования членов общества<sup>5</sup>, что подразумевает реальное совмещение правовых установлений с идеей всеобщего блага. Данный тезис стал предвестником теории государства всеобщего благоденствия, получившей развитие во второй половине XX в.

В целях построения сильного гражданского общества государственная власть в соответствии с российской неолиберальной доктриной обязана гарантировать каждому человеку право на достойное существование в качестве основы для остальных прав личности как своеобразный критерий для различения сфер действия общественного и индивидуального интересов. Обеспечение индивидам достойного существования в определенном обществе вызвало бы изменение правового положения личности в государстве и содержания систе-

---

<sup>4</sup> Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1913. С. 111.

<sup>5</sup> Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. СПб., 1911. С. 6.

мы прав и свобод: социальные (публичные) права займут большее по объему место, чем личные и политические (гражданские). Таким образом, государство обязывается не вмешиваться в «сферу личной и общественной жизни», но в то же время провозглашается право индивида на государственное обеспечение ему нормальных условий экономического и духовного существования<sup>6</sup>.

В результате деления общества на разные группы и слои, по мнению П. И. Новгородцева, в государстве будет происходить столкновение уже не личных интересов, а групповых, что может привести к изменению всех основ общественного устройства. Средствами для создания общественного порядка он считал нравственность и право, призванные ограничивать действия людей, принося мир и порядок в их взаимоотношения. Главное же предназначение нравственности и права, на взгляд ученого, заключается в противопоставлении требований общего блага и справедливости эгоизму частных стремлений<sup>7</sup>. Выделяя отдельные этапы в развитии права и нравственности, П. И. Новгородцев отмечал, что на этапе генезиса общественной жизни право и нравственность представляют единое целое, но с возникновением государства такое единство нарушается и начинается их разъединение по различным сферам жизни общества. Но общество представляет собой единый целостный организм, поэтому неразрывная связь между нравственностью и правом априорна, и прогресс в одной сфере жизни общества изменяет и другую.

В целях построения теоретической базы для развития гражданского общества и социального правового государства российские неолиберальные мыслители полагали необходимым в рамках единой доктрины синтезировать такие постулаты, как свобода личности и общегосударственные ценности. Развитие системы субъективных прав они считали доказательством формирования и развития гражданского общества в России, так как индивиды, обретая личную свободу, получали возможность реализовать себя во всех сферах общественной жизни. Такое общество возникает и развивается «в той искусственной сфере, которая создается государством, его устройством, его законами, его управлением», поэтому «внегосударственное общество точно такая же фикция, как внегосударственный индивид»<sup>8</sup>, а следовательно, зависит от него в процессе своего развития. Однако неолибералы определяли

---

<sup>6</sup> Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 538.

<sup>7</sup> Новгородцев П. И. Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам / под ред. Ю. С. Гамбарова. СПб., 1899. С. 115.

<sup>8</sup> См., напр.: *Проект* основных положений законов о гражданском равенстве ; *Проект* основных положений об отмене ограничений в политических и гражданских правах, связанных с вероисповеданием и национальностью ; *Проект* закона о свободе совести // Конституционно-демократическая партия. Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н. И. Астрова [и др.]. СПб., 1907. 386 с.

основным элементом становления гражданского общества изменение в общественном сознании, когда простой обыватель превращается в гражданина, занимающего активную общественную позицию. Поэтому становление гражданского общества зависит как от государства, создающего юридические рамки развития его структурных элементов, так и от общественного сознания, выражающегося в особом правосознании и правовой культуре, от уровня которых зависит степень развития и общества.

В целом представители различных течений неолиберальной политико-правовой доктрины исходили из идеи взаимосвязанности общественных реформ и совершенствования человеческой личности. Необходимость сочетания правовых учреждений с нравственными силами общества признавалась определяющим фактором для решения насущных задач российской действительности. В отличие от классического либерализма, утверждавшего невмешательство государства в определенные сферы жизни общества, в неолиберализме взаимные «правопритязания» граждан и государства полагались необходимыми. Неолиберальные мыслители приходили к пониманию того, что сочетание государственных интересов и интересов личности, выступающих выражением этических начал общественного блага и свободного развития личности, обязательно. Личность представлялась ими правовой самоценностью, в которой определяющим было право на индивидуальность и самобытность каждого человека во всем богатстве интересов и потребностей.

**Д. В. Рыжов**

## **СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

С давних времен суд занимал неоспоримо значимое место в любом государстве. Государственность и право — неотъемлемые части единого целого. На протяжении длительного времени судоустройство и судопроизводство не оставались неизменными. Большое влияние на них оказывали социально-экономические и политические факторы.

В историко-правовой науке вопрос о терминологическом обозначении актов отечественного законодательства XVIII–XIX вв. до настоящего времени рассматривался главным образом в рамках классификации форм данных актов. При этом речь шла преимущественно о классификации законов. Впервые такая классификация была предложена М. Ф. Владимирским-Будановым, который выделил три разновидности законов XVIII–XIX вв.: уставы, регламенты и указы<sup>1</sup>. Аналогичную классификацию в 1899 г. привел В. Н. Лат-

---

<sup>1</sup> Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 274–275.

кин, но при этом к третьей разновидности законов, наряду с указами, он отнес также инструкции и манифесты<sup>2</sup>.

Отечественными правоведами подобная классификация представляется не совсем верной. Так, О. А. Омельченко высказал мнение, что формами законодательных актов в этот период являлись только манифесты и именные указы, которые дополнительно содержали уставы, регламенты, учреждения<sup>3</sup>. В исследованиях последнего времени к законодательным актам были отнесены, во-первых, указы, во-вторых, уставы (артикулы) и, в-третьих, регламенты, учреждения, образования<sup>4</sup>.

Однако если отнесение к числу законов актов, обозначенных в подлиннике терминами «устав», «регламент» и «учреждение», видится допустимым, то ситуация с документами, озаглавленными как «указ», выглядит по-иному. В этот период термин «указ» действительно употреблялся время от времени для обозначения законодательных актов. Так, Закон от 17 марта 1714 г. о фискальной службе Петр I назвал «Указ о фискалах и о их должности и действии»<sup>5</sup>.

Отметим, что начиная с первой четверти XVIII в. указы могли исходить и от судебных органов. В это же время появился термин «приговор», но он использовался несколько в другом смысле, чем сейчас, и означал любое по содержанию решение, вынесенное органом власти, который имел коллегиальное устройство. Акты, именуемые приговорами, тогда оформляли Сенат, Высший суд, коллегии, следственные канцелярии, надворные и провинциальные суды<sup>6</sup>.

Рассмотрим основные научные направления, изучавшие законодательные основы судебных реформ в России. Отметим, что судебные реформы привлекали внимание авторов еще дореволюционного периода. Историки права прошлого исследовали как отдельные институты судостроительства и судопроизводства, так и историю судебной системы в целом. В их ряду выделяются работы Н. П. Загоскина, труды которого сделали эпоху в науке истории отечественного права<sup>7</sup>. Для современной науки истории отечественного госу-

---

<sup>2</sup> Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 16, 24, 28.

<sup>3</sup> Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии. М., 1989. С. 5.

<sup>4</sup> Ромашов Р. А., Муртазаева Г. Н. Законы Российской империи: проблемы понимания и классификации // История государства и права. 2007. № 8. С. 18.

<sup>5</sup> Законодательные акты Петра I. М., 2007. С. 333.

<sup>6</sup> Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-юридическое исследование. М., 2008. С. 23.

<sup>7</sup> Загоскин Н. П. История права русского народа : лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. Т. I. 528 с. ; *Его же*. Курс истории русского права. Казань, 1906. 336 с. ; и др.

дарства и права особый интерес представляют выводы автора об основных источниках судебного права Российского государства: грамоты (уставные, жалованные, данные, губные, таможенные); уставные книги приказов и коллегий; законодательная деятельность государства.

Одним из ярких представителей русской научной школы является Д. И. Мейер, издавший в 1855 г. в Казани «Юридический сборник», в котором были собраны статьи по истории права П. Чоглокова, В. Кури, А. Станиславского, С. Капустина, О. Бржозовского, К. Киндякова, М. Чулкова и Е. Осокина<sup>8</sup>, до настоящего времени не потерявшие своей актуальности.

Истории судебных инстанций было посвящено обширное исследование Ф. М. Дмитриева<sup>9</sup>. В историко-правовом исследовании В. Сокольского освещалась история повального обыска: он определил значение главнейших моментов данного следственного действия, заложив тем самым основание для дальнейшей разработки этого вопроса<sup>10</sup>. Для нас труд ученого представляет интерес и в том плане, что в нем анализируются важнейшие законы о повальном обыске XVIII – начала XIX вв., а также эволюция этого института в связи с принятием Свода законов Российской империи первой трети XIX столетия.

Аналогичный характер носит работа П. И. Числова, в которой нас интересует анализ источников права, сделанный автором, начиная с удельно-вечного периода и заканчивая периодом правления императрицы Екатерины II<sup>11</sup>.

После издания Свода законов 1832 г. выходит ряд трудов, посвященных уголовному судопроизводству. Среди них следует выделить исследование Я. Баршева, который впервые вывел четкую систему отправления правосудия начала XIX в.<sup>12</sup>

Реформа 1864 г. вызвала всплеск интереса к проблемам новой судебной системы России. В это время выходит ряд работ, посвященных как правовым основам ее проведения, так и ее основополагающим принципам<sup>13</sup>. Некото-

---

<sup>8</sup> *Юридический сборник*, изданный Дмитрием Мейером, ординарным профессором Императорского Казанского Университета, доктором юридических наук. Казань, 1855. 587 с.

<sup>9</sup> *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899. 592 с.

<sup>10</sup> *Сокольский В.* Главнейшие моменты в истории повального обыска. Киев, 1871. 158 с.

<sup>11</sup> *Числов П. И.* Курс истории русского права. М., 1914. 370 с.

<sup>12</sup> *Баршев Я.* Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. 385 с.

<sup>13</sup> *Головачев А. А.* 10 лет реформ. 1861–1871. Отд. 3. Суд. Реформа. СПб., 1872. 402 с.; *Бернашевский А. Г.* Суд в старину и в наше время. М., 1912. 75 с.; *Бразоль Б. Л.* Очерки по следственной части: История. Практика. Пг., 1916. 215 с.; *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905. 267 с.; *Джанишев Г. А.* Страница из истории судеб-



рые авторы рассматривали изменения в уголовном и гражданском судопроизводстве, как в общих судах, так и в мировых судебных установлениях<sup>14</sup>.

Для нашей темы представляют интерес и работы авторов, непосредственно участвовавших в разработке основных положений Судебных Уставов 1864 г. Одним из них был Н. А. Буцковский. Изданный им обширный сборник анализирует большинство вопросов и проблем нового судебного строя пореформенной России<sup>15</sup>. Основное внимание автор уделил кассационному производству, суду с участием присяжных заседателей, а также деятельности органов прокуратуры как надзорного органа. Такое же непреходящее значение имеют труды И. Я. Фойницкого, В. К. Случевского, С. Г. Щегловитова, С. В. Познышева и Н. Н. Розина — выдающихся ученых-криминалистов конца XIX — начала XX вв.

Судебной реформе 1864 г. были посвящены исследования С. Г. Громачевского и М. А. Филиппова<sup>16</sup>. Так, работа М. А. Филиппова содержит исторический и теоретический обзор судоустройства и судопроизводства — уголовного, гражданского, военного, морского, коммерческого и межевого. Исследование С. Г. Громачевского представляет собой практический комментарий к Учреждению судебных установлений. Ответственность судей и иных лиц, входящих в судебное ведомство, за должностные преступления была подробно описана в работе А. Бардзкого<sup>17</sup>. При изучении преступлений, совершаемых должностными лицами судебного ведомства, автор привлек обширную судебную практику по рассматриваемому вопросу.

---

ной реформы: Д. Н. Замятин. М., 1883. 157 с.; *Змирлов К. П.* Учреждение судебных установлений, измененное и дополненное законом о преобразовании местного суда. СПб., 1913. 485 с.; *Титов А. А.* Реформы Александра II и их судьбы. М., 1910. 200 с.

<sup>14</sup> *Даневский В.* В защиту выборного мирового института // Журнал уголовного и гражданского права. 1888. Кн. 9. С. 92–105; *Дорошков В. В.* Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. М., 2001. 272 с.; *Духовской М. В.* Русский уголовный процесс. М., 1908. 448 с.; *Исаченко В. Л.* Мировой суд. Практический комментарий на первую книгу Устава гражданского судопроизводства. СПб., 1913. 904 с.; *Мокринский С. П.* Выборный мировой суд // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Пг., 1914; *Неклюдов Н. А.* Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1867. Т. 1. 839 с.; *Познышев С. В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 337 с.; *Полянский Н. Н.* К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении. М., 1915. 27 с.

<sup>15</sup> *Буцковский Н. А.* Очерки судебных порядков по Устам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874. 632 с.

<sup>16</sup> *Филиппов М. А.* Судебная реформа в России. СПб., 1875. 340 с.; *Громачевский С. Г.* Учреждение судебных установлений. СПб., 1897. 496 с.

<sup>17</sup> *Бардзкой А.* Об ответственности должностных лиц судебного ведомства за преступления и проступки по службе. Тула, 1884. 465 с.

Большой интерес вызывала судебная реформа 1864 г. и в советской историографии. При этом советские исследователи — историки права — связывали организацию правосудия в пореформенный период с социальными и экономическими преобразованиями, в частности с крестьянской реформой 1861 г.

В начале 1990-х гг. в Российской Федерации началось проведение судебной реформы. В связи с этим научный интерес к проведению судебных преобразований второй половины XIX в. снова достиг своего пика. Появление работ, подкрепленных широкой эмпирической базой и отличающихся объективностью в изучении прошедших преобразований в реформировании судебной системы, а также использование большого количества новых источников, впервые введенных в научный оборот, — характерные черты научных исследований конца XX в. Среди них следует отметить труды Н. Н. Ефремовой, М. В. Немытиной, С. В. Лонской, Н. Э. Холявицкой. Материалы, представленные в них, сыграли большую роль в объективном рассмотрении как судебной реформы 1864 г., так и периода, когда ее основные положения были изменены. Однако отметим, что основной акцент в данных работах делался именно на судебной реформе 1864 г.

Несмотря на обширный пласт научной литературы, проблема отражения в законодательстве Российской империи преобразований в судебной системе не нашла полного разрешения в исследованиях и дореволюционных и современных авторов. Изучение правовых основ проведения судебного реформирования в России XVIII–XIX вв. является актуальным для современной историко-правовой науки.

**Л. Г. Свечникова**

## **ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII–XIX ВЕКОВ**

Полицейские органы возникли в 1718 г. с введением в Санкт-Петербурге должности генерал-полицмейстера. В императорском указе закреплялись основные обязанности городской полиции, в основном заключавшиеся в охране безопасности. Следует отметить, что предварительные следственно-розыскные действия в дореформенный период также входили в компетенцию полиции, что впервые было сформулировано 25 мая 1718 г. в «Пунктах, данных Санктпетербургскому генерал-полицмейстеру»<sup>1</sup>.

В следующем году в «Наказе воеводам» впервые упоминается термин «земская полиция», в обязанность которой, помимо охраны общественного порядка, входило и решение вопросов благоустройства.

---

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (далее — ПСЗРИ-1). Т. V. № 3203.

Значительные изменения в деятельности полицейских органов были произведены Уставом 1721 г. 16 января 1721 г. Петр I ввел в структуру государственного аппарата органы полиции, закрепив в Регламенте, или Уставе главного магистрата, их основные задачи и функции: «...она способствует в правах и правосудии; рождает добрые порядки и нравоучения; всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников, обманщиков и сим подобных; непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу; чинить добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей; города и в них улицы регулярно сочиняет; препятствует догозовизне и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой; предостерегает все приключившиеся болезни; производит чистоту по улицам и в домах; запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения; призывает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих; защищает вдовиц, сирых и чужестранных; в кратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности»<sup>2</sup>.

Основной задачей полиции как органа центрального управления являлась охрана существующего порядка, вследствие чего первостепенное внимание уделялось расследованию государственных преступлений. Начиная с этого времени круг обязанностей полицейских органов постоянно менялся. И только в 1766 г. в Наказе от 14 декабря, данном Комиссии по составлению нового Уложения, были определены задачи полицейских органов, где одной из первых стало «благочиние».

В Учреждении для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. законодатель уже более подробно прописал функциональные обязанности полицейских органов. Полиция с этого времени стала находиться в ведении губернского управления. Были определены губернские и уездные органы полиции, однако четкого закрепления ее правового положения в системе правоохранительных органов так дано и не было. Туманный термин «благочиние» подразумевал охрану общественного порядка и обеспечение безопасности, но каким образом, в законе не прописывалось.

Отметим, что в период правления Екатерины II произошло окончательное реформирование органов полиции, юридическое закрепление системы местной полиции в виде нижних земских судов<sup>3</sup>. Следствием стало разделение уголовного судопроизводства на три самостоятельные ветви, подробно охарактеризованные В. Линовским: «Эти три составные части уголовного судопроизводства были известны в нашем праве с самого установления

---

<sup>2</sup> Там же. Т. VI. № 3708.

<sup>3</sup> *Устав* благочиния, или полицейский от 8 апреля 1782 г. // Там же. Т. XXI, № 15379.

следственного процесса, но точное их разграничение, собственно, принадлежит императрице Екатерине, которая следствие и исполнение приговора поручила следственным установлениям, а суждение уголовных дел предоставила судебным местам»<sup>4</sup>.

В обязанности полицейских чиновников вменялось приведение исполнения постановлений судебных мест, а также проведение следствий по уголовным делам. Функции управления полицией передавались губернаторам и губернским правлениям. Структура полиции различалась в зависимости от местности. В селах полицейские функции, в том числе производство следствия по уголовным делам, а также судебные функции осуществлял нижний земский суд<sup>5</sup>. В городах полицейские органы назывались управами благочиния, возглавляемые городничими.

В 1782 г. был издан Устав благочиния, или полицейский и Наказ управы благочиния — документы, которые должны были, с одной стороны, определить организацию полиции, с другой — точно и полно сформулировать задачи, лежащие на полицейских органах.

С 1797 г. началась очередная перестройка организации городской, земской и сельской полиции. В первую очередь реорганизация коснулась городской полиции, позднее — земской и сельской.

Согласно Манифесту Александра I от 8 сентября 1802 г. «Об утверждении Министерств» руководство полицией осуществлялось второй экспедицией Департамента внутренних дел МВД<sup>6</sup>. В 1811 г. учреждается Министерство полиции<sup>7</sup>, второе Отделение исполнительного Департамента которого осуществляло контроль и надзор за деятельностью полиции в сфере уголовного судопроизводства.

В дореформенный период расследование по уголовным делам в большинстве случаев осуществлялось полицейскими чинами — следственными приставами уголовных дел (в крупных городах), квартальными надзирателями, полицмейстерами, частными и следственными приставами, в сельской местности — становыми приставами и другими полицейскими чинами, состоящими на службе в отделениях земских судов и управ благочиния<sup>8</sup>.

В соответствии с Указом императора Александра II от 8 июня 1860 г. следствие было отделено от полиции. Утвержденные императором Учреждения

---

<sup>4</sup> *Линовский В. А.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 40–41.

<sup>5</sup> *Волчкова А. А.* Институт судебных следователей в дореволюционной России: историко-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 15–16.

<sup>6</sup> *ПСЗРИ-I*. Т. XXVII, № 20406.

<sup>7</sup> *Манифест «Учреждение Министерства полиции»* от 26 июня 1811 г. // Там же. Т. XXXI, № 24687.

<sup>8</sup> *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 13.

судебных следователей<sup>9</sup>, Наказ судебным следователям<sup>10</sup>, Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления и проступки<sup>11</sup>, представляли ту правовую основу, на которой стала строиться новая конструкция предварительного расследования уголовных дел.

Итак, на смену полицейским чиновникам пришли судебные следователи, деятельность которых регламентировалась законодательными актами Российской империи общего и частного характера (актами, регулирующими общие полномочия следователей в сфере отправления предварительного расследования, и актами, закрепляющими полномочия и деятельность судебных следователей в округе судебной палаты и окружных судов).

В соответствии со ст. 258 Устава уголовного судопроизводства: «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как то: в осмотрах, в освидетельствовании, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя»<sup>12</sup>. Согласно норме этой статьи полицейские чины могли производить предварительное дознание, но эта же статья запрещала полиции проводить формальные допросы и облекать их в форму протокола, что влекло за собой юридическую недействительность производимых полицией следственных действий, которые в дальнейшем не могли являться средствами доказательств при рассмотрении дел в суде.

Каждый чиновник городской или земской полиции, а также сельские старшины и другие должностные лица, исполняющие полицейские обязанности, были обязаны передавать судебному следователю, в районе которого случилось преступление, «произведенное о совершившемся преступлении дознание», но не имели права проводить иные следственные действия.

Как уже было сказано, вместе с преобразованием общественного самоуправления (земская и городская реформы) и суда происходило реформирование полиции как органа безопасности. Несмотря на то что реформа была задумана как полная реорганизация органов полиции, она проводилась в одностороннем порядке. Внимание правительства фактически было сосредоточено только на увеличении личного состава полиции и на усилении полицей-

---

<sup>9</sup> Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXV, № 35890.

<sup>10</sup> Там же, № 35891.

<sup>11</sup> Там же, № 35892.

<sup>12</sup> Там же. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41476, ст. 258.

ской централизации. Благодаря значительному сокращению компетенции полиции она получила новые полномочия по охране и возможность воздействовать на юстицию и общественное самоуправление. И в этом — положительный итог всех проводимых преобразований в системе органов полиции XVIII–XIX вв.

**О. В. Семенова**

## **ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ**

В процессе своей жизнедеятельности люди сталкиваются с требованиями различных социальных норм — морали, обычаев, традиций, религии, этики, права и др. В этом ряду правовые нормы занимают особое место, выделяясь такими специфическими признаками, как формальная определенность, непосредственная связь с государством, особая значимость регулируемых общественных отношений.

Социальные нормы — это мерила общезначимого поведения, эталоны, стандарты, ориентируясь на которые члены общества формируют свое поведение. Поведение является важнейшей социальной характеристикой личности, отражающей ее реальные потребности и интересы и позволяющей определить ее отношение к социальной действительности<sup>1</sup>.

Ученые, исследующие проблемы поведения человека, указывают на наличие психологической и социологической характеристик поведения. Так, Д. А. Липинский отмечает, что «в общей психологии поведение определяется как присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованной их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью»<sup>2</sup>. В социальной психологии поведение определяется как «превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам»<sup>3</sup>.

Поведение может выражаться в различных высказываниях, оценках, суждениях людей (т. е. быть вербальным) либо в определенных действиях (т. е. быть практическим). Поступая определенным образом, человек руководствуется различными мотивами, которые сформировались у него в процессе его социализации (воспитания, обучения, взаимодействия с другими людьми и т. д.). При этом в одних случаях человек может поступать в соответствии со сложившимися в обществе закономерностями (социальными нор-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии права. М., 2009. 192 с.

<sup>2</sup> Цит. по: *Проблемы теории государства и права* : учебник / под ред. А. В. Малько. М., 2012. С. 466.

<sup>3</sup> Там же.

мами), в других — может их нарушать. В свою очередь общество оценивает поведение человека с точки зрения его соответствия или несоответствия сложившимся в данном социуме регуляторам (морали, традиции, обычаям, религии, праву и т. д.).

Государство как официальный представитель и гарант безопасности всего общества посредством права устанавливает границы социально значимого поведения людей и дает оценку их поступков через призму права. Поэтому юридический интерес к проблеме поведения предполагает выделение и формулировку только тех аспектов, которые непосредственно связаны с правовым воздействием и регулятивной природой права.

В теоретико-правовой науке эти аспекты поведения охватывает категория «правовое поведение». Как правило, в юридической литературе правовое поведение характеризуют как социально значимое, осознанное поведение лиц, урегулированное нормами права, создающее юридические последствия (позитивные или негативные)<sup>4</sup>.

Анализ правового поведения позволяет выделить следующие его признаки:

1. Социальная значимость: поведение безразлично для общества, в силу чего оно порождает определенную реакцию людей. Эта реакция может быть позитивной (если поведение оценивается как общественно полезное) либо негативной (если поведение представляет опасность для общества).

2. Сознательно-волевой характер: поведение может быть оценено с точки зрения права только в том случае, если субъект способен понимать характер и значимость общественных отношений, в которые он вступает, их последствия, а также самостоятельно осуществлять выбор варианта поведения. «В любом акте правового поведения обязательно проявляется правосознание действующего лица. Оно может характеризоваться знанием или незнанием конкретной нормы права, различной степенью правового и нравственного авторитета государственной власти и закона в глазах индивида, солидарностью данного индивида с действующими правовыми запретами и правовыми санкциями за их нарушение или же, напротив, с негативным отношением к тому и другому»<sup>5</sup>. В связи с этим вполне справедлив вывод о том, что «внут-

---

<sup>4</sup> См., напр.: *Теория государства и права* : учебник / М. Б. Смоленский [и др.]. 2-е изд., стереотип. Ростов н/Д, 2012. С. 421 ; *Актуальные проблемы теории государства и права* : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А. И. Бастрыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 331.

<sup>5</sup> *Арсентьева А. Г.* Правосознание как элемент нравственно-правовой культуры сотрудника органов внутренних дел современной России // *Актуальные проблемы теории и истории государства и права* : труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / науч. ред. Н. С. Нижник. СПб., 2012. С. 245.

ренной пружиной поведения людей является психология, которая отражает духовный мир человека»<sup>6</sup>.

3. Урегулированность поведения нормами позитивного права, на основе которых государство дает поведению правовую оценку. При этом правовая оценка поведения государством (соответствует поведению нормам права или противоречит им) лежит в основе подразделения правового поведения на правомерное и противоправное (правонарушение). Вместе с тем существует точка зрения, в соответствии с которой выделяются такие виды правового поведения, как правомерное, пограничное (маргинальное, девиантное, виктимное) правонарушение<sup>7</sup>. Посредством правовой оценки государство в необходимых случаях корректирует поведение участников общественных отношений в целях поддержания целостности и стабильности общественных отношений.

4. Наличие юридических последствий. Эти последствия могут носить позитивный характер (в случае его соответствия правовым предписаниям) либо негативный характер (в случае, если поведение нарушает правовые предписания). Данный признак в литературе иногда характеризуется как «гарантированность и стимулирование позитивных проявлений поведения и наказание отрицательных»<sup>8</sup>.

Таким образом, указанные выше признаки позволяют выделить правовое поведение среди множества видов социального поведения и рассматривать его как урегулированное нормами позитивного права сознательно-волевое социально значимое поведение людей, влекущее определенные юридические последствия.

## **А. В. Серов**

### **ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ НОРМ**

Осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), как и других видов правоохранительной деятельности, часто связано с существенным ограничением прав граждан. Это вызывает особое внимание к качеству и степени конкретизации правовых предписаний, закрепляющих такое ограничение. Вместе с тем уровень юридической техники в силу различных при-

---

<sup>6</sup> Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 5.

<sup>7</sup> Теория государства и права : учебник / М. Б. Смоленский [и др.]. 2-е изд., стереотип. С. 421.

<sup>8</sup> Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А. И. Бастрыкина. 3-е изд., перераб. и доп. С. 332.



чин не всегда является высоким. В подобных условиях повышаются требования к корректности толкования правовых норм.

Полагаем, что для оперативно-розыскной деятельности, так же как и в целом для регулирования охранительных отношений, связанных с деятельностью государства, его органов и должностных лиц<sup>1</sup>, характерен разрешительный тип правового регулирования, который выражается в условной формуле «Можно только то, что прямо разрешено законом»<sup>2</sup>. Такому типу правового регулирования, на наш взгляд, соответствует ограничительный вид толкования правовых норм. Следует отметить, что в оперативно-розыском законодательстве встречаются нормы, допускающие двоякое толкование, коллизии между нормами и т. д. Еще сложнее ситуации, когда в толкуемых нормах «буква закона» расходится с его «духом». В этих случаях, если речь идет о полномочиях правоохранительных органов, по общему правилу необходимо исходить из такого варианта толкования, который больше ограничивает их возможности по вторжению в сферу охраняемых прав, свобод и законных интересов граждан.

Проиллюстрируем данный тезис следующим примером. Часть 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» гласит, что «проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи... допускается на основании судебного решения»<sup>3</sup> и при наличии перечисленных в законе сведений. Буквальное толкование данной нормы не предполагает получения судебного решения на проведение мероприятий, ограничивающих право на тайну переговоров, не являющихся телефонными, а также тайну иных сообщений, если они не являются почтовыми, телеграфными или не передаются по сетям электрической и почтовой связи. При этом очевидно, что сформулированные абстрактно нормы права не всегда могут охватить все многообразие возможных жизненных ситуаций. Действительно, сообщения, на конфиденциальность которых рассчитывает отправитель, могут быть, например, оставлены надиктованными на диктофон, а тайные переговоры вестись с глазу на глаз, без использования телефона. Приведенное буквальное толкование оставляет обоснованный вопрос о том, что же фактически должен охранять оперативно-розыскной закон —

---

<sup>1</sup> URL : <https://slovari.yandex.ru/лица/Элементарные%20начала%20общей%20теории%20права/Тип%20правового%20регулирувания/> (дата обращения: 25.08.2015).

<sup>2</sup> *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 174-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тайну общения или технические средства связи. Полагаем, что первое. И именно из такого понимания данной нормы строится правоприменительная практика в отдельных регионах, когда судебные решения на проведение оперативно-розыскных мероприятий получаются и в некоторых ситуациях, формально не указанных в законе.

Вместе с тем в законодательстве об ОРД есть нормы, касающиеся социальной и правовой защиты должностных лиц оперативно-розыскных органов, а также конфиденентов, для которых разрешительный тип правового регулирования не характерен. Таким образом, обозначенный выше подход к толкованию не может рассматриваться в качестве строгого применительно ко всей отрасли законодательства.

Кроме того, полагаем, что рядовой оперуполномоченный не должен в сложных случаях брать на себя ответственность, связанную с интерпретацией правовых норм; ему следует исходить из их буквального толкования. Особенности применения вызывающих разночтение норм должны быть предметом рассмотрения руководителей органов, осуществляющих ОРД, контролирующих и надзирающих органов, а также предметом научных исследований. Указанные действия послужат предпосылкой к дальнейшему совершенствованию оперативно-розыскного законодательства.

**А. В. Сибилькова**

## **ПРИНЦИПЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ГИПНОРЕПРОДУКЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Президент Российской Федерации В. В. Путин на коллегии МВД России, прошедшей 4 марта 2015 г., отметил необходимость повышения уровня раскрываемости преступлений, для чего нужен кардинальный перелом, новое качество работы и органов МВД, и всей правоохранительной системы<sup>1</sup>.

При расследовании любого преступления информация, воспринимаемая органами чувств (зрением, слухом, обонянием) человека, присутствовавшего при его совершении, может существенно помочь в его раскрытии. В результате восприятия тех или иных объектов человеком в его памяти остается мысленный образ, который важно грамотно использовать для раскрытия преступления.

Предлагаем выделить три вида мысленного образа, которые могут определить особенности работы с ним:

— четкое, подробное представление об облике преступника;

---

<sup>1</sup> URL: <http://www.putin-today.ru/archives/9305> (дата обращения: 14.07.2015).

- представление об облике преступника в общих чертах;
- отсутствие представления о преступнике.

Наибольший интерес представляет третья ситуация. Известно, что объем воспринятой человеком информации определяется не только уровнем ее осознания. Немалая ее часть фиксируется на подсознательном уровне, и в обычном состоянии человек фактически не имеет к ней доступа, он даже не подозревает о наличии у себя определенных знаний. Однако в гипнотическом состоянии данные подсознательного уровня становятся более доступными для осознания и вербализации, что позволяет получать от опрашиваемых людей значительно более полную и достоверную информацию<sup>2</sup>. Таким образом, есть средство получения информации, которая не была осознана человеком, но была им воспринята, — это гипноз.

Вопрос о применении гипноза при расследовании преступлений уже долгие годы остается дискуссионным. Еще в 1927 г. В. М. Гаккебуш писал: «Мы в психотерапии давно уже для получения необходимых нам анамнестических сведений прибегаем к помощи гипноза (гипноанамнезу). Я считаю возможным применение гипноза в следствии для обнаружения истины. Необходимо только определить условия и установить границы возможного применения гипноза в интересующей нас области»<sup>3</sup>.

Правоохранительные органы США, Израиля, Великобритании, Канады, Австрии и других стран широко применяют метод гипнорепродуктивного опроса при раскрытии тяжких преступлений. Согласно зарубежным источникам его использование при опросе граждан позволяет получить дополнительно от 70 до 80% новой информации о криминальном событии, причем часть преступлений бывает раскрыта только благодаря использованию гипноза<sup>4</sup>.

В Российской Федерации применение гипноза регламентируется Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. и Инструкцией по применению гипноза, утвержденной НКЗ и НКЮ РСФСР 30 октября 1924 г. В данных нормативных правовых актах указано, что гипнотизирование допускается только с лечебной целью, только врачом и в соответствующих государственных лечебных и научных учреждениях. Таким образом, применение гипноза для получения информации, интересующей следствие, в настоящее время является незаконным, поскольку такая процедура отличается от лечебных целей. Однако такое положение, на наш взгляд, требует изменений, и приме-

---

<sup>2</sup> *Зубрилова И. С., Скрытников А. И.* Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел : метод. пособие. М., 2001. С. 75.

<sup>3</sup> *Гаккебуш В. М.* К вопросу об использовании гипнотических состояний в целях раскрытия правонарушений // Советский психоневрологический журнал. 1927. Вып. 3, № 4. С. 273.

<sup>4</sup> *Зубрилова И. С., Скрытников А. И.* Указ. соч. С. 75.

нение гипноза следует узаконить и в целях получения информации при расследовании преступлений.

И. С. Зубрилова и А. И. Скрыпников по этому поводу пишут: «К настоящему времени у многих работников оперативно-следственных органов сформировалась психологическая готовность к практическому применению методов гипнорепродукции обстоятельств происшествия там, где это диктуется интересами установления истины»<sup>5</sup>.

Н. Н. Китаев выступает против применения гипноза и в статье «Гипноз в криминалистике»<sup>6</sup> приводит два примера использования гипноза для получения ориентирующей информации из собственной практики. При этом он отмечает, что вопросы, интересующие следствие, задавались под гипнозом по просьбе следователя лечащими врачами фигурантов дела не только без их согласия, но вообще без их ведома. Далее он заключает, что такое применение гипноза было неправомерным, поэтому незаконно использование гипноза при расследовании преступлений вообще. На наш взгляд, таким же образом можно поставить под сомнение правомерность любого следственного действия, произведенного с нарушениями закона и принципов гуманизма.

Основные аргументы противников гипноза можно представить следующим образом: а) человек в состоянии гипноза не может контролировать свои действия, и поэтому нельзя требовать от него сообщать только достоверную информацию; б) введение человека в состояние гипноза может отрицательно сказаться на его здоровье, либо ему могут быть сделаны внушения, влияющие на его дальнейшее поведение; в) существует вероятность того, что в состоянии гипноза человек расскажет личные тайны, в которые он не хотел бы никого посвящать. Безусловно, эти аргументы можно учесть при создании концепции применения гипноза в Российской Федерации.

Считаем, что гипноз может использоваться только тогда, когда опрашиваемый добровольно желает сообщить значимую для расследования информацию и активно содействует в раскрытии преступления, при этом не имеет медицинских противопоказаний для гипноза.

Большое внимание нужно уделить подготовке специалистов, занимающихся проведением сеансов и квалифицированных в области как психологии, так и криминалистики.

Если говорить о возможности неправомерного влияния на поведение человека, находящегося в состоянии гипноза, его можно исключить рядом правил. Целесообразно, чтобы в помещении, где происходит сеанс, находились только гипнооператор и субъект гипноза. Присутствие посторонних людей при проведении сеанса может отрицательно сказаться на результате, но

---

<sup>5</sup> Там же. С. 66–67.

<sup>6</sup> Китаев Н. Н. Гипноз в криминалистике // Законность. 2004. № 6. С. 55–56.

присутствие понятых, по нашему мнению, в данном случае необходимо, поэтому предлагаем наблюдение понятыми за сеансом через стекло из другого помещения, так как это делается в некоторых случаях при опознании. Кроме того, желательно проведение видеозаписи сеанса.

Вопросы, касающиеся только интересующего следствие события, должны быть заранее известны человеку, с которым будет проведен сеанс гипноза. Это является гарантией исключения нежелательного вторжения в личную жизнь человека. Что же касается возможной недостоверности получаемых сведений, у следствия, как правило, имеется возможность для перепроверки информации, полученной при гипнозе очевидца (например, описание внешности подозреваемого, номера автомобиля, характеристика транспортных средств и других ключевых сведений).

Таким образом, возможные аргументы противников применения гипноза при расследовании преступлений могут быть учтены, и он может успешно применяться для эффективного получения важной информации, запечатленной в памяти людей.

## **М. Е. Слабухо**

### **ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Российское право до XIX в. не использовало термин «ответственность». Хотя, начиная с источников XIV–XV вв., в отечественном законодательстве встречаются семантически сходные термины «отвечать», «ответчик», «отвечивать», «отвечаючи».

В труде О. И. Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права» мы находим основы учения об уголовной ответственности наряду с учением о наказании. «Всякое преступление влечет только личную ответственность»<sup>1</sup>, — пишет автор. Параллельно он определяет, что «наказание в пространном смысле есть зло физическое и нравственное, полагаемое законом за преступление и разделяются по важности на казни, наказания в тесном смысле, штрафы и пени»<sup>2</sup>. Таким образом, в систему «преступление — наказание» он добавляет новый для российского права термин «ответственность», опосредуя неблагоприятные последствия для преступника.

Опираясь на догматические обобщения О. И. Горегляда, профессор Г. И. Солнцев публикует работу «Российское уголовное право», где в рамках

---

<sup>1</sup> Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. СПб., 1815. Ч. 1 : О преступлениях и наказаниях вообще. С. 10.

<sup>2</sup> Там же. С. 13.

учения о наказании формирует понятие уголовной ответственности (*criminis responsabilitas*)<sup>3</sup>, формулируя его следующим образом: «Следствием преступлений для уличенного преступника есть уголовная ответственность, состоящая в обратном возмездии преступнику правомерным злом за зло, им государству или частному гражданину причиненное, от правительства установленным порядком»<sup>4</sup>.

Можно сказать, что, понимая ответственность как «возмездие», автор испытывает влияние С. Е. Десницкого, который считал месть исторической осевой учения о наказании, так как «Бог с природы дал человеку мстительную склонность для защищения его здоровья, имени и имущества»<sup>5</sup>, а государство, как результат развития общества, использует право на мщение, «отчего собственно происходит мздовоздаяние злом за зло (*jus Talionis*), которое ныне столь в употреблении принято и строго наблюдается во всех почти державах просвещенных»<sup>6</sup>.

В тот же исторический период М. М. Сперанский в Проекте уголовного уложения Российской империи рассматривает совместно категории «ответственность» и «наказание», упоминая, например, ответственность за покушение<sup>7</sup>, ответственность участников бунта за вред<sup>8</sup>. Основная часть Проекта посвящена наказанию и его видам.

Консервативная эпоха правления Николая I дала отечественному правоведению Свод законов Российской империи, законодательно не повлиявший на становление категории «ответственность». Мы не находим трудов, посвященных вопросам ответственности, равно как и вопросам наказания.

Достижением стало принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое было продуктом систематизации законодательства, по мнению О. И. Чистякова, «элементом третьего этапа»<sup>9</sup>, на котором работы прекратились. Вероятно, значимость компиляционных работ повлияла на то, что Уложение содержало обширную систему наказаний, но не упоминало об уголовной ответственности.

Проведение комплекса преобразований в обществе стало катализатором развития юридической мысли. Начиная со второй половины XIX в. в отече-

---

<sup>3</sup> Солнцев Г. И. Российское уголовное право. Ярославль, 1820. С. 97.

<sup>4</sup> Там же. С. 104.

<sup>5</sup> Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 185.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Проект уголовного уложения Российской Империи : в 3 ч. СПб., 1813. Ч. 1. С. 6.

<sup>8</sup> Там же. С. 24–25.

<sup>9</sup> История отечественного государства и права : учебник : в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Ч. 1. С. 360.

ственном праве термин «ответственность» постепенно становится общеупотребляемым в научном обороте, параллельно проникая в законодательство. Но становление проходит неравномерно. Многие исследователи, формируя учение о праве, не касаются вопросов ответственности, а ограничиваются рассмотрением в рамках устоявшегося учения о наказании.

Воинский устав о наказаниях 1868 г. упоминает «о правилах об освобождении от ответственности за недонесение»<sup>10</sup>, о случаях освобождения от ответственности чиновников при коммерческом или комиссионерском заготовлении<sup>11</sup>, «ответственности за похищение казенной собственности»<sup>12</sup>, где фактически уравнивает термины «ответственность» и «наказание».

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. использует термин «ответственность» для указания на правовой статус специального субъекта преступления, например, упоминается о случаях, когда «чиновник или иное должностное лицо в каких-либо чрезвычайных обстоятельствах возьмет на свою ответственность принятие такой чрезвычайной или более решительной меры»<sup>13</sup>. Редко встречается «ответственность» как мера принуждения, например, ст. 661 оговаривает, что «соляное управление подвергается ответственности и взысканиям за неисполнение возложенных на него обязанностей»<sup>14</sup>, но связь со специальным субъектом сохраняется.

В то же время Уложение 1885 г. под редакцией Н. С. Таганцева толкует большинство уголовно-правовых норм через категорию «ответственность».

Уголовное уложение 1903 г. разделило «ответственность» и «наказуемость», установив «обстоятельства, усиливающие ответственность»<sup>15</sup> и «обстоятельства, устраняющие наказуемость»<sup>16</sup>. Уложение не дает дефиниций этим понятиям и не делает четких разграничений между ними. Термины употребляются совместно, но «ответственность» — реже и в более широком понимании, чем «наказание».

Во второй половине XIX в. нормы, содержащие понятие «ответственность», стали проникать в гражданское право. Свод законов гражданских, изданный в ч. 1 Т. X Свода законов Российской империи, содержит ответственность «за правильность книг, удостоверяющих акты гражданского со-

---

<sup>10</sup> *Воинский устав о наказаниях*. СПб., 1868. С. 27.

<sup>11</sup> Там же. С. 72–73.

<sup>12</sup> Там же. С. 77.

<sup>13</sup> *Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года*. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1892. С. 274.

<sup>14</sup> Там же. С. 359.

<sup>15</sup> *Уголовное уложение*, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. С. 13.

<sup>16</sup> Там же. С. 15.

стояния»<sup>17</sup>, «ответственность одного из супругов за долги другого»<sup>18</sup>, освобождение от дальнейшей ответственности в случае истребления, пропажи или похищения взятого на сохранение имущества<sup>19</sup>. В то же время нормы, вошедшие в Свод в дореформенный период, содержат термины «отвечает» или «ответствует».

К 1906 г. был окончен Проект Гражданского уложения, который не ограничился отдельными упоминаниями об ответственности, а включил отдельные и главы, посвященные ей, например, ответственность за незаконное владение<sup>20</sup>, ответственность заложенного имущества<sup>21</sup> и др.

Исторические события в России после 1913 г. помешали формированию буржуазного права, в том числе изменили направление развития института юридической ответственности в отечественном праве.

**Ф. С. Сосенков**

## **ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И ПРОФИЛАКТИКИ СЕПАРАТИЗМА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УСТАНОВКАХ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ)**

В России вопрос сохранения государственного единства был всегда актуален в силу ее многонационального, поликонфессионального и мультикультурного характера. Особенно обострялась данная проблема в переломные для истории государства периоды. К таким этапам можно отнести время между Первой и Октябрьской революциями, а также последовавшую затем Гражданскую войну.

Анализ программных документов Партии Народной Свободы позволяет заключить, что кадеты видели залог государственного единства в унитарной форме государственного устройства, хотя и с некоторыми оговорками. Например, предусматривалось «право свободного культурного самоопределения»<sup>1</sup>.

---

<sup>17</sup> *Свод законов Российской империи*. Полный текст всех томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Осн. Зак. и позднейшими узаконениями в пяти книгах / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. X, ч. 1. С. 9.

<sup>18</sup> Там же. С. 12.

<sup>19</sup> Там же. С. 149.

<sup>20</sup> *Гражданское уложение* : проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) : в 4 т. / под ред. И. М. Тютрюмова ; сост. А. Л. Саатчиан. СПб., 1910. Т. 1. С. 748.

<sup>21</sup> Там же. С. 948.

<sup>1</sup> *Программные документы политических партий России дооктябрьского периода*. М., 1991. С. 169.



В сентябре 1905 г. на земско-городском съезде Ф. Ф. Кокошкин (1871–1918), видный теоретик партии по вопросам государственного устройства, выступил с докладом «О правах национальностей и децентрализации» и обобщил партийные позиции по вопросам государственного устройства и сохранения единства России. Центральной идеей было сохранение «единой и неделимой» империи, отрицание права наций на самоопределение и возможности федерализации страны<sup>2</sup>.

Национальная федерация в России, по мнению Ф. Ф. Кокошкина, была не только нецелесообразна, но даже невозможна, поскольку налицо значительные диспропорции в численности народов и неопределенность территорий, ими населяемых<sup>3</sup>. В своей более поздней работе Ф. Ф. Кокошкин писал, что образовать в России федерацию — «это значит практически, как бы ни обстояло дело формально, разбить Россию на куски, а потом попробовать эти куски склеить...»<sup>4</sup>.

Кадеты продолжили свою политическую работу и в период Гражданской войны. Так, осенью 1917 г. в Москве был создан из представителей партии конституционных демократов, совета общественных организаций, торгово-промышленных и других буржуазно-либеральных и консервативных кругов Московский центр (далее — Правый Центр).

Гражданская война в России привела к тому, что различные национальные окраины превратились в государственные образования «явочным порядком», т. е. фактические. Подобные факты не могли не учитываться даже теми политическими силами, которые ранее последовательно стояли на позициях унитаризма. В связи с этим у ряда представителей кадетской партии, особенно заграничных (например, у И. И. Петрункевича (1844–1928)), возникло мнение о необходимости провозглашения принципа федерации<sup>5</sup>. Вместе с тем идея федерации общей массой кадетов поддержана не была.

Киевская конференция кадетской партии, прошедшая 13–15 мая 1918 г., основными задачами текущего момента объявила «воссоединение России, областную автономию и национальное равноправие»<sup>6</sup>. В представлениях о единстве России лидер партии П. Н. Милюков (1859–1943) все более эволюци-

---

<sup>2</sup> Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.

<sup>3</sup> Коваленко В. И., Федякин А. В. Проблемы федерализма в трудах мыслителей русского зарубежья // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2011. № 5. С. 64.

<sup>4</sup> Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 14.

<sup>5</sup> Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2004. С. 280.

<sup>6</sup> Деникин А. И. Очерки Русской Смуты : в 3 кн. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. Кн. 2. С. 383.

онировал вправо<sup>7</sup>. Отметим, что П. Н. Милуков активно участвовал если не в формировании, то в оформлении программных установок «белого» движения на Юге России. Вновь возникшие государственные образования рассматривались не как активные субъекты политических процессов на территории Российской империи, а как объекты, которые необходимо объединить воедино. На екатеринодарской конференции кадетов в октябре 1918 г. отказ от претензий на самостоятельное существование был признан безусловным условием участия вновь возникших на территории России правительств в формировании временной Всероссийской власти<sup>8</sup>.

Поражение «белых» армий заставило многих членов партии эмигрировать из России. Представители кадетов за рубежом попытались сохранить организационную форму и в целом сохраняли свои программные установки, в том числе об унитарной форме правления. Политическому самоопределению национальных регионов они предпочитали культурную автономию, справедливо, на наш взгляд, полагая, что она не создает предпосылок к территориальному распаду государства. Так, философ и правовед П. И. Новгородцев (1866–1924) выступал за широкую культурную автономию народов России с сохранением ведущей роли русской культуры как связующей<sup>9</sup>.

Если говорить об иных членах партии, то следует отметить приверженность их идее унитарного государства. Федерация в идеологии кадетов продолжала оставаться путем ослабления единства России и своеобразной легальной формой сепаратизма. Вопрос о федерации был основным, который не позволял кадетам за рубежом, несмотря на необходимость политических союзников, присоединиться в 1925 г. к Республиканско-Демократическому блоку (Союзу)<sup>10</sup>. Союз в качестве одной из своих целей однозначно определил установление в России федеративного государственного устройства<sup>11</sup>. Кадетский центр, обсуждая вопрос о предполагаемой для посткоммунистической России формы государственного устройства, так и не употребил термин «федерация» даже в качестве возможного, ограничившись весьма неясной формулировкой: «Восстановление и собирание России — вот основная единственная цель, которой все должно быть подчинено как средство»<sup>12</sup>.

---

<sup>7</sup> Письмо П. Н. Милукова Правому Центру от 29 июля 1918 года (Цит. по: Деникин А. И. Указ. соч. С. 455).

<sup>8</sup> Деникин А. И. Указ. соч. С. 282.

<sup>9</sup> Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 574.

<sup>10</sup> Кувшинов В. А. Провал попытки формирования в эмиграции кадетского центра (20-е гг. XX в.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 22. С. 1–11.

<sup>11</sup> Галас М. «Республиканско-Демократическое Объединение» российской эмиграции: эмиграция, стратегия и тактика // Власть. 2008. № 6. С. 82.

<sup>12</sup> Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1923–1933 (Цит. по: Кувшинов В. А. Указ. соч. С. 8).

В результате позиция партии по восстановлению территориальной целостности России была сформулирована компромиссно — возможность установления в исключительном случае территориальной национальной автономии<sup>13</sup>.

Позиции антибольшевистских политических сил за рубежом приобретали более консервативный характер. В отношении кадетской партии этого сказать нельзя: она частично признала возможность национально-территориальной автономии, тогда как раньше они признавали лишь возможность национально-культурной автономии. Вместе с тем кадеты не перешли даже в условиях требовавшегося компромисса определенной черты: не признали возможность федерализации России, в губительности которой для государственного единства были уверены. Таким образом, позиция партии конституционных демократов относительно проблем единства России на протяжении всего периода ее деятельности характеризуется как последовательно унитарная. В условиях эволюционного государственно-правового развития отечественного государства данная программная установка имела право на жизнь, однако не выдержала испытания революциями и Гражданской войной.

## **А. П. Стоцкий**

### **ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ИНИЦИАТИВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ**

Лишение свободы направлено на изоляцию осужденного от общества, разрыв или ослабление социальных связей, изменение статуса, системы ценностей, жизненных целей и др.

По мнению председателя межрегиональной общественной благотворительной организации «Комитет за гражданские права» А. В. Бабушкина, который совместно с коллегами на протяжении многих лет занимается мониторингом соблюдения прав и свобод осужденных по всей России, уже «через 3 года после начала отбывания наказания у осужденных, если они не заняты полезной деятельностью, наблюдается развитие зависимости, нарушение самоидентификации и механизмов социальной адаптации. Человек перестает чувствовать себя частью своей семьи, профессионального сообщества, референтной группы, либо же самоидентификация с этими институтами ослабляется настолько, что ценности семейные, профессиональные, культурные и иные ценности вытесняются ценностями тюремного мира»<sup>1</sup>. Поэтому в слу-

---

<sup>13</sup> Там же. С. 9.

<sup>1</sup> Бабушкин А. В., Маяков А. В. В помощь социально ориентированным инициативам заключенных. М., 2013. С. 6.

чае если осужденный выступает в качестве субъекта социально полезной деятельности, он преодолевает разрушение своей личности, которое неизбежно связано с его нахождением в исправительных учреждениях. В связи с этим следует рассмотреть, какие существуют правовые основы реализации социально ориентированных инициатив среди заключенных.

Из числа международных актов особое место занимают Европейские пенитенциарные правила (далее — ЕПП), принятые Советом Европы в 2006 г.<sup>2</sup> и закрепляющие основные стандарты содержания заключенных, обращения с ними со стороны администраций мест лишения свободы, а также механизм реализации прав и законных интересов осужденных. Несмотря на то что ЕПП не ратифицированы в Российской Федерации, постановление Правительства РФ от 5 сентября 2006 г. № 540 «О федеральной целевой программе “Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)”»<sup>3</sup> закрепило «практические шаги для реализации Европейских пенитенциарных правил»<sup>3</sup> к 2017 г. Часть 1 ст. 24 ЕПП определяет, что заключенным под стражу и осужденным должно разрешаться максимально часто общаться по почте, по телефону или с помощью иных средств общения со своими семьями, другими лицами и представителями внешних организаций; разрешается также посещение заключенных указанными лицами. Пункт 5 ст. 24 ЕПП возлагает на администрацию учреждения обязанность помогать заключенным поддерживать адекватные контакты с внешним миром и оказывать им с этой целью соответствующую материальную поддержку<sup>4</sup>. Пункт 10 ст. 24 ЕПП предписывает, что заключенные должны иметь возможность регулярно получать информацию об общественных событиях по подписке или читая газеты, периодические издания и другие публикации, а также по радио или телевидению, за исключением случаев, когда судебный орган в отдельных случаях устанавливает конкретный запрет на определенный период<sup>5</sup>. Впрочем, российское законодательство возможность установки такого запрета на доступ к информационным ресурсам (кроме Интернета) не предусматривает<sup>6</sup>.

---

<sup>2</sup> *Европейские пенитенциарные правила* : приняты Комитетом Министров Совета Европы 11 января 2006 г. : рекомендация Rec (2006) 2 // Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://www.coe.int/en/> (дата обращения: 01.11.2015).

<sup>3</sup> *О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)»* : постановление Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 39, ст. 4075.

<sup>4</sup> *Европейские пенитенциарные правила* : приняты Комитетом Министров Совета Европы 11 января 2006 г. : рекомендация Rec (2006) 2.

<sup>5</sup> *Сторожук М. И.* Европейские пенитенциарные правила и судебный контроль за обеспечением прав и законных интересов осужденных // Вестник Томского государственного университета. Сер. Право. 2013. № 1(7). С. 86–89.

<sup>6</sup> *Новицкий С.* Международно-правовые гарантии обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей // Право и жизнь. 2009. № 130. С. 56–57.

В национальном законодательстве России существует ряд норм, способствующих развитию социально ориентированных инициатив осужденных. Согласно ч. 1 ст. 30 Конституции РФ каждый имеет право на объединение, а свобода деятельности общественных объединений гарантируется со стороны государства. При этом согласно ст. 18 Федерального закона «Об общественных объединениях»<sup>7</sup> общественные объединения создаются по инициативе их учредителей — не менее трех физических лиц. Учредители должны достичь возраста 18 лет (кроме специально оговоренных случаев) и могут быть как российскими гражданами, так и иностранными гражданами (лицами без гражданства), законно находящимися на территории РФ (ст. 19)<sup>8</sup>. Однако не может быть учредителем, членом, участником общественного объединения лицо, содержащееся в местах лишения свободы по приговору суда. Таким образом, осужденный к лишению свободы не может быть учредителем или участником общественного объединения. Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 110 УИК РФ в исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению. Формирование и реализация социально полезных инициатив осужденных выступает в качестве форм нравственного, правового, трудового и физического воспитания осужденных.

Однако до настоящего времени наблюдается недооценка роли социально полезных инициатив заключенных для достижения целей наказания. В приказе Министерства юстиции Российской Федерации № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы», принятом в 2013 г., вопросу развития таких инициатив, как формы профилактики правонарушений в местах лишения свободы, не уделяется никакого внимания<sup>9</sup>. В связи с этим закономерным было бы внести в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 67 «Об утверждении Порядка осуществления начального профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных к лишению свободы»<sup>10</sup> норм поддержки социально ориентированных инициатив заключенных в получении ими профес-

---

<sup>7</sup> *Об общественных объединениях* : федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ : в ред. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21, ст. 1930 ; Рос. газета. 2015. 13 марта.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> *Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы* : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013 г. № 72 // Рос. газета. 2013. 5 июня.

<sup>10</sup> *Владимирова Ю. К.* Понятие и механизм обеспечения уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей // Вестник ВГУ. 2014. № 1. С. 144–150.

сионального образования. Однако в приказе такого рода нормы отсутствуют, что свидетельствует о противоречии положений подзаконных актов и норм международных актов и Конституции РФ в сфере социально ориентированных инициатив заключенных.

Таким образом, в современном российском законодательстве есть ряд законов, закрепляющих право заключенных на реализацию социально ориентированных инициатив. Однако на уровне подзаконных актов до сих пор отсутствуют нормы, регулирующие и конкретизирующие механизм реализации социально ориентированных инициатив осужденных в жизнь, что на практике создает определенные сложности.

## **В. И. Сургутсков**

### **ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ОБОРОТА БОЕВОГО ОРУЖИЯ В КАЧЕСТВЕ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ САМООБОРОНЫ В РОССИИ: ГОТОВЫ ЛИ ОБЩЕСТВО И ПОЛИЦИЯ?**

В последние годы активизировались дискуссии о необходимости разрешить в России оборот боевого оружия в качестве оружия самообороны. Сторонники легализации боевого оружия в качестве возможного положительно-го эффекта от данного нововведения предполагают снижение количества преступлений против жизни и здоровья граждан, их собственности, совершаемых, как правило, в общественных местах<sup>1</sup>. При этом приводимая в СМИ статистика, якобы доказывающая, что в государствах со свободным режимом оборота боевого оружия совершается меньше преступлений, — это скорее умелый инструмент манипулирования общественным мнением для некоторых дельцов-производителей оружия, нежели достоверный факт. Мы солидарны с выводом Е. Д. Шелковниковой о том, что «как только огнестрельное оружие становится легко доступным населению, вероятность гибели людей в результате насильственных преступлений увеличивается»<sup>2</sup>. Примером тому

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Панов С. Л.* Легализация короткоствольного огнестрельного оружия: «за» и «против» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 1. С. 32–35 ; *Пахомова Е. А.* Современные либералы о праве граждан на оружие // Юристы-Правоведь. 2013. № 2. С. 80–82 ; *Семенов В. В.* Современные тенденции законодательства, регламентирующего оборот гражданского оружия в России и США // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. Т. 1, № 20. С. 25–29 ; *Яшин К. Л., Алексеева А. В.* Проблемы легализации оружия. Анализ законодательства США и России // Современная наука: теория и практика. 2014. № 3. С. 99.

<sup>2</sup> *Шелковникова Е. Д.* Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия и вооруженной преступностью в Китайской Народной Республике // Научный портал МВД России. 2009. № 2. С. 125.

служат США — государство, позиционирующее себя как страна с давно сложившимися в обществе либеральными ценностями. Право на владение боевым оружием гарантировано второй поправкой к Конституции США, которая гласит: «Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться».

Напомним, что, в отличие от России, правовое регулирование оборота оружия в США осуществляется на федеральном уровне и на уровне штатов. Последние обладают и, что самое примечательное, активно используют свое право на принятие норм, устанавливающих правила приобретения и владения оружием, в том числе так называемым гангстерским оружием. А. А. Шулуc по критерию жесткости оружейного законодательства подразделяет штаты со строгим, либеральным и средним законодательством<sup>3</sup>. Таким образом, правила оборота оружия на территории США существенно отличаются.

Президент США Б. Обама заявил, что главным разочарованием за годы своего президентства считает безуспешные попытки законодательно ограничить доступ граждан к огнестрельному оружию<sup>4</sup>. Озабоченность Б. Обамы разделяют многие американцы, выступающие за ужесточение контроля за оборотом оружия, его регулирования исключительно на общенациональном уровне<sup>5</sup>. По информации агентства министерства здравоохранения США «Центры по контролю и профилактике заболеваний США», с 1968 г. по 2013 г. число погибших от огнестрельного оружия составило более 1 млн 300 тыс. человек, т. е. ежегодно в стране от оружия гибнет свыше 32 тыс. человек<sup>6</sup>. Однако даже самые резонансные случаи (например, произошедший в июле 2012 г. в кинотеатре г. Аврора штата Колорадо, когда 24-летний Джеймс Холмс застрелил 12 и ранил около 60 человек, или происшествие в 2015 г., когда в средней школе г. Ньютаун штата Коннектикут 20-летний Адам Лэнза застрелил 26 человек, 20 из которых были детьми, после чего покончил жизнь самоубийством) не способны убедить значительную часть американского общества в необходимости ограничить оборот боевого оружия.

---

<sup>3</sup> Шулуc А. А. Право на оружие в США: соотношение федерального законодательства и законов штатов // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 12. С. 322.

<sup>4</sup> Обама рассказал о своем главном разочаровании за годы президентства // Официальный сайт «Российская газета». URL: <http://www.rg.ru/2015/07/24/obama-site-anons.html> (дата обращения: 25.07.2015).

<sup>5</sup> См., напр.: Николаев К. Д. Оборот оружия: пределы, приемлемые для общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 29–31.

<sup>6</sup> Право на выстрел. Зачем американцам столько оружия // Официальный сайт «Лента.Ру». URL: [http://lenta.ru/articles/2015/04/16/usa\\_arms/](http://lenta.ru/articles/2015/04/16/usa_arms/) (дата обращения: 16.04.2015).

Проведенное Э. Л. Сидоренко исследование позволило ей прийти к выводу, что при наибольшем количестве легального огнестрельного оружия в США самый высокий уровень вооруженной преступности, а в Японии, наоборот, при наименьшем объеме оружия у населения — самый низкий уровень преступности. Вместе с тем автор справедливо считает неуместным проводить прямую зависимость между количеством оружия и уровнем преступности, исходя из различных традиций, ментальности и культурой обращения с оружием<sup>7</sup>.

По данным издания “The Washington Post”, которые приводит «Российская газета», «за первые пять месяцев 2015 года американские полицейские застрелили 385 человек. В январе–марте 2015 года американская полиция убила 111 человек. Любопытно, что с 1900 года вся полиция Великобритании убила 52 человека. В среднем в результате стрельбы правоохранителей ежедневно в США гибнут два человека. В целом, подавляющее большинство жертв — более 80 процентов — были вооружены огнестрельным или холодным оружием. Как выяснилось, из 385 случаев гибели людей от пуль полицейских лишь по трем делам правоохранителям были предъявлены уголовные обвинения, что составляет менее 1 процента. За последнее десятилетие американские полицейские открывали огонь на поражение тысячи раз, а уголовные обвинения выдвигались лишь в 54 случаях»<sup>8</sup>.

В настоящее время легализация оборота боевого оружия в России объективно повлечет за собой существенное расширение пределов усмотрения сотрудников полиции, применяющих меры непосредственного принуждения. Как показывает практика, основными проблемами сотрудников российской полиции при возникновении условий, связанных с применением оружия, по-прежнему остаются плохая подготовка (физическая, огневая, психологическая) и страх наказания за превышение своих полномочий<sup>9</sup>.

Считаем, что легализация оборота боевого оружия в РФ возможна только в случае достижения следующих условий: 1) наличия в полиции сотрудников, профессионально пригодных к действиям в условиях, связанных с применением силы и оружия, в том числе психологически готовых применить оружие по основаниям, предусмотренным в ст. 23 Федерального закона «О полиции»; 2) высокого уровня общественного доверия и поддержки полиции гражданами; 3) наличия развитого гражданского общества.

А. В. Куянова и А. Е. Юрицин к числу наиболее существенных признаков гражданского общества относят: самоуправляемость; плюрализм и сво-

---

<sup>7</sup> Сидоренко Э. Л. Зарубежные модели легализации оружия и криминологическая безопасность личности // Общество и право. 2011. № 1. С. 146.

<sup>8</sup> Фалалеев М. Стой. Стрелять не буду // Рос. газета. 2015. 9 июня.

<sup>9</sup> Там же.



бно формирующееся общественное мнение; гарантированное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ и действующем законодательстве; осуществление жизнедеятельности в гражданском обществе на принципе координации; конкуренцию образующих его структур и различных групп людей; информированность, реальное осуществление права человека на информацию<sup>10</sup>.

Но даже в случае реализации указанных условий могут возникать сбои, приводящие к тяжело воспринимаемым в цивилизованном мире трагедиям, подобно таким, которые случились в Норвегии — социально ориентированном государстве с высоким уровнем доходов населения, где разрешено хранение и ношение боевого оружия самообороны. 22 июля 2011 г. террорист Андерс Беринг Брейвик организовал и исполнил взрыв в центре Осло, после чего совершил вооруженное нападение на молодежный лагерь на острове Утея. В результате двойного теракта погибли 77 человек и 151 получил ранения. Автоматический пистолет и самозарядный карабин, с помощью которых совершались преступления, были приобретены Брейвиком в магазине.

## **Е. А. Титова**

### **ТЕХНОЛОГИЯ ПРАВОВОЙ ПРОПАГАНДЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

В настоящее время российское общество сталкивается с рядом политических и социально-экономических проблем, которые обусловлены глобальными вызовами информационного общества и внешнеполитическими процессами. Рассматриваемые изменения обладают двойственной природой, часто имеют ярко выраженный негативный социальный характер. Отсутствие в стране единой государственной стратегии по формированию личности, устойчивой к негативным последствиям стремительного общественного развития и информационно-атакующего воздействия средств массовой информации, чревато для государства серьезными проблемами. Неэффективная, перманентно действующая система правового воспитания личности, замещение системы культурно-нравственных ценностей ценностями материальными находятся в числе основных причин сохранения высокого показателя преступности среди несовершеннолетних в России.

В поиске путей решения этих проблем считаем целесообразным и оправданным не только применять новые методы, но и обращаться к опыту про-

---

<sup>10</sup> Кюянова А. В., Юрицин А. Е. Гражданское общество в России: актуальные политико-правовые проблемы формирования и развития // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 2. С. 56.

шлого. Назрела объективная необходимость использовать опыт пропаганды в Советском Союзе, когда пропагандистская деятельность носила научный и систематизированный характер, в связи с чем имела очевидный успех. Следует отметить, что понятие «пропаганда» пережило в России сложную эволюцию: от повсеместного использования в советский период до отрицания во времена «перестройки», а затем переосмысления термина (номинально не признанного) на стадии институционализации новой политической системы страны в 90-х гг. XX в.

На наш взгляд, технологию правовой пропаганды в целом можно определить как совокупность методов, способов и форм деятельности, выражающуюся в воздействии на сознание и поведение людей, в распространении правовых знаний, суждений и идей о ценности права в целях укрепления законности и правопорядка, формирования высокого уровня индивидуального (общественного) правового сознания.

В технологии пропаганды выделяют следующие средства: манипуляцию, мифологизацию и стереотипизацию.

В рамках первого средства Г. В. Грачев необходимость манипуляции объясняет тем, что у человека есть два пути. С одной стороны, полная свобода и независимость, отречение от всевозможных норм морали, идеологических догм, социальных связей-оков и т. д. и обретение сопутствующих этому процессу психического напряжения, чувства ничтожности и одиночества, противостояния один на один с окружающим миром, полным опасностей и угроз. С другой — принятие определенных ценностей и общественных норм, правил и социально позитивных форм взаимодействия с другими людьми и группами, включенность в разнообразные социальные связи (семейные, профессиональные, национальные, групповые и т. п.) и, следовательно, некоторое ограничение своей свободы и независимости как компенсация за возможность удовлетворения потребностей в безопасности и обеспечения хотя бы минимальных условий для нормального психического и физического существования как человеческой личности<sup>1</sup>.

Манипуляция, в свою очередь, опирается на такие средства управления сознанием людей, как мифологизация и стереотипизация. Мифы задают вариант символической картины мира. Эта картина мира носит в значительной степени системный характер, пытаясь совместить в себе в достаточной степени противоположные концепции. В случае пропагандистских техник осуществляется переход не от факта к мифу, а, наоборот, от мифа к факту. Исходным является миф, под который подбираются (создаются) факты.

---

<sup>1</sup> Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М., 1998. С. 87.

В создании мифов используются своеобразные приемы. Ярким приемом является создание образов. Любая сфера действительности может функционировать эффективно, только если она поддержана сильной мифологической составляющей.

Следующий элемент манипулирования, используемый для активного формирования «установки восприятия» в желательном для пропагандиста направлении, — стереотипы. Будучи устойчивым элементом социальной психологии, стереотипы в то же время не адекватны истине, так как они не выражают точное знание, всегда оставаясь упрощенными представлениями. Каждое общество, каждая система воспитания вынуждены считаться с ролью стереотипов как первичных элементов мироосознания человека.

Стереотипы упрощают восприятие окружающей действительности, делают ее более понятной и доступной для повседневного восприятия, что позволяет человеку лучше понять и оценить текстовый материал и, соответственно, повысить к нему свой интерес. Стереотипы способствуют и созданию эмоциональной комфортности у адресата пропаганды, поскольку они, скорее всего, будут соответствовать его психологии.

Пропаганда в своей информационной деятельности использует совокупность стереотипных проявлений, спроецированных на достижение определенного политического интереса. Она может осуществляться не только директивным образом, но и в более мягких формах — просвещением, внушением, использованием не рациональных, а эмоциональных, чувственных ощущений путем социализации личности (например, через духовную культуру).

Существуют конкретно разработанные методы и приемы пропаганды, направленные на достижение ею наибольшего эффекта<sup>2</sup>. Эффективность правовой пропаганды среди молодежи может быть обеспечена только с учетом всех элементов пропагандистского процесса: содержания, целей, подготовленности кадров, выбора средств, форм и методов идеологического воздействия, особенностей аудитории, влияния внешних условий среды как на пропаганду, так и на ее аудиторию. Кроме этого, объективно необходима разработка на государственном уровне с привлечением общественных организаций Концепции правовой пропаганды в России с определением стратегических направлений, целей и задач этой деятельности, субъектов ее осуществления, форм, методов и средств.

---

<sup>2</sup> URL: <http://politikus.ru/articles/print:page,1,1716-desyat-strategiy-manipulirovaniya-s-pomoschyu-smi.html> (дата обращения: 18.10.2015).

## **А. В. Трояновский**

### **ФОРС-МАЖОРНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ДОГОВОРНЫЕ УСЛОВИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА**

Обстоятельства, выступающие основанием для освобождения должника от ответственности за нарушение договора, принято называть форс-мажором. Однако вопрос о том, какой смысл скрывается за словами «непреодолимая сила» («форс-мажор»), является неоднозначным и давно дискутируется в доктрине и судебной практике.

«Форс-мажор» — термин французского происхождения, который используется для обозначения непреодолимой силы. Непреодолимая сила — это внешнее относительно деятельности лица, нарушившего договорное обязательство, природное или общественное событие, влияющее на деятельность правонарушителя, причиняющего вредные последствия, которые не может предотвратить не только обязанное лицо в определенном правоотношении, но и другие лица, занимающиеся подобной по роду и условиям деятельностью.

Стороны должны заранее определить, какие именно обстоятельства они считают форс-мажорными. Дело в том, что, формулируя оговорки об освобождении от ответственности, стороны ссылаются, как правило, на форс-мажорные обстоятельства, считая их таковыми. Однако позитивное право той или иной страны может по-разному законодательно определять, какое общественно событие может признаваться непреодолимой силой. Например, спорным в отечественной правовой доктрине является отнесение к форс-мажорным обстоятельствам забастовки, других трудовых конфликтов. Следовательно, стороны, предвидя наступление таких обстоятельств, должны определять их не как форс-мажорные, а как другие обстоятельства, освобождающие от ответственности<sup>1</sup>.

Следующее основание освобождения от ответственности — это случай (казус), т. е. то, что никто не мог заранее предсказать; когда лицо не знает, не может и не должно знать о возможности наступления результата. Одновременно, если бы лицо знало о случае, который наступит в будущем, оно могло бы его предупредить. Когда наступает случай, психическое состояние лица, нарушившего обязательства, характеризуется отсутствием вины. Соответственно, лицо освобождается от ответственности.

Вследствие действия непреодолимой силы или случая сторона освобождается от ответственности, т. е. от определенного дополнительного невыгодного обязательства (например, от возмещения убытков, уплаты неустойки),

---

<sup>1</sup> Томсинов В. Внешнеторговый договор купли-продажи: освобождение сторон от ответственности // Рос. юстиция. 1994. № 4. С. 14.

которое не имеет компенсационного характера. Однако сторона не освобождается от главной обязанности (передать имущество, оказать услугу) до тех пор, пока договор не будет расторгнут в предусмотренных случаях и с предусматриваемыми последствиями<sup>2</sup>.

Иной подход к освобождению от ответственности — доктрины тщетности (*frustration*) и невозможности (*impossibility*) исполнения — сложился в англо-американском праве. Так, в соответствии со ст. 2-615 Единообразного торгового кодекса США просрочка в поставке или непоставка всего или части товара продавцом не рассматривается как нарушение им своих обязанностей по договору продажи, если обусловленное исполнение стало невозможным вследствие непредвиденных обстоятельств<sup>3</sup>.

Поскольку форс-мажорные оговорки имеют важное практическое значение и широко применяются в коммерческих договорах, они включаются в подавляющем большинстве случаев в общие условия или типовые проформы договоров, разрабатываемых как отдельными фирмами, так и межправительственными организациями, международными и национальными предпринимательскими ассоциациями. На основе обобщения опыта международной коммерческой практики ведущая международная предпринимательская организация — Международная торговая палата (МТП) — предложила для использования весьма детально разработанную оговорку о форс-мажоре и трудных обстоятельствах (*hardship*)<sup>4</sup>.

Предлагаемая МТП формулировка оснований для освобождения от ответственности сводится к следующему:

1. Сторона не отвечает за неисполнение любого из ее обязательств, поскольку она докажет, что:

— неисполнение явилось результатом препятствия (*impediment*), это находится вне ее контроля;

— от нее нельзя было разумно ожидать, что при заключении договора будет учтена возможность выполнить обязательства при наличии препятствия и его последствия;

— она не могла разумно предотвратить или преодолеть это препятствие или, по крайней мере, его последствия.

2. Препятствие, упомянутое в п. 1, может стать следствием событий, перечень которых не является исчерпывающим:

а) объявленная или необъявленная война, в том числе гражданская, беспорядки, революции, пиратство, саботаж;

---

<sup>2</sup> Шаталова Т. Звільнення від відповідальності сторони зовнішньоекономічного договору (контракту) // Юридичний журнал. 2004. № 2. С. 118.

<sup>3</sup> Единообразный торговый кодекс США / пер. с англ. С. Н. Лебедева, Р. Л. Нарышкиной. М., 1969. 431 с.

<sup>4</sup> Форс-мажорные обстоятельства : публикация № 421. М., 1997.

б) стихийные бедствия, такие как ураганы, циклоны, землетрясения, цунами, наводнения, разрушения в результате молнии;

в) взрывы, пожары, выход из строя (разрушение) машин и оборудования, фабрик или любых видов учреждений;

г) бойкоты, забастовки и локауты любых видов, замедление работы, занятие фабрик и помещений, остановки в работе, происходящие на предприятии стороны, претендующей на освобождение от ответственности;

д) действия властей, законные или незаконные, кроме тех, по которым сторона, претендующая на освобождение от ответственности, приняла на себя риск в силу положений договора.

Приведенная выше формулировка условий об освобождении от ответственности за неисполнение договора — это результат обобщения многолетней международной коммерческой практики, поэтому она не основана на концепции какой-то определенной национальной правовой системы.

С одной стороны, в качестве ключевого в оговорке фигурирует понятие «препятствие» к исполнению договора, которое означает, что для освобождения от ответственности недостаточно, чтобы определенное событие делало исполнение просто затруднительным и обременительным для должника или исполнение обязательства контрагентом при наличии этого обстоятельства было менее ценным, чем то, что он получает от должника в результате освобождения от исполнения. С другой стороны, явно прослеживается тенденция не рассматривать как форс-мажор только ситуацию, когда исполнение должно иметь характер препятствия, исключающего исполнение, которое можно предвидеть в обычных условиях.

Все вышеизложенное свидетельствует о важности унифицированного подхода к урегулированию вопросов о невозможности исполнения в сфере международного коммерческого оборота, что, несомненно, приведет к большей стабильности и определенности отношений между сторонами международного коммерческого контракта.

## **Г. И. Тюменцева**

### **ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Развитие молодежи носит противоречивый характер, что, с одной стороны, обусловлено ее переходным социальным статусом и формирующимся сознанием, а с другой — спецификой современного общества, переживающего очередной виток глобальной нестабильности. В этих условиях важно выявить пути оптимизации становления и развития современной молодежи. Ключевая роль в данном процессе отводится молодежной политике. Как система мер, направленных на создание условий для самореализации и социаль-

ного развития молодежи и ее отдельных групп, молодежная политика призвана содействовать интеграции молодого поколения в изменяющееся общество.

Основным объектом молодежной политики является молодежь. Молодежь — это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возраста (от 14 до 30 лет, в некоторых случаях до 35 лет), социального положения, характеризующаяся специфическими интересами и ценностями<sup>1</sup>.

В 2014 г. в России проживало 34,5 млн молодых людей. Из них 79% составляло городскую молодежь, 21% — сельскую. Наиболее многочисленную группу составляют молодые люди 25–30 лет — 42%, группа от 20 до 24 лет — 34, от 14 до 19 — 24%<sup>2</sup>. Происходит «старение» молодежи, так как поколение второй и третьей группы родилось при более низком суммарном коэффициенте рождаемости 90-х гг. (1,1–1,3)<sup>3</sup>. С 2010 г. по 2014 г. численность молодежи России сократилась на 3 млн человек. По прогнозу на 2025 г. может произойти сокращение до 25 млн человек. Такое сокращение приводит к увеличению демографической нагрузки, прежде всего, на саму молодежь. При этом положение молодежи на рынке труда осложнено как внешними, так и внутренними факторами. По данным Росстата, на октябрь 2015 г. уровень безработицы среди молодежи в возрасте до 24 лет составил 16,7% от экономически активного населения данной возрастной группы, что в 3,9 раза больше, чем среди населения в возрасте 30–49 лет<sup>4</sup>.

Эти и другие данные послужили информационным поводом для актуализации темы государственной молодежной политики, способной решить или смягчить имеющиеся проблемы. История становления государственной молодежной политики убедительно показывает, насколько трудной и новой для страны была задача принятия концепции молодежной политики, которая бы строилась не на закреплении партийного идеала личности молодого человека, а на обязанности государства и общества обеспечить правовые, экономические, организационные условия и гарантии для самореализации молодежи. Структура федеральной исполнительной власти, отвечающая за молодежную политику, менялась более 10 раз. В 2014 г. утвержден документ, регулирующий современную молодежную политику, — «Основы государственной мо-

---

<sup>1</sup> *Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года.* URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 11.09.2015).

<sup>2</sup> Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Социально-демографические характеристики российской молодежи // Государственный советник. 2015. № 2(10). С. 67.

<sup>3</sup> Ховрин А. Ю. Решение демографической проблемы: социальное партнерство молодежи, власти, общества // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 56.

<sup>4</sup> *Занятость и безработица в Российской Федерации в октябре 2015 года.* URL: [http://www.gks.ru/bgd/free/b04\\_03/IssWWW.exe/Stg/d06/229.htm](http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/229.htm) (дата обращения: 11.09.2015).

лодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в котором были изменены приоритеты и сделан акцент на патриотизм, гражданственность, здоровый образ жизни, развитие молодой семьи.

Эта программа стала базовой для разработки нормативных правовых актов в сфере молодежной политики регионального уровня. Так, в Омской области государственная молодежная политика осуществляется на основе государственной программы «Развитие физической культуры и спорта и реализации мероприятий в сфере молодежной политики в Омской области до 2020 года»<sup>5</sup>. В апреле 2015 г. были подведены первые итоги ее реализации и сделан вывод, что ожидаемые результаты достигнуты<sup>6</sup>. В 2014 г. организовано более 5 тыс. мероприятий, в которых приняли участие около 270 тыс. молодых людей. В результате реализации подпрограммы «Новое поколение» продолжена работа по развитию студенческих отрядов. Сформировано 102 студенческих отряда общей численностью 4102 человека (в 2010 г. было 500 человек). Создан Центр поддержки добровольческих инициатив, успешно прошли два студенческих фестиваля молодежных добровольческих инициатив, объединивших 1000 волонтеров. Особо выделяется добровольческое движение «Альтернатива», существующее в Омской области с 1997 г. и занимающееся профилактикой наркомании, алкоголизма, табакокурения, пропагандой здорового образа жизни среди сверстников по принципу «Равный обучает равного». Сегодня «Альтернатива» — это 203 отряда и более 2500 волонтеров. В регионе создана система подготовки и сопровождения деятельности волонтеров.

В целях поддержки талантливой молодежи с 2010 г. в Омской области проводится региональный молодежный форум «Ритм», в котором приняли участие 3 тыс. человек, более 100 лучших проектов взяты на реализацию с премиальным фондом в 6 млн рублей. В 2014 г. впервые в форуме участвовали молодые люди из 7 регионов Сибирского федерального округа. В целях создания условий для развития молодежного предпринимательства на территории Омской области в 2015 г. проведен форум для молодых предпринимателей (эта направленность особенно важна, если учесть, что при социологических опросах 2/3 молодых респондентов отмечают желание заниматься предпринимательством и только 6,5% воплощают это желание).

---

<sup>5</sup> Государственная программа Омской области «Развитие физической культуры и спорта и реализация мероприятий в сфере молодежной политики в Омской области до 2020 года». URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW148;frame=1;n=95982;req=doc> (дата обращения: 11.09.2015).

<sup>6</sup> Доклад «Об итогах работы Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта за 2014 год и задачах на 2015 год». URL: <http://www.biletomsk.ru/article-detail-1685.html> (дата обращения: 11.09.2015).



Реализован комплекс мероприятий патриотической направленности. Создано бюджетное учреждение Омской области «Центр патриотического воспитания молодежи», в мероприятиях которого приняли участие 4500 человек.

Активную роль в определении политики региона в целом и молодежной политики в частности играет Молодежная палата депутатов при Законодательном Собрании Омской области<sup>7</sup>. При Омском городском Совете создан Молодежный общественный совет, где 40 человек в возрасте до 30 лет решают вопросы, волнующие молодое поколение<sup>8</sup>.

В регионе успешно развиваются различные направления молодежной политики. Однако миграционный отток омичей (с января по июнь 2015 г. Омск покинуло 27 тыс. человек, 70% из которых — молодежь<sup>9</sup>) на этом фоне вызывает недоумение, тревогу и вопрос «почему?». Если отвечать кратко, то основными причинами такой ситуации являются низкая оплата труда, безработица, плохие жилищные условия. Объективно, ситуация в Омской области по этим показателям выглядит не хуже, чем в других регионах Сибири, но существенно отличается от Москвы и Санкт-Петербурга, куда чаще всего стремится молодежь. Так, если уровень безработицы в среднем за август–октябрь 2015 г. по стране составил 5,3% от экономически активного населения, а средняя заработная плата — 33 078 рублей, в Сибирском федеральном округе — 7,5% и 28 870 рублей, в Омской области — 6,1% и 26 887 рублей, в Москве — 1,8% и 62 134 рубля, в Санкт-Петербурге — 2,0% и 42 214 рублей<sup>10</sup>.

По данным социологического исследования «Социальная столица: мнение региона»<sup>11</sup>, 78% молодежи поддерживает проект «Омск — социальная столица России», идею превращения Омска в социально ориентированный город, в котором комфортно жить и откуда не хочется уезжать.

Эффективность региональной молодежной политики напрямую зависит от владения информацией о реальных проблемах молодежи. Однако традиционной ошибкой в работе с молодежью остается понимание молодежи как гомогенной группы. Чаще всего объектом молодежной политики является

---

<sup>7</sup> Положение о Молодежной палате депутатов при Законодательном Собрании Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru/?sid=2840> (дата обращения: 11.09.2015).

<sup>8</sup> Николаева О. «Прокачаем город»: как в Омске работает Молодежный совет // Аргументы и факты. 2015. 7 окт.

<sup>9</sup> За полгода Омск покинули более 27 тысяч человек. URL: <https://news.mail.ru/society/23185940/?frommail=1> (дата обращения: 11.09.2015).

<sup>10</sup> Среднемесячная номинальная заработная плата. URL: [http://www.gks.ru/bgd/regl/b15\\_01/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/Main.htm) (дата обращения: 11.09.2015).

<sup>11</sup> Отчет по результатам социологического исследования «Социальная столица: мнение жителей региона». URL: <http://pandia.ru/text/80/005/57586.php> (дата обращения: 11.09.2015).

организованная молодежь: школьники, студенты сузов и вузов, менее всего учитывается молодежь 25–30 лет, сельская, рабочая молодежь.

Принимая во внимание масштаб задач, стоящих сегодня перед страной, и объективную ограниченность ресурсов развития, необходимо выделить приоритетные направления молодежной политики, максимально привлекать внебюджетные средства, а также создавать условия и возможности для самостоятельного решения молодыми людьми возникающих проблем.

**Т. А. Федотова**

## **СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ**

Соотношение «человек — государство — право» — одна из вечных проблем и в теории прав человека, и в правовой теории в целом. Она появляется во всех дисциплинах юриспруденции. Человек на основе естественного права может быть судьей по своему собственному делу, и в части, касающейся права на мнение, он никогда его не упускает. Но какая польза ему от своего судейства, если он не имеет возможности для возобновления своего права? Поэтому он депонирует такое право в общее приобретение общества и становится под защиту силы общества, частью которого является, отдавая ей преимущество и дополняя ею свою собственную силу<sup>1</sup>.

Анализ литературных источников свидетельствует о наличии значительного числа работ, посвященных либо правовому, либо социальному аспектам государства по отдельности. Меньше внимания уделено социально-правовому анализу государства, в единстве и взаимофункциональном взаимодействии этих начал. В этом направлении верной следует признать точку зрения И. Н. Николаенко, согласно которой их органический синтез дает жизнь фактически новой разновидности современной правовой государственности, которой является социально-правовое государство и порожаемое им право человека на достойное существование<sup>2</sup>.

Отсутствие эффективной социальной политики государства вызывает опасность социальных катаклизмов, подрывает основы государства, приводит к деградации личности, семьи, депопуляции, социальной поляризации в обществе. Поэтому исследования в данном направлении всегда актуальны для мирового сообщества. Вопросы социальной политики и государственности

---

<sup>1</sup> *Антология либерализма: политико-законодательные учения и верховенство права* / С. Головастый [и др.]. Киев, 2008. С. 476.

<sup>2</sup> *Николаенко И. Н. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

находятся в центре внимания политических дискуссий и научных исследований. В развитых зарубежных странах прослеживается тенденция к модернизации социального государства, его приспособлению к вызовам современного мира.

Отличительной чертой современных государств от предыдущих типов государственности является основная цель, которая состоит в обеспечении защиты и обслуживании интересов всего общества, а не определенной его части. Такое государство построено на признании прав, свобод и законных интересов человека как высшей ценности, приоритете прав человека над интересами других участников общественных отношений (субъектов ведения хозяйства, государственных органов, должностных лиц и т. п.)<sup>3</sup>.

Практическое значение концепции правового государства предопределяется тем, что она концентрирует, воплощает прогрессивные достижения человечества в государственно-правовой сфере. Уже само понятие правового государства выступает общецивилизационным приобретением, общечеловеческой ценностью политико-юридической практики. К этой концепции обращаются в настоящее время в разных жизненных ситуациях, в частности, во время организации политических партий, других общественных объединений, при формулировке их политических требований, разработке программных документов, проведении публичных политических акций — выборов, митингов, демонстраций, основании печатных органов, издании и применении законов и т. п. Данная концепция может служить гражданам как идеологический источник их ожиданий и надежд относительно государства, для обоснования пожеланий, рекомендаций, требований к его правовой политике и обеспечению основных прав и свобод<sup>4</sup>.

Современные страны на мировой арене практически все имеют статус социально-правового государства, как развитые страны, так и постсоциалистические страны Восточной Европы и СНГ. В то же время в процессе определения общей стратегии развития постсоциалистического лагеря были допущены просчеты, связанные с недооценкой социальной составляющей в политике государств. Это привело к росту социального недовольства масс, возмущениям социальных групп, усилению напряженности и создало преграды для реализации политических и экономических преобразований. Диспропорция социального и политического векторов развития ведет к дальнейшей дестабилизации эффективности правовой политики современных государств. В связи с этим социальная ориентация политики должна стать основной целью стратегии правового государства на современном этапе развития. Такой

---

<sup>3</sup> *Основы демократии. Права человека и их обеспечение в условиях общественных изменений* / О. В. Филонов [и др.]. Киев, 2008. С. 132.

<sup>4</sup> *Рабинович П. М. Основы общей теории права и государства*. Харьков, 2002. С. 26.

аргумент имеет приоритетное значение в контексте трансформационных изменений, происходящих в глобализационном векторе развития.

Критериями оценки степени социальности правового демократического государства, исходя из рекомендаций Итоговых документов глобальных международных форумов последних лет (среди них Всемирная встреча на более высоком уровне в интересах социального развития (Копенгаген, 1995), 24-я специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам социального развития (Женева, 2000), Ассамблея тысячелетия (Нью-Йорк, 2000)), можно назвать следующие:

- соблюдение прав человека;
- проведение активной и сильной социальной политики;
- обеспечение стандартов достойной жизни для большинства граждан;
- адресную поддержку наиболее уязвимых слоев и групп населения, сокращение и ликвидацию бедности;
- гарантии создания благополучных условий для реального участия граждан в производстве и социальной экспертизе решений на всех уровнях власти и управления;
- соблюдение прав и гарантий, которые признают и развивают систему социального партнерства в качестве основного механизма достижения общественного согласия и баланса интересов работника и работодателя при регулирующей роли государства;
- гарантии, при которых любой хозяйствующий субъект, любой владелец должен нести конкретную социальную ответственность.

Подобный подход имеет обобщающий характер практики стран мирового сообщества и должен находить свою конкретизацию и применение в рекомендациях по определению государственных социальных стандартов.

Важно на законодательном уровне ввести в практику реализации социальной политики в правовом государстве мониторинг социальных индикаторов, что даст возможность адекватно и оперативно реагировать на социальные трансформации общества. В качестве основных социальных индикаторов для системы мониторинга можно избрать следующие: динамику изменения численности населения за счет естественного движения и миграционного сальдо; индекс человеческого развития; ВВП на душу населения; средний уровень заработной платы; средний уровень пенсионного обеспечения; уровень бедности; размеры задолженности по заработной плате и другим социальным выплатам; уровень безработицы; образовательную структуру населения; жилищные условия в стране; обеспеченность социальной инфраструктурой.

Приведенная система индикаторов социального развития содержит только основные, не является полной и подлежит еще значительному расширению. Ее формирование и анализ следует проводить в единой системе, а не изолированно, как это происходит сейчас. Данный процесс должен находиться в

компетенции одного социального органа, а не десятка органов по разным ведомствам.

Социальная сфера представляет один из индикаторов эффективности реализации правовой политики государства. От того, насколько эффективно в государстве реализуются социальная защита и социальные права человека, зависит и развитие государства. Поэтому эффективное функционирование социальной сферы является одной из приоритетных задач на современном этапе социально-экономического развития.

Глобализационные трансформации требуют от государства выработки и осуществления социальной политики, которая будет способствовать обеспечению достаточного жизненного уровня населения, высокого качества трудового потенциала, социально-экономического роста общества, защиты социально незащищенных слоев населения, ликвидации бедности населения, гармоничному развитию личности.

**О. И. Филонова**

## **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРИОДА НЭПА**

Для успеха современной судебной реформы необходимо учитывать отечественный опыт с целью избежать ошибок прошлого и заимствовать положительный опыт. Суды в период нэпа не обладали независимостью, являлись частью государственного аппарата, и их деятельность осуществлялась под непосредственным руководством и контролем большевистской партии и советского правительства.

Поскольку функционирование советских судебных органов имело политическую направленность, изменение курса государственной политики немедленно отражалось на задачах в деятельности судов. Суды должны были содействовать проведению мероприятий Советского государства: в 1921–1926 гг. — новой экономической политики; в 1927–1929 гг. — переходу к индустриализации и коллективизации. С переходом к нэпу идея классовой борьбы не исчезла.

Органы судебного управления требовали учитывать принцип классовости при вынесении решений и приговоров. Для реализации указанного принципа возможности имелись. Так, Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. содержали лишь один предел наказания — низший или высший, в зависимости от категории преступления. Верховный Суд РСФСР дал рекомендации по выбору подхода к назначению наказания. Все преступления делились на две группы: преступления, которые угрожали основам советского строя; остальные виды преступлений, которые в большинстве случаев имели бытовой или имущественный характер. При назначении наказаний за преступления пер-

вой группы Верховный Суд предписывал судам оставаться беспощадными; в отношении преступлений второй группы — снижать меру репрессии<sup>1</sup>.

Как указывал Уральский областной суд, каждое действие суда должно было быть только в интересах рабочего класса и беднейшего крестьянства. В протоколе судебного заседания следовало непременно зафиксировать, чем занимался тяжущийся до революции, где он был во время революции и какое его было имущественное положение тогда и в настоящее время; и только учитывая эти обстоятельства, народный суд мог выносить решение<sup>2</sup>.

С началом свертывания нэпа и переходом к политике индустриализации и коллективизации задачи советского суда трансформировались. Партийные и советские органы уделяли особое внимание делам, связанным с хлебозаготовительными кампаниями на всем протяжении 1920-х гг. Но в 1928–1929 гг. содействие государству в проведении хлебозаготовительных кампаний в деревне стало приоритетным направлением в судопроизводстве. Судьи должны были уделять таким делам максимальное внимание, соблюдать особый порядок их рассмотрения и следовать политической линии.

Особенностью уголовного судопроизводства в тот период стала перекалфикация обычных уголовных дел в политические. Такие методы борьбы кулачества, как записки с угрозами, «организация в день отчетов и перевыборов выпивок», «спаивание деревенского актива», провокация пожаров для срыва собраний, дискредитация членов Советов, объявление у ворот церкви о молебне в день выборов, судьи должны были квалифицировать как антисоветские выступления, а не как простое хулиганство<sup>3</sup>.

Теоретической основой деятельности судов стал тезис о приближении судов к населению, который на практике реализовался в широком распространении выездных сессий судов. Особое значение они получили в сельской местности, характеризующейся большой протяженностью территории, малой плотностью населения и неразвитостью системы коммуникаций. Органы судебного управления, партийные и исполнительные комитеты указывали на необходимость проведения в выездных сессиях суда показательных процессов по делам, представлявшим политическое или общественное значение.

Деятельность судов находилась под контролем органов судебного управления и партийных комитетов. Так, НКЮ РСФСР указывал, что на практике в некоторых случаях партийные организации, придавая общественно-политическое значение тому или иному делу, не только разрешали вопрос относительно того, как должно слушаться дело (в показательном процессе или нет), но и выносили директиву, какие меры социальной защиты должны быть приме-

---

<sup>1</sup> Государственный архив Свердловской области. Ф. 148-р. Оп. 1. Д. 647. Л. 20–22.

<sup>2</sup> Государственный архив Курганской области. Ф. 178-р. Оп. 1. Д. 7. Л. 103.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 475-р. Оп. 1. Д. 287. Л. 67–68.

нены к отдельным обвиняемым. Как отмечал НКЮ РСФСР, это противоречило постановлению Пленума ЦК ВКП(б), запрещавшему в порядке директивы предпринимать приговор судебных органов, и постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1926 г., запрещавшему местным партийным организациям давать директивы судебным органам о мере наказания<sup>4</sup>.

Судебные органы осуществляли свою деятельность в соответствии с разработанными для них НКЮ РСФСР планами. Перед судебными органами ставились задачи, связанные со всеми направлениями государственной политики. Кроме того, на суды возлагались обязанности по выполнению общественно-правовой и общественно-политической работы. Пропаганда советского права и агитация мероприятий, проводимых партией и правительством, осуществлялись как в судебном порядке (вынесение приговоров и решений, исходя из политики партии и правительства; проведение показательных судебных процессов, работа в выездных сессиях), так и через ведение общественной работы. Общественная деятельность суда заключалась в выступлениях с докладами в различных организациях и перед трудовыми коллективами, работе в избах-читальнях, участии в кампаниях, например по перевыборам в советы.

Таким образом, деятельность судов в период нэпа находилась под влиянием государственной политики, что представляется негативным опытом, которого следует избегать. В то же время вызывает интерес практика привлечения внимания судов к рассмотрению дел, имевших общественно-политическое значение. По таким делам проводились показательные процессы с освещением в печати, в том числе с целью выявить перед населением социальную опасность какого-либо преступления и показать ему, как государственная власть борется с ним. Причем категории дел, требовавшие первоочередного и особого рассмотрения, менялись со сменой направления государственной политики. Интересен и опыт по приближению суда к населению, а именно практика проведения выездных сессий суда.

### **Ф. 3. Хасанов**

## **ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Современный этап развития отечественной системы здравоохранения знаменуется ее реформированием, главной движущей силой которого выступает комплекс проблем национальной системы здравоохранения, включая проблему низкой социально-экономической эффективности ее деятельности.

---

<sup>4</sup> *Совершенно секретный* циркуляр НКЮ РСФСР от 19 октября 1926 г. // Государственный архив Свердловской области. Ф. 148-р. Оп. 1. Д. 827. Л. 44.

За последние годы в стране сложилась крайне неблагоприятная обстановка в отрасли здравоохранения. Несмотря на проводимые реформы в этой области, приходится констатировать, что на сегодняшний день здравоохранение находится в глубоком кризисе. На это указывают и факты коррупции, регулярно выявляемые в медицинских учреждениях.

Обнаружение преступлений коррупционной направленности, в том числе в сфере здравоохранения, представляет определенную сложность, поскольку большинство из них относится к так называемым двусторонним преступлениям, т. е. таким, где нет потерпевшего — стороны, заинтересованной в выявлении такого преступления и наказании виновных, что обуславливает их высокую латентность.

Анализ федеральных нормативных правовых актов показывает, что для разработки и осуществления государственной политики в сфере здравоохранения в российском законодательстве имеются четкие и весомые, но пока не реализованные правовые основы. Статус предмета правовой политики за здравоохранением признают Конституция РФ и Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»<sup>1</sup>. Тем не менее структура и содержание данного направления в необходимой и достаточной степени не раскрыты.

Рассмотрение формирования государственной политики в области здравоохранения как комплексной проблемы предполагает, что при определении ее основ необходимо исследовать не только отражение изучаемого понятия в нормативных правовых актах, но и системные характеристики зафиксированной в нем сущности. В частности, принципиально важно решить вопрос о взаимосвязи между обозначенными в Конституции РФ направлениями государственной политики: а) в области здравоохранения (ст. 114); б) внутренней политики (ст. ст. 80 и 84). В системе государственной политики первое направление является частью второго — внутренней политики государства, которую определяет Президент РФ (ст. 80).

Фактически это соотношение в течение определенного времени уже было законодательно закреплено. Политика государства по развитию системы здравоохранения на долгосрочную перспективу требует создания единого правового механизма регулирования и охраны позитивных отношений, складывающихся между пациентом и медицинским работником.

Неотъемлемым элементом современной политики является разработка федеральных, региональных и муниципальных программ, где формируются текущие и перспективные задачи в сфере здравоохранения и меры по их реализации. Сложность проведения той или иной государственной политики

---

<sup>1</sup> Рос. газета. 2011. 23 нояб.



связана с тем, что в этом процессе задействованы все государственные органы: центральные, региональные, местные, а также затрагиваются интересы различных отраслей и ведомств, организаций, групп влияния и, наконец, отдельных лиц. Для реформирования системы здравоохранения необходима соответствующая нормативно-правовая база. Кроме того, следует подготовить и принять соответствующие нормативно-правовые документы, уточняющие и дополняющие отдельные положения действующих и вновь принимаемых законов.

Направления государственной политики в сфере здравоохранения можно разделить на несколько групп, исходя из задач (политические, экономические, социальные и др.), при решении которых возможно будет создать общенациональную систему охраны здоровья населения в Российской Федерации и обеспечить нормальное ее функционирование.

К политическим задачам следует отнести: определение пути дальнейшего развития здравоохранения с учетом мнения персонала здравоохранения и населения; разработку и осуществление стратегии развития здравоохранения органами государственной власти и местного самоуправления; окончательное формирование нормативно-правовой базы здравоохранения и создание системы контроля над исполнением законодательства; политическую поддержку в создании и функционировании структур, выражающих корпоративные интересы медицинского персонала на федеральном и региональном уровнях.

К экономическим задачам — признание реального существования медицинской услуги в качестве экономической категории; окончательное формирование и государственное регулирование рынка медицинских услуг; приведение обязательного медицинского страхования в единые для всей страны организационные рамки; стабилизацию отношений участников страхового процесса: страхователей, страховщиков, лечебных учреждений различных форм собственности, населения; урегулирование межбюджетных отношений между Минздравом РФ как представителем федерального центра и органами исполнительной власти субъектов Федерации.

Политика в области здравоохранения обязательно включает законодательные функции. Законодательное регулирование вопросов здравоохранения является одним из приоритетных направлений любой государственной политики, которая складывается из взаимосвязанных сфер внутренней политики государства, и поэтому требуется также финансовая политика, способствующая развитию программ укрепления здоровья и профилактики заболеваний с учетом того, что расходы на здравоохранение должны постепенно увеличиваться. Необходимо совершенствование на федеральном и территориальном уровнях законодательной и нормативной базы в области охраны тру-

да, окружающей среды, создание условий для занятий физкультурой и повышения физической активности, регулирование рекламы и продажи табачных изделий<sup>2</sup>.

Серьезные социальные последствия, связанные с результатами медицинской деятельности, требуют особого отношения к правовому регулированию этой сферы. Развитие медицинской науки и врачебной практики в различные периоды исторического развития общества отражалось и в праве. Однако правовое регулирование отношений в области применения медицины до самого последнего времени осуществлялось противоречиво, что было обусловлено социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в стране, а также возможностями использования достижений медицинской и биологической науки в практических целях.

**В. А. Хохлов**

### **О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УБИЙСТВО)**

В настоящее время влияние смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (ст. ст. 61 и 63 УК РФ) на избрание судом меры наказания в уголовном законодательстве формализовано слабо.

Между тем в научной литературе давно предлагается формализовать влияние смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств в большей степени, чем это делает законодатель, связав ограничение пределов наказания с наличием или отсутствием отдельных из указанных обстоятельств или их определенных сочетаний. В частности, А. В. Васильевский отмечает, что «было бы оправданным отразить непосредственно в законе запрет назначения максимального наказания при наличии хотя бы одного смягчающего обстоятельства, равно как и минимального наказания при наличии отягчающего обстоятельства»<sup>1</sup>. Т. В. Непомнящая считает необходимым дополнить ст. 62 УК РФ несколькими частями, в которых были бы сформулированы конкретные правила учета смягчающих и отягчающих обстоятельств. Среди них, например, обязательность назначения наиболее мягкого вида наказания при альтернативной санкции и ограничение максимального предела лишения свободы превышением минимального срока этого наказания, установленного в

---

<sup>2</sup> Шишов М. А. Актуальные вопросы государственного контроля в сфере здравоохранения // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 24–26.

<sup>1</sup> Цит. по: Кругликов Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 142.

соответствующей санкции, не более чем на одну треть при наличии смягчающих и отсутствииотягчающих наказание обстоятельств, а также другие положения, касающиеся случаев одновременного наличия отягчающих и отсутствия смягчающих обстоятельств либо наличия отягчающих и смягчающих обстоятельств<sup>2</sup>.

Особенно актуальными эти предложения представляются применительно к назначению наказания за особо тяжкие преступления, в том числе за простое и квалифицированное убийство, поскольку пределы санкций за подобные преступления чрезвычайно широки. Н. А. Лопашенко, исследовавшая практику назначения наказания за убийство, справедливо отмечает, что «требуется разработка новых правил учета при назначении наказания по конкретному уголовному делу смягчающих обстоятельств, помимо того учета, который есть сегодня в отношении двух пунктов ч. 1 ст. 61 УК»<sup>3</sup>, т. е. снижение наказания на одну единицу, установленную специально для этих целей и для каждого вида наказания, в частности на 4 месяца для лишения свободы<sup>4</sup>.

Ю. А. Васильев при назначении наказания за убийство предлагает брать за основу середину диапазона санкции и наделять каждое смягчающее или отягчающее обстоятельство способностью уменьшать или увеличивать этот срок на определенную величину, причем последняя должна быть переменной и зависеть от категории обстоятельств<sup>5</sup>.

Нами было изучено 39 приговоров, вынесенных в 2011–2015 гг. судами различных субъектов РФ, которыми виновные осуждены к пожизненному лишению свободы. Из 42 осужденных по этим приговорам трое совершили убийство одного потерпевшего, 39 — убийство двух или более лиц. Формулировки, содержащиеся в мотивировочной части приговоров и касающиеся избрания меры наказания, в ряде случаев выглядят не вполне убедительными, в силу чего вышестоящие инстанции изменяют приговоры, смягчая наказание. В целом, у одной трети осужденных за убийство двух или более лиц (13 лиц из 39) отсутствовали отягчающие наказание обстоятельства, тем не менее им было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Относительно приговоров по фактам убийства одного потерпевшего, которыми было назначено пожизненное лишение свободы, также возни-

---

<sup>2</sup> *Непомнящая Т. В.* Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 12–13.

<sup>3</sup> *Лопашенко Н. А.* Убийства. М., 2013. С. 181.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> *Васильев Ю. А.* Практика назначения наказания по делам об убийствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 8.

кают вопросы по поводу их обоснованности. Так, по одному из трех уголовных делотягчающие обстоятельства отсутствовали, в приговоре указано такое смягчающее обстоятельство, как явка с повинной (ст. 61 УК РФ), но при этом суд избрал наиболее суровое наказание из входящих в санкцию<sup>6</sup>.

С учетом изложенного представляется целесообразным закрепить в законе правило, согласно которому пожизненное лишение свободы не может назначаться при отсутствииотягчающих обстоятельств и наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пп. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Из трех вариантов назначения более мягкого наказания, указанных в ст. 64 УК РФ, применительно к простому и квалифицированному убийству возможны только два: назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрен данной статьей. Назначение более мягкого вида наказания по делам об убийстве встречается редко.

Намного чаще суды используют другой вариант смягчения наказания — назначение наказания ниже низшего предела. В частности, согласно статистике Судебного департамента удельный вес осужденных к лишению свободы ниже низшего предела за простое убийство в 2013 г. составил по РФ 4,9% (к общему числу осужденных к лишению свободы на определенный срок за данное преступление), в 2014 г. — 4,29; за квалифицированное убийство в 2013 г. — 5,17, в 2014 г. — 4,51%. При этом известны случаи, когда наказание ниже низшего предела назначалось при наличииотягчающих обстоятельств (например, рецидив).

Несмотря на то что ч. 3 ст. 68 УК РФ не расценивает рецидив как абсолютное препятствие для применения ст. 64 УК РФ по делам об особо тяжких преступлениях, в частности о простом и квалифицированном убийстве, стоит ограничить применение ст. 64 УК РФ при наличииотягчающих наказание обстоятельств: либо установить запрет на назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено в санкции, либо закрепить максимальный для таких ситуаций масштаб уменьшения наказания (например, не более чем на четверть от минимального предела санкции).

---

<sup>6</sup> *Приговор* Забайкальского краевого суда от 5 сентября 2013 г. по делу № 2-90/2013 в отношении Гаджиева // Портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL: [http://sudact.ru/regular/doc/hBcYNHXozLX/?regular-txt=Гаджиев&regular-case\\_doc=&regular-doc\\_type=1008&regular-date\\_from=&regular-date\\_to=&regular-workflow\\_stage=10&regular-area=1028&regular-court=Забайкальский+краевой+суд+%28Забайкальский+край%29&regular-judge=&\\_id=1444030057166&snippet\\_pos=204#snippet](http://sudact.ru/regular/doc/hBcYNHXozLX/?regular-txt=Гаджиев&regular-case_doc=&regular-doc_type=1008&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=1028&regular-court=Забайкальский+краевой+суд+%28Забайкальский+край%29&regular-judge=&_id=1444030057166&snippet_pos=204#snippet) (дата обращения: 10.05.2015).

## **А. В. Червяковский**

### **ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЮРИСТЫ О МЕСТЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ ЗАКОНОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

Официальное опубликование нормативных правовых актов является необходимым условием развития правовой информированности граждан и должностных лиц. В юридической науке существует немало дискуссионных вопросов относительно официального опубликования законов. В данной работе мы обратились к трудам дореволюционных российских ученых, чтобы проанализировать их взгляды на место официального опубликования законов в законодательном процессе.

Прежде всего, необходимо отметить, что дореволюционные российские ученые говорили не об официальном опубликовании законов, а об их официальном обнародовании, что подчеркивает предназначение данного действия — доведение принятого закона до населения. Более того, официальное обнародование законов во многие исторические периоды осуществлялось различными способами.

Следует согласиться с И. В. Михеевой в том, что обнародование закона учеными традиционно выделялось в качестве этапа законодательного процесса<sup>1</sup>. Так, по мнению Н. М. Коркунова, «процесс образования закона распадается на несколько резко отделенных стадий... Различают именно: 1) инициативу закона; 2) обсуждение законопроекта; 3) санкцию; 4) промульгацию и 5) обнародование или промульгацию закона»<sup>2</sup>. Е. Н. Трубецкой считал, что «каждый закон должен пройти через четыре стадии: 1) законодательная инициатива или почин; 2) обсуждение закона; 3) утверждение закона и 4) обнародование закона»<sup>3</sup>. И. Е. Андреевский, анализируя стадии законодательного процесса, выделял следующие: 1) возбуждение или инициативу закона; 2) составление проекта закона; 3) рассмотрение проекта; 4) утверждение проекта закона; 5) издание и обнародование закона<sup>4</sup>.

Г. Ф. Шершеневич писал: «В образовании закона различаются следующие моменты: 1) законодательная инициатива, 2) обсуждение законопроек-

---

<sup>1</sup> Михеева И. В. Законодательные «амбиции» правового акта в истории: вопросы общеизвестности // История государства и права. 2010. № 16. С. 8.

<sup>2</sup> Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 366.

<sup>3</sup> Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 117.

<sup>4</sup> Об этом см.: Зуев Н. И. Первый учебник по русскому государственному праву (к 180-летию со дня рождения известного ученого-государствоведа, государственно-го и общественного деятеля И. Е. Андреевского) // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 58–64.

та, 3) утверждение законопроекта, 4) обнародование закона»<sup>5</sup>. Он рассматривал промульгацию закона как составную часть его обнародования. По мнению ученого, в обнародовании закона можно «различать два момента: а) промульгацию, состоящую в приказе, скрепленном со стороны ответственного министра, привести закон, исходящий в установленном порядке, в исполнение, и б) публикацию текста закона в определенном органе печати»<sup>6</sup>. Тем самым содержание понятия «обнародование» сужалось и отграничивалось от «утверждения закона», которое рассматривалось как самостоятельная стадия «образования закона», предшествующая обнародованию закона<sup>7</sup>.

Во многом совпадающую позицию относительно места и роли обнародования закона можно встретить в трудах Н. К. Ренненкампа, который отмечал: «В новейшем государственном праве отличают в обнародовании закона еще особый акт промульгации закона, заключающийся в том, что глава государства объявляет законодательному учреждению, в известных выражениях и обрядности, что он утвердил представленный ему проект закона и повелевает обнародовать и привести его в действие»<sup>8</sup>. Из текста работы видно, что Н. К. Ренненкамп различал утверждение закона главой государства, издание акта, в котором он информирует парламент об этом действии и дальнейшем обнародовании, и вступление в силу закона.

Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой официальное обнародование закона не относится к процессу его принятия. Одним из основных аргументов сторонников данной позиции выступает то, что официальное обнародование не осуществляется законодательной ветвью власти. Ю. С. Гамбаров, подчеркивая значимость обнародования закона для его обязательности исполнения («Необнародованный закон также необязателен, как необязательна всякая необъявленная и нераспределенная воля»<sup>9</sup>), отмечал, что существование закона не зависит исключительно от его обнародования, представляющего собой акт исполнительной власти, иначе это было бы «вопиющим противоречием принципу разделения властей»<sup>10</sup>. По мнению А. Д. Градовского, «процесс составления законов» состоит из следующих моментов: 1) момента почина (инициативы); 2) составления проекта закона; 3) обсуждения проекта и 4) утверждения (санкции) проекта. Ученый писал, что «санкцией проекта заканчивается движение его в области законодательной. С момента утверждения он получает обязательную силу закона, т. е. в принципе делается общим правилом для известного рода дел. Но дей-

---

<sup>5</sup> *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1910. С. 383.

<sup>6</sup> Там же. С. 389.

<sup>7</sup> Там же. С. 383.

<sup>8</sup> *Ренненкамп Н. К.* Юридическая энциклопедия. Киев, 1913. С. 77–78.

<sup>9</sup> *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. I : Часть Общая. С. 253.

<sup>10</sup> Там же. С. 242.

ствительное приведение в действие закона нуждается в особом акте, именно — в обнародовании закона»<sup>11</sup>.

В заключение следует отметить, что оба подхода, представленные в трудах дореволюционных отечественных ученых, нашли отражение в работах советских и современных российских исследователей.

**Е. Г. Шадрина**

## **О НЕОБХОДИМОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ**

В правовой науке общепризнанным является положение о том, что уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и оперативно-розыскное законодательства в совокупности составляют комплекс нормативных правовых актов, регламентирующих процесс борьбы с преступностью и имеющих общие социальные задачи. Как отмечает А. В. Денисова, этот комплекс правовых актов можно именовать уголовным законодательством в широком смысле, выделяя его материальную, процессуальную, процедурную и розыскную составляющие<sup>1</sup>, а отрасли уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права объединяют в уголовно-правовой комплекс, или комплекс отраслей криминального цикла. Несомненно, составляющие данные отрасли отдельные институты имеют межотраслевую природу: они проявляются в сфере действия родственных отраслей права; представляют собой не механическую совокупность, а гармоничный сплав разноотраслевых правовых норм, регулирующих однородные отношения; соответствующие нормы проходят существенную переработку, модификацию применительно к специфике предмета и (или) метода правового регулирования другой отрасли<sup>2</sup>.

Исследование какого-либо правового явления невозможно без его научного осмысления. С точки зрения научного познания уголовно-процессуальный институт государственного обвинения выходит за рамки межотраслевого понимания.

Изучение наукой уголовного процесса института государственного обвинения предполагает его рассмотрение не просто как суммы процессуальных норм, а как социально-правового явления.

---

<sup>11</sup> Градовский А. Д. Начала русского государственного права : в 3 т. СПб., 1875. Т. I ; СПб., 1876. Т. II ; СПб., 1883. Т. III. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

<sup>1</sup> Денисова А. В. Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. 2011. № 1(33). С. 94.

<sup>2</sup> Сырых В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22.

Правовые нормы являются не единственными регуляторами общественных отношений. Те отношения, которые не попали в поле правового регулирования, подвергаются воздействию других регуляторов — общественной нравственности, морали и этики. Научное познание должно охватить социальные интересы и потребности, лежащие в основе правовых норм, для выработки эффективного механизма их правоприменения. Именно названные социальные интересы и потребности опосредованы социальными регуляторами. Деятельность государственного обвинителя в суде носит государственный характер, так как он является должностным лицом, представителем власти, осуществляет властные полномочия. Он наделяется этими полномочиями для защиты интересов общества, государства и его граждан от различных посягательств и в своем служебном общении с другими людьми представляет государственную власть. Его действия и решения затрагивают права и законные интересы граждан. Поэтому деятельность прокурора должна соответствовать принципам и нормам морали, охране авторитета государственной власти и ее представителей. Выполнение государственных обязанностей требует от представителей власти повышенного чувства долга.

В то же время подробное регулирование законом всей служебной деятельности судьи, следователя и прокурора представляет особенность этой профессии, накладывающей глубокий отпечаток на ее нравственное содержание. Нет, пожалуй, другой такой отрасли профессиональной деятельности, которая столь детально была бы урегулирована законом, как процессуальная деятельность, осуществляемая судьей, прокурором или следователем. Их действия и решения по существу и по форме должны строго соответствовать закону. Для профессиональной этики юриста характерна тесная связь правовых и моральных норм, регулирующих его профессиональную деятельность. Реализуя правовое и нравственное требование справедливости, юрист опирается на закон. Всякое решение, всякое действие следователя, прокурора, судьи, если оно соответствует закону, его правильно понимаемой сущности, будет соответствовать нравственным нормам, на которых зиждется закон. Отступление от закона, обход его, искаженное понимание и толкование по сути своей безнравственны. Они противоречат не только правовым нормам, но и нормам морали, профессиональной этики юриста. При этом безнравственны не только сознательные нарушения закона, но и противозаконные действия и решения, обусловленные нежеланием глубоко овладеть необходимыми знаниями, постоянно их совершенствовать, неряшливостью, неорганизованностью, отсутствием внутренней дисциплины и должного уважения к праву, его предписаниям. Профессиональная этика юриста формируется на основе взаимосвязи и взаимообусловленности правовых и нравственных принципов, правового и нравственного сознания. Ее предметом как отрасли науки, изучающей специфику проявления морали в различных видах деятельности, выступает также



деятельность по поддержанию государственности с точки зрения нравственного характера взаимоотношений с другими участниками правоотношения.

Таким образом, государственное обвинение можно рассматривать как комплексный научный институт, который выступает предметом изучения наук уголовного процесса, прокурорского надзора, криминалистики и профессиональной этики юриста. Комплексное научное познание этого правового явления позволяет перевести нормативные предписания законов в плоскость практической деятельности, оценить их эффективность и целесообразность, предопределить необходимость возникновения новых или совершенствования уже существующих, а в итоге представляет необходимое условие обеспечения законности деятельности его субъектов.

## **В. А. Шепель**

### **ПРАВО НА СУИЦИД**

Ежегодно более 800 тыс. человек прекращают жизнь суицидом (один человек каждые 40 секунд). Помимо этого, самоубийства имеют волновой эффект и воздействуют на общество, общины, друзей и родственников, у которых кто-то близкий покончил жизнь самоубийством<sup>1</sup>. Подобная статистика не учитывает числа попыток суицида, а их существенно больше, чем оконченных самоубийств.

В настоящее время существует проблема понимания суицида (включая и его последствия) в правовом контексте, поэтому мы сознательно ограничиваем вопрос, рассматриваемый в данной публикации, именно этой тематикой и дистанцируемся от научной проблематики, связанной с изучением причин суицидов, трансплантологии, эвтаназии и др.

Несмотря на встречающиеся в законодательстве термины «жизнь», «смерть», «суицид», правовая оценка суицида окончательно не сформирована. В законодательстве отсутствуют нормы, прямо определяющие юридические последствия суицида как поступка (только как юридического факта — события) и оценку правомерности или противоправности такого поведения. Однако само наличие подобного явления и его широкая распространенность позволяют говорить о необходимости юридической оценки суицида. Объектом интереса лица, совершающего суицид, является наступление смерти (прекращение жизни), причем смерти собственной, иначе подобные действия следует квалифицировать с позиций уголовного права.

Учитывая, что смерть в контексте юридического факта представляет событие, причем в случае с суицидом — событие относительное и необрати-

---

<sup>1</sup> По данным Всемирной ассоциации здравоохранения (ВОЗ) (*URL*: <http://www.who.int/features/qa/24/ru/> (дата обращения: 09.11.2015)).

мое, попытаемся определить юридическое значение термина и обозначаемого им явления «смерть». Исходя из анализа содержания ст. 66 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»<sup>2</sup> смерть понимается как прекращение функций живого организма и переход его в состояние неживого, т. е. изменение «статуса». И смерть мозга, и биологическая смерть являются понятиями медицинскими, однако в п. 8 данного Закона мы видим, что порядок установления момента смерти человека, в том числе критерии и процедура установления смерти человека, определяется Правительством Российской Федерации<sup>3</sup>. А это уже область права и закона.

Антиподом понятия «право на суицид»<sup>4</sup>, на наш взгляд, можно считать понятие «право на жизнь», которое рассматривается, как правило, в контексте естественных прав человека (если не считать право на суицид частью права на жизнь).

Статья 2 «Право на жизнь» Конвенции о защите прав человека и основных свобод определяет следующие моменты, связанные с правом на жизнь:

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы: а) для защиты любого лица от противоправного насилия; в) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа<sup>5</sup>.

Предположим, что в данном контексте можно понимать смерть как юридическую обязанность (вид ответственности).

В пункте 1 ст. 20 Конституции РФ закреплено, что каждый имеет право на жизнь. Однако позиционирование права на жизнь как «право» ставит вопрос о том, кто предоставляет такое право и каковы его границы. Отвечая на этот вопрос, мы неизбежно зависимы от концепций правопонимания.

И. А. Михайлова, рассматривая право на жизнь, считает, что «возможность распоряжения является неотъемлемым элементом большинства субъек-

---

<sup>2</sup> Рос. газета. 2011. 23 нояб.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> В связи с основной целью лица, совершающего суицид, — наступлением смерти находим допустимым использование термина «право на добровольную смерть».

<sup>5</sup> Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. : с изм. от 13 мая 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тивных гражданских прав... и единственным его ограничением является запрет действий, противоречащих закону или нарушающих права других лиц»<sup>6</sup>. Автор отмечает его уникальный характер, «обусловленный целым рядом факторов, прежде всего, высшей ценностью жизни среди всех других материальных и нематериальных благ и невозможностью восстановления или приобретения вновь права на жизнь, уже закончившуюся»<sup>7</sup>.

И. Х. Бабаджанов предлагает понимать право на жизнь как «субъективное правомочие частного характера», представляющее «нормативно закрепленную меру личной свободы индивида в сфере выбора и моделирования конструкций правоотношений, в которых объектом является жизнь»<sup>8</sup>. Право на жизнь, по мнению ученого, следует рассматривать «с позиций интегративного правопонимания, предполагающего слияние и взаимное дополнение концепций естественного права и юридического позитивизма»<sup>9</sup>. Оно включает в себя правомочие «распоряжением жизнью (совершение действий, связанных с риском для жизни, самоубийство)»<sup>10</sup>.

Н. А. Белобрагина в рамках изучения «права на жизнь» предлагает выделить два блока правомочий: 1) право на неприкосновенность жизни; 2) право на свободное распоряжение собственной жизнью, представляющее собой возможность добровольно поставить собственную жизнь под угрозу при отсутствии намерения привести к смерти и при наличии условий реализации права, исключающих угрозу жизни других лиц<sup>11</sup>.

Второй блок правомочий представляется особенно интересным, так как пересекается с вопросом, рассматриваемым в данной публикации, и в целом мы разделяем подобную позицию. Кроме того, считаем, что воспрепятствовать суициду можно только путем существенного ограничения прав и свобод человека.

Таким образом, следует признать, что термин «право на жизнь» недостаточно точно определяет имеющиеся права человека и нуждается в корректировке, если не в редакционном, то в содержательном смысле. Право на жизнь следует рассматривать в совокупности с правом на добровольную смерть. Тогда нужно допустить, что суицид можно трактовать как форму реализации

---

<sup>6</sup> Михайлова И. А. Распоряжение жизнью по действующему законодательству (философско-правовые аспекты) // Рос. судья. 2005. № 7. С. 45.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Бабаджанов И. Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2014. С. 8.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Белобрагина Н. А. Право на жизнь: конституционно-правовой механизм обеспечения и защиты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 6–7.

лицом своих правомочий (фактической реализации) в случае отсутствия вредных (опасных) последствий для общества.

Необходимость юридического определения суицида с позиций правомерного или неправомерного поведения имеет значение для регулирования и охраны тех правоотношений, которые возникают в связи со смертью лица (пенсионное обеспечение, наследование, долговые и иные обязательства, страхование и т. д.). Если допустить, что подобное поведение противоправно (хотя сегодня прямо и не запрещено законом), возникает вопрос о возможности наступления ответственности. В настоящее время данный пробел в правовом регулировании не восполнен.

## **С. С. Щепкин**

### **«ПОЛИТИКА» И «ПРАВО»: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ**

Политика — сложное многоаспектное явление, которое представляет собой часть (сторону, элемент) общества и включает в себя политические субъекты, политические общественные отношения, политические институты, политические нормы, политическую культуру, политическое сознание, политическую деятельность и т. д.

Главным в политике, ее ядром, выступает борьба за государственную власть. Политика — это сфера жизни общества, где происходит борьба за формирование, распределение и осуществление публичной власти. Под публичной властью понимаются способность и возможность одних людей или групп осуществлять воздействие на все общество, характеризующееся использованием в случае неповиновения насильственных принудительных средств<sup>1</sup>.

Право — сложная категория. Юридическая наука не выработала общепринятого понятия права. Самые распространенные подходы к определению права следующие. Позитивистская концепция сводит право к совокупности изданных государством норм, обеспеченных принудительной силой государства. Марксизм-ленинизм привнес в эту теорию классовый подход и определил право как возведенную в закон волю экономически господствующего класса. В последнее время преобладает мнение, что в праве решающее значение имеет государственная санкция, совместимая в моральном плане с поиском справедливости.

Эти трактовки обладают существенным недостатком, так как определять право через наказание означает то же самое, что определять здоровье через

---

<sup>1</sup> *Спиридонов Л. И.* Теория государства и права. СПб., 1995. С. 34 ; *Конституционное (государственное) право зарубежных стран* : учебник : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1993. Т. 1. С. 160 ; *Основы политической науки* : учеб. пособие для высших учебных заведений : в 2 ч. М., 1995. Ч. 1. С. 86.

болезнь. Понятие справедливости не имеет четких критериев оценки, так как зависит от общества, в котором оно существует. Например, «справедливость» сталинского, расистского или нацистского права не имеет ничего общего с современным пониманием. Это приводит к юридическому этноцентризму, т. е. идентификации права с государством, а также к двойному идеализму. Во-первых, идеализируется норма, т. е. общество, в котором нет четко составленного свода норм, не имеет права. Во-вторых, право сводится к чистой технике, существующей в абсолютной чистоте, т. е. право издавна определяется как свод норм, несущих в самих себе смысл и способ эволюции. Французский ученый Н. Рулан, один из ведущих специалистов в области юридической антропологии, утверждает, что право свойственно и первобытным, и традиционным, и современным сообществам, что «если бы юристы более конкретно исследовали свое собственное общество, они, несомненно, лучше поняли бы, что правовые явления бесконечно богаче тех представлений, к которым они слишком часто сводят свое знание»<sup>2</sup>.

Проблема соотношения политики и права носит непростой характер. В решении этой проблемы допускались и допускаются разного рода перекосы и крайности. Можно выделить две противоположные точки зрения.

Этатизм — одна из концепций, которая господствовала в нашей стране на протяжении десятилетий. Право в этом случае рассматривалось как «атрибут, инструмент, орудие, рычаг власти, способ юридического оформления партийно-политических решений... Незыблемым был тезис о примате политики над правом, власти над законом»<sup>3</sup>. Обществу внушалась идея о второстепенной и нерешающей роли права. Главное — это экономика, политика, идеология, а право чаще всего воспринималось как приказ «начальства», указание политических вождей, предписание сверху<sup>4</sup>.

Другой крайностью является констатация того, что право абсолютно свободно от политики. Однако аполитичность права — это иллюзия. Право — одно из самых политизированных явлений. По мнению А. И. Экимова, только «неискушенные в политике люди думают, что существует некая чистая правовая истина, независимая от политических интересов»<sup>5</sup>.

Политика и право — категории, имеющие исключительно социальный характер. Они порождены, функционируют и эволюционируют в соответствии с законами развития общества. Таким образом, для того чтобы определить соотношение политики и права, необходимо разобраться с тем, что представляет собой общество.

---

<sup>2</sup> Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 7–11.

<sup>3</sup> Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2003. С. 477.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Цит. по: Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 341.

Существуют две основные концепции общества — атомистическая и органистическая. Первая сводит общество к простой совокупности отдельных индивидов, которые по своему усмотрению создают все коллективные институты. Вторая концепция определяет общество как структуру безличных отношений между социальными статусами.

И. Л. Честнов предлагает решить эту антиномию на основе использования диалогической методологии, т. е. он определяет «общество (и все его стороны, моменты) как систему связей между социальными статусами, воспроизводящимися конкретными действиями персонифицированных людей»<sup>6</sup>.

Политика и право — общественные явления, они есть стороны, части общества. При этом понять политику и право вне общественно-исторического контекста невозможно.

В данном случае можно обратиться к словам А. Смита о том, что «согласно системе естественной свободы, государю надлежит выполнять только три обязанности: во-первых, обязанность ограждать общество от насилий и вторжений других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать, по мере возможности, каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить строгое и беспристрастное отправление правосудия; в-третьих, обязанность создавать и содержать учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах никаких определенных лиц или небольших групп, ибо прибыль от них никогда не сможет окупить затраты любого отдельного лица или небольшой группы лиц, хотя часто они смогут с лихвой окупиться большому обществу»<sup>7</sup>.

Если словам А. Смита придать концептуальный характер, то можно сделать следующий вывод о пределах вмешательства государства в политическую и правовую сферы жизнедеятельности общества: политика приобретает свободный характер, и государство самостоятельно осуществляет управление обществом только при исполнении указанных трех обязанностей, а во всех остальных сферах общество действует независимо от государства на основе принципа верховенства права, имеющего приоритет над политикой, и правовые нормы обладают большей силой, чем политические.

---

<sup>6</sup> Честнов И. Л. Онтологический статус юриспруденции в современном мире // Место юриспруденции в системе общественных наук (Первые спиридоновские чтения) : труды теоретического семинара юридического факультета СПбИВЭСЭП. СПб., 2000. Вып. 3. С. 9.

<sup>7</sup> Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. М., 1993. С. 341.

**А. Е. Юрицин**

## **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Настоящая свобода личности возможна только в демократическом обществе, которое, в отличие от политической власти, первично по отношению к государству. Построение такого общества в России является исторически длительным процессом, связанным с утверждением правового государства.

Гражданское общество существует лишь в условиях демократического политического режима, в условиях тоталитарных и авторитарных режимов оно не может нормально функционировать. Основанное на равенстве прав граждан и народовластии, гражданское общество является «производителем материальных и духовных благ и призвано заботиться о безопасности всех и каждого, решать общественные вопросы и контролировать государственные институты»<sup>1</sup>.

В идеале гражданское общество — это «общество, в котором государство и общество образуют две четко разделенные между собой сферы, причем государство имеет чисто инструментальный характер, контролируя индивидуальные интересы в их экстремальных проявлениях, оно само находится под контролем институтов, имеющих базу»<sup>2</sup>.

По нашему мнению, современная Россия находится в самом начале пути построения гражданского общества, что проявляется в недостаточном развитии его важнейших институтов: политических партий и общественных объединений, независимых от государства средств массовой информации, частной собственности, рыночной экономики, отсутствии у многих граждан социальной ответственности и т. д. Государственно-организованное начало в нашей стране не в полной мере находится в фокусе гражданского общества. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на значимые проблемы формирования гражданского общества в России.

Развитое гражданское общество всегда демократическое. Трудности становления демократии в нашей стране во многом обусловлены «отсутствием политической культуры демократического (гражданского) типа, ибо и нашим политикам, и рядовым гражданам, и институтам во многом соответствуют императивы недемократической политической культуры, корни которой уходят в прошлое»<sup>3</sup>. В подтверждение данного тезиса отметим невысокую избирательную активность граждан. Так, в ходе проведения региональных выбо-

---

<sup>1</sup> Тихомиров Ю. А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 36.

<sup>2</sup> Геллнер Э. Условия свободы. М., 1955. С. 214.

<sup>3</sup> Петрова С. В., Шустова Л. И. Гражданская культура как имманентная характеристика современного общества // Общество и право. 2006. № 2. С. 18.

ров в Единый день голосования в 2013 г. в некоторых субъектах РФ была зафиксирована низкая явка избирателей (в г. Москве явка избирателей составила 34,36%, на предыдущих выборах — 53,21%)<sup>4</sup>.

По мнению С. С. Зенина, в нашей стране отмечается тенденция к «стагнации императивных институтов народовластия»<sup>5</sup>. Невозможно построить развитое гражданское общество без признания свободы в качестве важнейшей абсолютной ценности в жизни каждого человека. В свою очередь, свобода не может сохраниться в обществе, которое не стремится к справедливости. Такое общество неизбежно ведет к расколу между теми, чья свобода материально подкреплена (они находятся в абсолютном меньшинстве), и теми, для кого она является синонимом крайне низкого уровня жизни (их значительное большинство). Следствием этого раскола могут стать либо социальные потрясения, либо политическая и экономическая диктатура немногочисленного привилегированного класса.

Класс собственников представляет собой индикатор зрелости гражданского общества. Чем большее число людей являются собственниками, тем крепче гражданское общество, тем меньше сфера господства государства. Многие эксперты считают, что доля лиц, относящихся к среднему классу, должна составлять 60–70% населения<sup>6</sup>. Эти лица в значительно меньшей степени зависят от государства, так как финансово самостоятельны и независимы.

Материальный фундамент гражданского общества — мелкий и средний бизнес, который в развитых государствах составляет до 70–80% экономики.

Наиболее остро в настоящее время в социальной сфере стоит проблема массовой бедности — происходит консервация нищенского существования почти 1/6 населения страны. Так, если в Российской Федерации в 2012 г. доход ниже прожиточного минимума имели 15,5 млн человек (10,7%), в 2014 г. — 16,1 млн человек (11,2%), то в 2015 г. — уже 21,7 млн человек (15,1%)<sup>7</sup>. Аксиоматично, что только экономически свободные граждане способны обеспечить эффективный, независимый, реальный общественный контроль в сфере государственного управления. По имущественному неравенству, лишь 1% населения владеет 71% всех наличных денежных средств в стране<sup>8</sup>. Еще

---

<sup>4</sup> ЦИК РФ. Выборы в субъектах Российской Федерации. Единый день голосования 8 сентября 2013 года. URL: [http://cikrf.ru/banners/vib\\_arhiv/electday/vib\\_080913/vib.html](http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/electday/vib_080913/vib.html) (дата обращения: 17.09.2015).

<sup>5</sup> Зенин С. С. Динамизм конституционного принципа народовластия в Российской Федерации: теоретический аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 6.

<sup>6</sup> По некоторым оценкам, доля среднего класса в России составляет не более 8–10% всего населения.

<sup>7</sup> Жизнь на грани // Аргументы и факты. 2015. 23 сент.

<sup>8</sup> Повод для гордости // Там же. 2013. 18 дек.



Г. В. Ф. Гегель отмечал, что в тех случаях, когда образуется пропасть между несметными богатствами на одном полюсе общества и нищетой — на другом, жизнь многих людей оказывается ниже необходимого уровня существования. Это, в свою очередь, ведет к утрате ощущения возможности обеспечивать свое существование собственным трудом и порождает паразитизм и социальное иждивенчество<sup>9</sup>.

Еще одной важной проблемой, которая нуждается в разрешении, является необходимость ограничения государственной власти со стороны гражданского общества. Оно призвано стать одним из важнейших рычагов в системе «сдержек и противовесов», ограничивающих стремление политической власти к абсолютному господству. Оно должно защитить граждан и их объединения от незаконного вмешательства государственной власти. Для выполнения данной задачи у него есть много средств: участие граждан в избирательных кампаниях и референдумах, акциях протестов или поддержки и др. В то же время широкое вовлечение граждан в решение дел государства должно сопровождаться предварительным обучением населения правилам поведения в гражданском обществе, пропагандой гражданской ответственности за совершение тех или иных социально значимых деяний. Как было отмечено исследователями, одним из признаков гражданского общества является наличие в нем «подавляющего большинства граждан, воспитанных в духе неукоснительного соблюдения законов, нравственных норм, уважения к правам и свободам других граждан, высокой личной ответственности за свои поступки и принимаемые решения»<sup>10</sup>.

Очевидно, что Россия заинтересована в формировании развитого гражданского общества, которое «должно быть не стихийное, а поэтапное и четко регулируемое государством с передачей общественным организациям соответствующих все больших полномочий в управлении государством по мере развития у населения правового и политического самосознания и ответственности за страну и за ее будущее»<sup>11</sup>. Представляя высшую форму самореализации индивидов, гражданское общество стремится к совершенству экономического, политического развития государства, росту культуры, самосознания и благосостояния граждан, без него нельзя построить демократическое правовое государство. Только свободные, ответственные, инициативные и неравнодушные граждане способны создавать рациональные, направленные на достижение социальной справедливости и общественного компромисса формы человеческого общежития.

---

<sup>9</sup> Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 234.

<sup>10</sup> *Сургутсков В. И., Зайцева Е. В.* Лицензионно-разрешительный полицейский надзор в сфере оборота оружия. Саратов, 2015. С. 12.

<sup>11</sup> *Грудцына Л. Ю.* Развитие гражданского общества в аспекте конвергенции частноправовых и публично-правовых начал российского права // *Административное и муниципальное право*. 2013. № 5. С. 49.

**ИДЕЯ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ С. А. КОТЛЯРЕВСКОГО**

Становление отечественной системы представительной власти по праву связывается с Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. В нем впервые закреплялись законодательные и контрольные полномочия представительного органа — Государственной думы Российской империи<sup>1</sup>. Многими учеными-юристами того времени подобные преобразования виделись переходными на пути к построению более совершенной формы представительства. Оригинальный подход к данной проблеме выработал выдающийся отечественный либеральный правовед начала XX в. С. А. Котляревский.

Следуя либеральным демократическим идеалам, ученый среди всех форм представительства симпатизировал народному. Автор отмечал, что желательная организация представительных органов государства в первую очередь связана с постепенным расширением избирательного права<sup>2</sup>. Основу избирательной системы должно составлять право голоса, соответствующее формуле: всеобщее, равное, тайное и прямое<sup>3</sup>. Возможность расширения участия общественных масс в формировании представительных органов правовед видел в отмене либо пересмотре различного рода цензов: имущественного, налогового, гендерного, образовательного, возрастного, ценза оседлости<sup>4</sup>.

Требование равенства голосов С. А. Котляревский считал не менее значимым. Неравный вес голоса одного избирателя по отношению к другому на основании различий в образованности, имущественном и семейном положении ученый считал смягченной формой цензов, что, по его мнению, было недопустимым<sup>5</sup>.

Правовед придерживался мнения, что между избирателями и избранниками должна быть прямая связь, поэтому выступал против двухступенчатых выборов. Ценность прямых выборов С. А. Котляревский видел в создании тесной связи между гражданами и представительными учреждениями, а также в росте нравственной ответственности последних перед избирателями<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> *Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка* // Правительственный Вестник. СПб., 1905. № 222. 18(31) окт. С. 1.

<sup>2</sup> *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1905. С. 104.

<sup>3</sup> Там же. С. 123.

<sup>4</sup> Там же. С. 102–129.

<sup>5</sup> Там же. С. 129–131.

<sup>6</sup> Там же. С. 131–133.

Наряду с вышеуказанными признаками избирательного права, автор отстаивал положение о тайной подаче голосов. При этом для ученого не было принципиальным, каким образом данное требование будет воплощаться в жизнь: изоляцией избирателя, подачей бюллетеня в запечатанном конверте и т. д., важно, что таким образом преодолевается возможность давления на гражданина со стороны лиц, заинтересованных в подаче определенного голоса<sup>7</sup>.

Российский либеральный ученый одним из первых выступал за пропорциональную избирательную систему. Подобный способ формирования представительного органа, по мнению С. А. Котляревского, благоприятствует политическому воспитанию избирателей, а главное, объективно отражает дифференциацию граждан на различные социальные группы<sup>8</sup>.

Помимо всеобщего права голоса, согласно взглядам ученого, преимущества народного представительства заключаются в особенностях организации и характере полномочий представительных органов.

Правовед выступал с критикой однопалатного парламента<sup>9</sup> и отстаивал идею двухпалатной системы, в которой нижняя палата представляет интересы населения в целом, а верхняя — интересы жителей, проживающих на определенных территориях<sup>10</sup>. При этом либерал подчеркивал, что двойственность представительства не связана с профессиональными или классовыми интересами, а вытекает исключительно из принадлежности каждого гражданина к государственному и местному союзам<sup>11</sup>. Преимуществом такой модели автор считал полное и всестороннее соблюдение принципа народного суверенитета.

По вопросу о порядке формирования каждой из палат парламента С. А. Котляревский имел оригинальную точку зрения. Он полагал, что нижняя палата парламента должна создаваться путем всеобщего голосования, соединенного с выборами по списку и пропорциональным представительством. Автор отмечал, что в основе подобного устройства нижней палаты лежат политические партии<sup>12</sup>. Гражданин таким образом голосует не за конкретного кандидата, основывая свой выбор исходя из его личных качеств, а голосует за политические идеи, отстаиваемые определенной партийной программой.

---

<sup>7</sup> Там же. С. 133.

<sup>8</sup> Там же. С. 133–139.

<sup>9</sup> *Котляревский С. А.* Предпосылки демократии // Вопросы философии и психологии. М., 1905. № 2. С. 114–116.

<sup>10</sup> *Котляревский С. А.* К вопросу об основах народного представительства // Саратовская земская неделя. 1905. № 5. С. 64.

<sup>11</sup> *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 149–150.

<sup>12</sup> *Котляревский С. А.* К философии избирательного права // Вопросы философии и психологии. 1905. № 5. С. 292–293.

Подобная система, по мнению С. А. Котляревского, вносит глубокий вклад в политическое воспитание народа, способствует более тесной связи между избирателями и политическими партиями, а также содействует реализации права меньшинства на представительство в органах власти<sup>13</sup>.

Правовед подчеркивал, что единство между представителями различных групп населения, создаваемое местными интересами, заслуживает особого представительства, поскольку смягчает контраст между индивидуумом и государством. Поэтому ученый считал, что верхняя палата парламента должна основываться на представительстве местных учреждений<sup>14</sup>. Автор не указывал желательного способа выборов членов верхней палаты, но отмечал, как важен демократический характер местных органов власти, их создание на основе всеобщего права голоса<sup>15</sup>.

А. С. Котляревский считал немаловажным вопрос о характере полномочий представительного учреждения. Он утверждал, что представительство не должно носить совещательного характера<sup>16</sup>. Основная функция представительства должна заключаться в осуществлении законодательной власти<sup>17</sup>.

Таким образом, учение С. А. Котляревского о народном представительстве предвосхитило развитие парламентаризма в России. С. А. Котляревский был одним из первых правоведов, кто последовательно выступал за наделение представительного собрания законодательными полномочиями; за всеобщее, прямое, равное и тайное голосование; а также за двухпалатную систему парламента.

## **Т. Ф. Ящук**

### **ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА**

Градостроительная политика и формируемое на ее основе законодательство охватывают широкий спектр общественных отношений. Однако при всем их многообразии центральное место занимают устанавливаемый порядок землепользования в пределах города и регламентация организации городского пространства.

---

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 139–145.

<sup>15</sup> *Котляревский С. А.* К вопросу об основах народного представительства. С. 65.

<sup>16</sup> *Котляревский С. А.* Совещательное представительство. Ростов н/Д, 1905. 16 с.

<sup>17</sup> *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 154.

После Октябрьской революции земельное законодательство ввиду особой политической актуальности было кардинально изменено. Декрет о земле, удовлетворяя чаяния крестьян, декларировал социализацию земли, а Декрет об отмене права частной собственности на недвижимость в городах от 15 августа 1918 г. провозгласил муниципализацию земли в городах. Это означало, что все участки в пределах городской черты переходили в ведение органов городского управления.

Нормы данного Декрета повторялись и конкретизировались значимыми актами, такими как Земельный кодекс РСФСР 1922 г. и Положение о земельных распорядках в городах 1925 г. Последнее подробно регулировало разнообразные правоотношения, возникающие в сфере городского землепользования, поэтому неудивительно, что оно сохраняло юридическую силу и применялось до конца советского периода.

Важнейшим правом, которое позволяло субъектам (физическим и юридическим лицам) получать участки городской земли, было право застройки. Оно закреплялось в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. и заключалось в срочном возмездном пользовании участком городской земли, выделяемом для возведения жилого или нежилого строения. Полная его отмена состоялась в 1948 г.<sup>1</sup>

В конце 1920-х гг., в связи с ликвидацией основанного на частной собственности предпринимательства, утратила значение такая форма землепользования, как аренда, хотя формально она законом допускалась. Право застройки и аренды вытеснялось новым правомочием — бессрочным пользованием. Впервые его юридическое закрепление произошло в законах, которые касались жилищного строительства, т. е. не были прямо связаны с пересмотром действующего режима городских земель. Его появление проистекало из конкретной цели — стимулировать и ускорить процесс жилищного строительства. Однако в дальнейшем эта, казалось бы, частная норма серьезно изменила порядок городского землепользования.

Существенную деформацию на протяжении советского периода претерпела законодательная норма о признании всей земли в пределах городской черты муниципальным имуществом. Уже положение о земельных распорядках в городах в статьях, касающихся рентного обложения земельных участков, допускало серьезное изъятие от общих требований. Особое положение занимали участки, на которых располагались военные объекты, железные дороги и т. п. Такие объекты, в материальном смысле размещаясь на территории города, в юридическом отношении не были с ним связаны.

Число участков, не подведомственных городским властям, постоянно расширялось. В предвоенный период это было вызвано реализацией круп-

---

<sup>1</sup> *Яцук Т. Ф.* Право застройки в истории российского законодательства // Международные юридические чтения : мат-лы и доклады. Омск, 2008. С. 141–143.

ных индустриальных проектов, ориентированных на выпуск военной продукции. В послевоенный период реализация крупных проектов, привязанных к определенным городским центрам, проводилась иначе. Так, возведение мощного нефтезавода и сопутствующей инфраструктуры, в том числе и жилого сектора, началось за пределами городской черты Омска. Аналогичным образом в Новосибирске для размещения Академгородка была выбрана незаселенная территория на берегу Обского водохранилища. Очевидно, что готовились локальные планы застройки таких районов, не привязанные к исторически сложившейся организации территории близлежащего города. Даже население формировалось за счет привлеченных кадров, направленных на работу молодых специалистов, а не путем внутренней миграции горожан. Юридическое включение в состав города новых территорий происходило позднее. Поскольку решение вопросов административно-территориального устройства находилось в ведении Президиума Верховного Совета РСФСР, то указами этого органа были созданы Советский район в Омске и Советский район в Новосибирске.

В советский период отсутствие частной собственности на землю создавало благоприятную предпосылку для перехода к новому качеству организации городской территории. Можно выделить следующие основные принципы градостроительной политики того периода: рационализацию организации территории; утилитаризм; соблюдение санитарно-гигиенических норм; экономичность, гармоничность городского пространства.

Рационализацию организации территории как принцип можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, в широком понимании, когда его действие распространяется на всю территорию государства. В процессе проводимых в Советском государстве административно-территориальных реформ отдельные города становились центрами вновь образуемых административно-территориальных единиц (в 1920-е гг. округов, краев и областей, позднее — районов, краев и областей). Те города, которые такой статус не получили, обычно приходили в упадок или даже переводились в категорию сельских поселений. Если принцип рационализации организации территории ограничить узким пониманием, то город рассматривается как самодостаточный организм, который включает все зоны: промышленную, селитебную, рекреационную. Транспортные пути, энергетическое обеспечение связывают его воедино.

Принцип утилитаризма заключался в подчинении развития города хозяйственным и политическим задачам, т. е. город выступал как индустриальный центр, обеспечивающих реализацию функций государства. Влияние этого принципа по-разному проявлялось на определенных этапах развития Советского государства. В период индустриализации ускоренными темпами вводились предприятия оборонных отраслей в центре и на востоке страны, что отразилось на развитии таких городов, как Екатеринбург, Магнитогорск,

Новокузнецк и др. Изменила облик многих уральских и сибирских городов спешная эвакуация промышленных объектов в первые месяцы войны, когда заводы и фабрики размещались на любом подходящем участке города. Архитектурный и эстетический ландшафт в данной ситуации не учитывался.

Принцип соблюдения санитарно-гигиенических норм проистекал из декларируемой здоровой природы советского города. Большинство норм такого содержания устанавливались Наркоматом, а позднее Министерством здравоохранения. При проектировании обязательно предусматривались санитарные пояса, зеленые зоны, рассчитывалась инсоляция отдельных помещений. При размещении промышленных предприятий учитывалась роза ветров и т. д.

Принцип экономичности определял набор инфраструктурных объектов в городе, финансовые затраты на их возведение и содержание. Принадлежность исключительно к государственной собственности сферы услуги (образования, здравоохранения, культуры) позволяла точно рассчитывать необходимое количество таких заведений, использовать типовые проекты. До сих пор во многих городах располагаются идентичные здания театров или кинотеатров (например, в Тольятти и Омске). До настоящего времени эксплуатируются школы, построенные по типовым планам 1930-х гг.

Гармоничность городского пространства также выступала принципом, определявшим градостроительные решения. Она достигалась на уровне Генерального плана и планов застройки отдельных районов. Генеральный план включал все зоны: промышленную, селитебную, рекреационную, санитарную. В локальные планы, составленные в 1930-е гг., внедряется новая территориальная доминанта — рабочий клуб, который призван заменить место церкви. В дальнейшем в новых городах или во вновь возводимых районах планировались локальные центры, включающие площади, дома культуры, парки, иные социально-культурные объекты.

Обсуждение концептуальных основ, на которых должны базироваться будущие генеральные планы городов, началось в профессиональной среде в 1920-е гг. Отработка теоретических положений и практических решений велась на различных вариантах плана «большой Москвы». Однако в довоенный период только несколько российских городов имели утвержденные генеральные планы, приступить к практическому выполнению которых за исключением отдельных фрагментов просто не успели.

Для большинства городов к подготовке планов приступили только в послевоенный период. В условиях централизованного государства роль местной инициативы в рациональной организации пространства местного сообщества не могла быть определяющим фактором. Например, разработка Генерального плана Омска была поручена Московскому государственному институту по проектированию городов. Сам план, представленный в первой половине 1949 г., обсуждался партийными, советскими и общественными организаци-

ями, и, по мнению современных исследователей, это позволило горожанам внести свои дополнения<sup>2</sup>.

Изучение опыта фактического исполнения генеральных планов по отдельным городам показало, что во всех случаях в них вносились более или менее существенные коррективы. Однако даже в измененных вариантах они обеспечили создание относительно однородной городской среды.

---

<sup>2</sup> Жидченко А. В., Рыженко В. Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. Омск, 2013. С. 132–133.



## Сведения об авторах

**Абрамова Марина Геннадьевна** — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

**Амиров Рустем Загирович** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

**Балко Владимир Иванович** — преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин колледжа «Кайнар» (г. Семей, Республика Казахстан).

**Борт Александр Петрович** — соискатель кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия» (Украина).

**Бтикеева Марина Анатольевна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Бучакова Марина Александровна** — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

**Быков Александр Владимирович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Бялт Виктор Сергеевич** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

**Вашенко Валерий Артурович** — аспирант кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия» (Украина).

**Воропанов Виталий Александрович** — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

**Грязнова Татьяна Евгеньевна** — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Денисов Сергей Алексеевич** — кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека Гуманитарного университета г. Екатеринбурга.

**Дергилева Светлана Юрьевна** — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина.

**Джумагазиева Гульнара Сарсенбаевна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Астраханского государственного университета.

**Дизер Олег Александрович** — кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры Омской академии МВД России.

**Дубровин Евгений Владимирович** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Евдошенко Ираида Владимировна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

**Евсеев Тимур Петрович** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

**Желдыбина Татьяна Анатольевна** — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

**Зайцева Екатерина Сергеевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Иванов Алексей Алексеевич** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

**Карчевская Наталья Ивановна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

**Касимов Тимур Салаватович** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (г. Уфа).

**Киселёв Анатолий Кириллович** — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного права Северо-Кавказского социального института (г. Ставрополь).

**Киселёв Сергей Сергеевич** — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Кобец Петр Николаевич** — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (г. Москва).

**Кожевина Марина Анатольевна** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Козюк Михаил Николаевич** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

**Коломиец Юлия Юрьевна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Национального университета «Одесская юридическая академия» (Украина).

**Кондюрина Юлия Алексеевна** — начальник юридического отдела ФГУП «Научно-производственное предприятие “Прогресс”» (г. Омск).

**Кононенко Денис Федорович** — аспирант кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия» (Украина).

**Красножон Оксана Владимировна** — адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России.

**Кузубова Ангелина Юрьевна** — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Воронежского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

**Кузьмин Игорь Александрович** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

**Лепина Татьяна Геннадьевна** — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

**Липич Оксана Александровна** — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского процесса Забайкальского института предпринимательства (г. Чита).

**Лызлов Алексей Иванович** — заместитель начальника отдела следственной части главного следственного управления ГУ МВД России по Алтайскому краю (г. Барнаул).

**Любашенко Вячеслав Игоревич** — аспирант кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия» (Украина).

**Маганкова Анна Алексеевна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии.

**Матиенко Татьяна Львовна** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

**Морозов Андрей Анатольевич** — кандидат исторических наук, начальник адъюнктуры Омской академии МВД России.

**Москаленко Глеб Евгеньевич** — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

**Нечепуренко Алексей Алексеевич** — доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России.

**Никифорова Славяна Алексеевна** — адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России.

**Осипов Михаил Юрьевич** — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула).

**Попова Анна Владиславовна** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

**Рыжов Дмитрий Васильевич** — кандидат юридических наук, председатель Арзгирского районного суда Ставропольского края.

**Свечникова Лариса Геннадьевна** — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Ставропольского института кооперации.

**Семенова Ольга Владимировна** — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

**Серов Алексей Владимирович** — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Сибилькова Анна Васильевна** — кандидат юридических наук, следователь главного следственного управления МВД по Республике Башкортостан (г. Уфа).

**Слабухо Михаил Евгеньевич** — начальник линейного пункта полиции на ст. Болотная Линейного отдела МВД России на ст. Новосибирск.

**Сосенков Федор Сергеевич** — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Волжского государственного университета водного транспорта (г. Нижний Новгород).

**Стоцкий Александр Петрович** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

**Сургутсков Вадим Игоревич** — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России.

**Титова Елена Анатольевна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России.

**Трояновский Александр Васильевич** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия» (Украина).

**Тюменцева Галина Ивановна** — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и психологии Омской юридической академии.

**Федотова Татьяна Анатольевна** — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления национальным хозяйством Днепрпетровского национального университета им. О. Гончара (Украина).

**Филонова Олина Игоревна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Курганского государственного университета.

**Хасанов Фидель Загирович** — кандидат политических наук, помощник судьи Верховного Суда Республики Башкортостан (г. Уфа).

**Хохлов Вячеслав Анатольевич** — старший следователь по особо важным делам следственной части Главного следственного управления ГУ МВД России по Алтайскому краю (г. Рубцовск).

**Червяковский Александр Владимирович** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Шадрина Екатерина Геннадьевна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

**Шепель Владимир Анатольевич** — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

**Щепкин Сергей Stanisлавович** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

**Юрицин Андрей Евгеньевич** — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России.

**Язов Александр Николаевич** — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

**Ящук Татьяна Федоровна** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                                                                                                          |    |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <b>Абрамова М. Г.</b> Современное политическое пространство России: гражданское общество или общество граждан? .....                                                                     | 3  |
| <b>Амиров Р. З.</b> Особые правовые режимы и военизированные императивы их обеспечения в правовой политике Советского государства .....                                                  | 5  |
| <b>Балко В. И.</b> Периоды и этапы истории дактилоскопии .....                                                                                                                           | 8  |
| <b>Борт А. П.</b> Теория характерного исполнения как коллизионный принцип установления договорного статуса .....                                                                         | 11 |
| <b>Бтикеева М. А.</b> Предпосылки регионального внеевропейского интеграционного развития .....                                                                                           | 14 |
| <b>Бучакова М. А.</b> Государственная политика Российской Федерации в области миграции .....                                                                                             | 17 |
| <b>Быков А. В.</b> Проблемы кадрового обеспечения учебно-воспитательной деятельности мест заключения РСФСР в 1920-е годы .....                                                           | 20 |
| <b>Бялт В. С.</b> Теоретико-правовые проблемы обеспечения правового статуса личности .....                                                                                               | 22 |
| <b>Вашенко В. А.</b> Отграничение денонсации от других видов прекращения международных договоров .....                                                                                   | 24 |
| <b>Воропанов В. А.</b> Правовое регулирование подготовки кадров и комплектования должностей военно-надзорной службы в законодательстве Российской империи первой половины XIX века ..... | 27 |
| <b>Грязнова Т. Е.</b> Институт референдума в российской либеральной правовой мысли конца XIX – начала XX веков .....                                                                     | 30 |
| <b>Денисов С. А.</b> Правовая политика, направленная на поддержание мягкого авторитарного режима .....                                                                                   | 34 |
| <b>Дергилева С. Ю.</b> Развитие науки полицейского права в Германии в конце XIX – начале XX веков .....                                                                                  | 38 |
| <b>Джумагазиева Г. С.</b> Теоретические проблемы в определении недвижимого имущества для развития российской правовой системы .....                                                      | 42 |
| <b>Дизер О. А.</b> Государственная политика Российской Федерации в области противодействия бродяжничеству и попрошайничеству .....                                                       | 45 |

|                                                                                                                                                                                                     |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Дубровин Е. В.</b> Правовое регулирование организации и деятельности квалификационных коллегий судей в проекте новой редакции Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей ..... | 49  |
| <b>Евдошенко И. В.</b> О реформе правоохранительных органов и развитии отечественного народовластия .....                                                                                           | 52  |
| <b>Евсеев Т. П.</b> Городские общины как основа системы местного управления в ранней Римской империи .....                                                                                          | 54  |
| <b>Желдыбина Т. А.</b> Законодательная политика: формирование и развитие .....                                                                                                                      | 58  |
| <b>Зайцева Е. С.</b> Пробелы в праве и пределы правового регулирования .....                                                                                                                        | 61  |
| <b>Иванов А. А.</b> Политика «чисток» советского аппарата в 20–30-х годах XX века: причины, механизм и последствия .....                                                                            | 63  |
| <b>Карчевская Н. И.</b> О перспективах развития гражданского общества в современной России .....                                                                                                    | 67  |
| <b>Касимов Т. С.</b> Имперские проекты развития современного Российского государства .....                                                                                                          | 69  |
| <b>Киселёв А. К.</b> Изменения семьи и социальная политика в Европе .....                                                                                                                           | 73  |
| <b>Киселёв С. С.</b> Нравственность в уголовном праве .....                                                                                                                                         | 76  |
| <b>Кобец П. Н.</b> Об общих закономерностях и криминологических показателях преступлений, совершаемых на рынке недвижимости, в современной России .....                                             | 78  |
| <b>Кожевина М. А.</b> Договор об образовании СССР 1922 года как предпосылка демонтажа союзного государства .....                                                                                    | 80  |
| <b>Козюк М. Н.</b> Новые явления в российской правовой системе и развитие теории права .....                                                                                                        | 83  |
| <b>Коломиец Ю. Ю.</b> Марксизм как методологическая основа исследования права .....                                                                                                                 | 86  |
| <b>Кондюрина Ю. А.</b> Диспозитивность при реализации судебной электронной коммуникации .....                                                                                                       | 89  |
| <b>Кононенко Д. Ф.</b> Правовое регулирование возмещения убытков субъектов внешнеэкономической деятельности в условиях действия экономических санкций .....                                         | 90  |
| <b>Красножон О. В.</b> Ведомственная печать как средство реализации задач Министерства внутренних дел Российской империи .....                                                                      | 93  |
| <b>Кузубова А. Ю.</b> Об основных правовых ценностях русского консерватизма .....                                                                                                                   | 95  |
| <b>Кузьмин И. А.</b> Нетипичные классификации юридической ответственности .....                                                                                                                     | 98  |
| <b>Лепина Т. Г.</b> Особенности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, обусловленные их личностными характеристиками .....                                                | 101 |
| <b>Липич О. А.</b> Нотариат в Забайкалье в период с 1866 по 1922 год: историко-правовой аспект .....                                                                                                | 103 |



|                                                                                                                                                                                          |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Лызлов А. И.</b> О наказуемости негодного покушения на убийство .....                                                                                                                 | 106 |
| <b>Любашенко В. И.</b> Категория «международное сообщество» в концепции «обязанности защищать» .....                                                                                     | 110 |
| <b>Маганкова А. А.</b> Обеспечение права на защиту на стадии исполнения приговора как условие реализации принципа справедливости .....                                                   | 112 |
| <b>Матиенко Т. Л.</b> «Гонение следа» как форма досудебной стадии судопроизводства в Древнерусском государстве .....                                                                     | 114 |
| <b>Морозов А. А.</b> Религиозные объединения в жизни гражданского общества .....                                                                                                         | 118 |
| <b>Москаленко Г. Е.</b> Идея общественной солидарности в теории М. М. Ковалевского .....                                                                                                 | 121 |
| <b>Нечепуренко А. А.</b> Судимость как мера уголовной ответственности ....                                                                                                               | 122 |
| <b>Никифорова С. А.</b> Концепция реформирования законодательных органов Российской империи в теоретическом наследии Э. Н. Берендтса ....                                                | 126 |
| <b>Осипов М. Ю.</b> О разграничении понятий «отрасль права» и «область правового регулирования» .....                                                                                    | 128 |
| <b>Попова А. В.</b> Проблема взаимосвязи личности, общества и государства как основа становления гражданского общества в трудах российских неолибералов начала XX века .....             | 131 |
| <b>Рыжов Д. В.</b> Судебные реформы России в отечественной историографии .....                                                                                                           | 134 |
| <b>Свечникова Л. Г.</b> Этапы становления органов полиции в Российской империи XVIII–XIX веков .....                                                                                     | 138 |
| <b>Семенова О. В.</b> Правовое поведение: к вопросу об определении признаков .....                                                                                                       | 142 |
| <b>Серов А. В.</b> Особенности толкования оперативно-розыскных норм .....                                                                                                                | 144 |
| <b>Сибилькова А. В.</b> Принципы усовершенствования законодательных норм применения метода гипнорепродукции при расследовании преступлений .....                                         | 146 |
| <b>Слабухо М. Е.</b> Юридическая ответственность в российском законодательстве и праве XIX – начала XX веков .....                                                                       | 149 |
| <b>Сосенков Ф. С.</b> Проблемы государственного единства и профилактики сепаратизма в политико-правовых установках конституционно-демократической партии (партии народной свободы) ..... | 152 |
| <b>Стоцкий А. П.</b> Правовые основы закрепления и реализации социально ориентированных инициатив заключенных .....                                                                      | 155 |
| <b>Сургутсков В. И.</b> Легализация оборота боевого оружия в качестве гражданского оружия самообороны в России: готовы ли общество и полиция? .....                                      | 158 |
| <b>Титова Е. А.</b> Технология правовой пропаганды в молодежной среде ....                                                                                                               | 161 |

|                                                                                                                                                                                     |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Трояновский А. В.</b> Форс-мажорные обстоятельства и договорные условия об освобождении от ответственности за нарушение договорного обязательства .....                          | 164 |
| <b>Тюменцева Г. И.</b> Государственная молодежная политика в современной России (региональный аспект) .....                                                                         | 166 |
| <b>Федотова Т. А.</b> Социальный аспект правовой политики современных государств .....                                                                                              | 170 |
| <b>Филонова О. И.</b> Деятельность судов под влиянием государственной политики: теория и практика периода НЭПа .....                                                                | 173 |
| <b>Хасанов Ф. З.</b> Правовая политика государственного управления в сфере здравоохранения .....                                                                                    | 175 |
| <b>Хохлов В. А.</b> О необходимости формализации правового значения смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (по материалам практики назначения наказания за убийство) ..... | 178 |
| <b>Червяковский А. В.</b> Дореволюционные российские юристы о месте официального опубликования законов в законодательном процессе .....                                             | 181 |
| <b>Шадрина Е. Г.</b> О необходимости комплексного изучения института государственного обвинения .....                                                                               | 183 |
| <b>Шепель В. А.</b> Право на суицид .....                                                                                                                                           | 185 |
| <b>Щепкин С. С.</b> «Политика» и «право»: соотношение понятий .....                                                                                                                 | 188 |
| <b>Юрицин А. Е.</b> Актуальные проблемы формирования гражданского общества в Российской Федерации .....                                                                             | 191 |
| <b>Язов А. Н.</b> Идея народного представительства в политико-правовой теории С. А. Котляревского .....                                                                             | 194 |
| <b>Яшук Т. Ф.</b> Градостроительная политика и законодательство: актуализация исторического опыта .....                                                                             | 196 |
| <b>Сведения об авторах</b> .....                                                                                                                                                    | 201 |

Научное издание

ПРАВО И ПОЛИТИКА:  
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

---

Редактор А. Н. Великих

Корректор М. В. Виноградова

Технический редактор Л. А. Янцен

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 22.06.2016. Формат 60х84/16. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 12,3.

Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 130 экз. Заказ № 378.

---

---

Редакционно-издательский отдел  
Группа полиграфической и оперативной печати  
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7

---